

СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН

ISSN 0321 — 3803 Июль, 1990 г.

СТМ

Пикассо: поэт и художник
Валерий Лебановский:
третья попытка

Газетные магнаты... в семнадцать лет
Кадеты. Какими они были?

«а» и «против» экзаменов
Ведомство или «век

ФОТОРЕПОРТАЖ

Незабытая экспедиция

Дневник Канченджанга-89

Михаил Туркевич

«Прежде всего позвольте выразить большую благодарность журналу за публикацию дневников Михаила Туркевича. Почему-то так получается, что поклонники альпинизма испытывают информационный голод. Свершилась вторая гималайская экспедиция, а газеты едва откликаются. Поэтому ваша публикация для нас, близко принимающих к сердцу альпинизм, очень кстати. Как было бы замечательно, если бы журнал опубликовал записки и с восхождения на Канченджангу. И еще, если возможно, хотя бы несколько снимков из второй гималайской экспедиции.

Как же встретили на этот раз наших ребят Гималаи? Ткачева Т. В., г. Мариуполь».

Позади морозная снежная Москва. Сутолока аэропортов, таможенный досмотр. Первая ночевка на трекинге. Селение Дор-Пани. Это две хижины под бамбуковыми циновками, стоящие на просторных террасах.

Мы в передовой группе. Нас восемь человек: Валентин Иванов, Сергей Бершов, Виктор Пастух, Сергей Арсентьев, Миша Можав, Алексей Троичиненко, Саша Глушковский и я. Вчера, обогнав вышедший после обеда караван, мы дошли сюда, а портеры (носиальщики) останновились ниже, поэтому нам пришлось опять вернуться, чтобы поесть и поспать в тепле.

В лагерь спустились к 11.00. Луна ярко освещает тропу. В тени рододендронов спотыкаемся о камни, лежащие на тропе. Но лыжные палки спасают от вывихов и падений. Ночевать с нашими вещами остались Иванов и Пастух. Глоток рома с кофе, случайно захваченные с собой, возымели свое действие (ром для профилактики кишечных заболеваний). В лагере почти все спят, намотавшись за день.

Утро. Лежим на полянке, греемся на солнышке, а мимо несут наши грузы. Мы разделись до плавок, и все носиальщики останавливаются рядом, чтобы взглянуть наши бедные тела. Иванов говорит, что зимний загар самый полезный, и мы не спешим собираться. Пастух потирает мою гематому. Она, кажется, начинает рассасываться. Падение и удар о скалу чуть не нарушили все мои планы. Но это отдельный разговор, а сейчас, кажется, все налаживается.

Выйдя на гребень, впервые видим панораму Канченджанги. Весь массив с ее четырьмя вершинами возвышается в цепи гор. Навстречу гонят выючных яков, причем очень много. Кажется, для нашей экспедиции. Это неплохо. Грузов накопились, думаю, около тысячи мест — с учетом питания для носиальщиков, керосина...

Позади еще один день. Стали на человека. Разбили два кемпинга, а Троичиненко поставил маленькую палаточку. Грузы свалили в одну кучу. Долго пришлось объясняться с носиальщиками. Первые дни похода — это всегда неопределенность. Часа два распаковывали и упаковывали баулы, бочки, пока нашли нужные вещи.

Погода портится, и даже писать холодно — руки мерзнут. На улице теплее. Пора спать. Снятся предвзвездные хлопоты и сомнения, связанные с

экспедицией. Видимо, там, дома, нервы были на пределе и не давали разгула воображению, а сейчас обо всем можно думать.

Вершина возвышается по курсу.

На перевале нас застал первый снег. Мелкие, едва видимые снежинки появились, когда мы смотрели вниз, в долину. Иванов показывал, где находится аэродром в поселке Таиланджунг. Там они были, когда ходили в разведку. Высота перевала 3070 м, а мы должны спуститься до 700 м, к реке Тамур, по ущелью которой будем подниматься к вершине.

Канченджанга в облаках. Если верить в приметы о полнолунии, все идет к тому, что погода испортится — и надоело.

В середине февраля леса здесь зеленые, а сегодня даже встретили первые цветы. Это на высоте 3000 м! Северные склоны и тропы подо льдом, но южные полностью застроенные и обжитые, зеленеют террасами.

Тропа спускается в густые заросли рододендронного леса. Слышны далекие раскаты грома, и уже сылет град. Торопимся спуститься к месту намеченной ночевки. Тропа становится скользкой. Максимум концентрации внимания. Приходится доставать зонтик — я думал, что зонты мы купили напрасно. Идем как по Москве, «когда весенний первый гром...».

Ближе к ночи к домику, где мы остановились, подходят портеры, уставшие, еле живые: они сегодня под грузом 10 часов и по такой скользкой и холодной тропе. Многие из них босиком. Бедняги...

В комнате, где мы расположились, темно, ни одного окна; кроме открытых дверей, свет нигде не поступает. Коптилка на столе вскоре гаснет, кончился керосин. Свечи куда-то запропастились. Спасают фонарики.

Кажется, нарывает указательный палец на левой руке. Для четыре назад мне приснился сон, что я его сломал. Но тогда все было в порядке. Так что называется, сон в руку.

Отмачиваю его в горячем чае, накладываю комбинацию мазей и сверху пластырь. Пастух лечит портеров: таблетки, пластырь на сбитые колени и

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

Ст.М

Студенческий меридиан

Ежемесячный
общественно-политический
и литературно-художественный
журнал ЦК ВЛКСМ
и Госкомитета СССР
по народному образованию

Издается с мая 1924 года.
1990, № 6, 1—80

Главный редактор
Юрий Ростовцев

Редаколлегия:
Виктор Астафьев,
Генрих Волков,
Феликс Волков,
Ирина Голованова,
Владимир Грошев,
Николай Егоров,
Александр Жуганов,
Егор Исаев,
Анатолий Карпов,
Ярослав Микуляк
(заместитель главного
редактора),
Олег Михайлов,
Ирина Репина
(ответственный секретарь),
Сергей Святников,
Вячеслав Шостаковский,
Михаил Щипанов

Главный художник
Александр Архутик
Художественный редактор
Константин Кухтин
Технический редактор
Галина Белова

Наш адрес: 125015, Москва,
Новодмитровская ул., д. 5а,
«Студенческий меридиан».
Рукописи не возвращаются. При
перепечатке ссылка на «Студен-
ческий меридиан» обязательна.
Телефон для справок: 285-80-71

Сдано в набор 22.03.90. Подл.
в печ. 28.04.90. А03002.
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага
офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 27,28.
Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 1 150 000
экз. (500 001—1 500 000 экз.).
Заказ 2050. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного
Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес: 103030, Москва,
Сущевская ул., д. 21.
© «Студенческий меридиан»,
1990 г.

т.д. Успеваем в перерыве между дождем почистить зубы и умыться. В ночи особенно здорово смотрятся сполохи молний. Лес сверху над нами усыпан снегом.

Всего около трех часов шли сегодня, но дальше портеры не идут, хотя времени только 14.00. Пришли первые, а остальные будут тянуться еще часа два.

Мы заняли две комнаты второго этажа. Комнаты разгорожены бамбуковыми жердями. Весь день идет дождь.

Спустились к Тамуру. Здесь проскочили мимо полицейского участка. Они и не поняли толком, кто мы и откуда. Потом, правда, нас догнали в селении и потребовали документы, которых у нас нет, так как наш шеф Калимулин, наверное, только сейчас в Катманду делает для нас «пермиты» (паспорта). Но разрешение на проведение экспедиции у Иванова есть, и этого оказывается достаточно.

Знаменитая по описаниям Дханкута — это несколько десятков домишек из бамбука плюс 2—3 десятка лавчонок с мелочовой. Детишки с любопытством рассматривают нас, особенно когда ребята от скуки начинают браться.

Все пишут и фотографируют. А мне что-то не хочется, хотя понимаю: если упустить все, что сейчас вокруг, то потом трудно вспоминать. Но вид «эпистелей» отбивает всякую охоту. Поюду, пофотографирую.

Проснулись в 6.00. Зазвонил еле слышно будильник у Пастуха. Снизлась баня, и действительно сегодня нам удалось по-

мыться в Тамуре. Постирали грязные вещи. Вода в реке какая-то особенная: стоит немного намылить майку, потереть и прополоскать, как она становится чистой.

Несмотря на февраль, солнце греет по-летнему. Растянув между камней полиэтиленовую пленку, наливаю туда воду и жду, пока нагреется на солнце. Это для мытья головы. После Биратнагара эта процедура совершается сегодня впервые. В голове вполне могли завестись насекомые, которых здесь в избытке в каждом доме. Я даю им решительный бой!

Мысловский и некоторые руководители экспедиции, кажется, больше обеспокоены финансовым отчетом, чем исходом экспедиции.

Ночевали в деревне Синва, это от предыдущего места ночевки 3,5 часа ходу. В деревеньке из 10—15 вполне добротных домов много детей относительно опрятно одетых, вымытых и не сильно сплывших. Дети здесь почти не собираются, если не давать повода для этого. Наверное, просто не привыкли, так как туристов здесь пока немного.

Пастух лечит мелкие царапины пацанам. Они с удовольствием позируют перед объективами. Невозможно снять кого-то в отдельности, потому что сразу же набегает толпа. Радиосвязи опять нет, хотя и растянули большую антенну «Луч» радиостанции «Недра».

Тропа здесь по сравнению с подножьем под Эверестом совсем плохая, в некоторых местах еле различима. Не дай бог

сорваться в реку. Из нее, пожалуй, уже не выбраться.

Попадаются первые заросли диких кактусов, которым очень обрадовался Серега Арсентьев. Встречающиеся на тропе люди интересуются: откуда? Узнав, что из Союза, удивляются. А один тут же воскликнул: «Горбачев — перестройка!»

Зарезали горного козла, которого удалось купить всего за 800 рупий. Пока платит Трощиненко. Когда стемнело, устроили в палатке стол, было много мяса и риса: даже осталось.

Дневные переходы очень короткие, мы пришли на место ночевки и часа три под мелким дождем ждали, пока принесут тенты, чтобы спрятаться и спокойно поиграть в домино. Больше делать нечего. Я, правда, попытался соорудить удочку и половить рыбу в Тамуре, но, кроме прыгающего крючка по бешено несущимся волнам, ничего в речке не увидел. Кто-

то сказал: «Вода холодная, рыба ушла ниже — греться».

Перед перевалом носильщиков застала непогода, и они, бросив 50 грузов, сбежали. Восьмерых отловили и посадили в «кутузку».

Тем не менее портеры не хотят идти, просят повысить плату до 150 рупий. Об этом нам сообщает Нима, старший из них, но мы не уполномочены решать эти вопросы. Это дело фирмы, которая взялась доставить грузы в базовый лагерь.

После обеда ходили в джунгли улучшать тропу.

Поляки, которые здесь проходили в январе, кажется, сделали огромную работу, облегчив нам намного подход. Одна забота: чтобы оставшиеся портеры как можно дальше несли наши грузы.

Тропа уходит круто вверх по склону, все время через заросли бамбука, на высоте 50—100 метров над рекой. Скалы почти отвесные, но заросли

бамбука сглаживают чувство опасности. Бамбук действительно так крепко сидит на склоне, что, кажется, сорваться и улечь здесь невозможно, хотя бревна и камни, срывающиеся сверху, куда уходят скальные отвесы, говорят о другом. Их следы в этих зарослях то и дело встречаются на нашем пути.

Вчера проводники-лесорубы поработали неплохо. Подрубили бамбук и во многих местах улучшили тропу.

Один из шерпов, идущий налегке, сломал лучевую кость правой руки. Витя наложил гипс. Продуктов, говорит Нима, осталось мало, и необходимо их поднести из основного каравана.

Нет связи. Рация застряла где-то внизу. Для основного каравана этот путь будет очень сложным, так как там идет вдвое больше людей, чем у нас. А места для ночевки не очень обширные, чтобы вместить сотню людей.

По альтиметру 2840 м. После обеда наполнили тучки, но к вечеру их растянуло.

Неожиданно встречаемся с польской экспедицией, которая стоит базовым лагерем в Гунзе, куда мы сегодня дотопали. Они дошли только до 7200 м и повернули. Истеки сроки разрешения на восхождение к вершине Ямунг Канг.

Вот и джунгли закончились, бамбука больше нет, а вещей мы не нарезали. Место для ночевки не очень хорошее, хотя площадка большая и ровная. Расчистили снег под кемпинг. Уже в темноте подходят портеры. Вчера девять из них заночевали, не дойдя до лагеря.

Портеры опять бастуют. Не хотят идти дальше. Вначале согласились нести 26 мест, но польская экспедиция, которая спускает груз вниз, куда для них заманчивей. За те же деньги, но в тепло, домой. Это понятно. Но нам-то нужно наверх!

Альпиниада

Не будем лишним раз толочь воду в ступе. Не будем ходить вокруг да около. Давайте немного подурчимся — ведь умный в гору не пойдет.

К чему все это? А к тому, что «Ст. М.» решил провести конкурс знатоков гор. Вот вопросы, которые задает вам наш автор, известный альпинист Туркевич.

1. Назовите самый северный семитысячник планеты?
2. Какова высота наивысшей точки Южной Америки?
3. Кто и когда поднялся первым на вершину Эльбруса?
4. Сколько на Кавказе вершин выше пяти тысяч метров?
5. Где находится самый северный шеститысячник на планете? Назовите его?
6. Сколько названий имеет Эверест?
7. Кто поднялся первым на вершину выше восьми тысяч метров?
8. Как переводится название вершины Канченджанга, на которой в 1989 году совершили траверс советские альпинисты?
9. Кто и когда поднялся первым на Эверест?
10. Назовите самую точку Антарктиды. Какова ее высота?

Победителей нашей альпиниады ждет сюрприз: поездка в Зуевку, где находится спортбаза Михаила Туркевича — школа будущих альпинистов. Желаем вам успехов. Ответы присылайте не позже двух недель со времени получения журнала. И еще. По условиям конкурса в нем могут принимать участие только студенты.

Огромная ровная поляна, на которой вполне может садиться вертолет. Но где его взять? Высота уже за 4000 м. Чувствуется «горняшка», когда расчищаем снег под палатки. В висках стучит. Постепенно акклиматизируемся.

Можаяву придумали кличку — тропотоп. Это когда он впереди топтал тропу, заводя нас все время то в кусты, то в валуны.

За ужином начали вспоминать памятные даты: может быть, стоит завтра зарезать «селедку». У моего сына завтра день рождения, Бершов 28 февраля расписывался, Иванов 27-го, кажется, и т. д. Иванов вспомнил, что может быть еще одна причина — похороны. Ледник, куда мы хотим пойти, чтобы сделать промежуточный лагерь, известен тем, что там лежит замерзший в прошлом году носильщик. Поляки его ви-

дели, но не захоронили. Так что, видимо, это предстоит завтра сделать нам.

Наконец увидели Канченджангу. Она открылась всеми своими четырьмя вершинами, перегородив полностью ущелье. Это какой-то монстр, пугающий и завораживающий величием и красотой. Снега почти на вершинах нет, и они в утренних лучах солнца стояли словно позолоченные. К сожалению, я забыл сделать слайды, снимал на черно-белую пленку.

До Октаंगा шли полтора часа, после еще два — до ледового лагеря. На обратную дорогу ушло три часа.

Немного подустал. Побаливает спина от перегрузок, но необходимо втягиваться. Да и высота в ледовом лагере 4750 м — это уже прилично. Завтра день отдыха. А сейчас ложимся спать.

*Внимание! Уникальный снимок!
Специально для читателей журнала!
Даже восхождение на Канченджангу
стоит совершать только с любимым журналом.*

«За» и «против» экзаменов

Когда заканчивается летняя сессия и студенты разъезжаются по домам, в студотряды, спортивные лагеря, на смену им приходят абитуриенты и их родители, занятые многочисленными проблемами, связанными с поступлением. Впрочем, один вопрос в это время наверняка решен — куда поступать.

Взвешены все «за» и «против», собраны справки и характеристики, осталось — зубрить до глубокой ночи определения, схемы, параграфы...

Сейчас я на равных могу говорить с абитуриентами — через несколько дней мне сдавать вступительные экзамены на журфак МГУ, — тоже решаю многочисленные вопросы, связанные с поступлением, поэтому попробую разобраться в одной из главных проблем.

Письма от будущих студентов, безусловно, самый интересный сейчас для меня материал. Их можно было бы разделить на две группы.

Одна — и этих писем явное большинство — прислана теми, кто в ожидании предстоящих экзаменов все же поднимают вопрос об их отмене. Автор каждого такого письма задает вопрос: «Для чего нужны вступительные экзамены, забирающие столько здоровья, выматывающие нервную систему и не выполняющие своей основной задачи — отбирать действительно тех, кто знает лучше?!»

Еще не столкнувшись близко с высшим учебным заведением, они все беды сваливают на систему высшего образования. Но, на мой взгляд, не такая она плохая, какой привыкли ее считать. Только мы сами день ото дня делаем ее хуже. Я сомневаюсь даже в подлинности вновь возникшей демократии в вузе, когда мне рассказывают о курсе, отказавшемся сдавать зачет, считая его ненужным (дескать, нам не

нужны лишние знания?!), а преподаватель, чтобы не выглядеть в их глазах консерватором, ставит всем «зачтено». Но само оно наверняка не считает свой предмет лишним. Я не знаю, как пройдут мои студенческие годы, но среди моих собеседников встречаются люди, которые провели пять лет учебы в вузе весело и романтично, а спустя десять лет хватают себя за голову и проклинают «студенческое безделье», от которого в голове ничего не осталось. Не знаю — как вам, а мне бы не хотелось оказаться в подобном положении...

Ну а какая же вторая группа читателей, спросите вы. Она выступает с совершенно других позиций: требует ужесточить вступительные экзамены. Но этих писем значительно меньше. Одни, уверенные в своих знаниях — те, кому не нужен счастливый билет. Другие, когда-то уже не поступившие в вуз. Они, конечно, помнят прошлые годы провалов и недобора баллов и сегодня, потеряв надежду на счастливый билет, который в прошлый раз достался соседу, хотят сдавать экзамены по самым требовательным меркам.

Хотя и в моей жизни были неудачные экзамены в институт, я не могу причислить себя к этой группе. Мне кажется, что ужесточение экзаменов — тоже не выход.

Две разные группы, имея свои аргументы, горят желанием изменить систему приема. Тогда почему бы нам на страницах журнала не попробовать обсу-

дить этот вопрос, но только честно, отбросив сиюминутные эмоции, серьезно посмотрев на проблему. И, если вы не возражаете, я могу начать.

Кто-то из читателей возражает, что сегодня это не самое главное, что нет ни времени, ни средств, ни возможностей... Это не аргументы, лишь бы было желание у заинтересованных в этом людей. А это преподаватели, которым было бы намного легче работать со студентами, которые учатся в результате серьезного отбора... Это многочисленные предприятия, которым, безусловно, не все равно, кто будет работать у них через несколько лет.

Так как все-таки узнать желания и возможности абитуриентов? А что, если будущих студентов, подавших заявление на данную специальность, собрать вместе хотя бы на неделю в удобный для всех месяц, в том числе и для выпускников средних школ, например, июль, — и на деле убедиться, что значит для них будущая профессия.

Те же преподаватели лучше узнают своих будущих слушателей не за 20 минут ответа на экзамене, а за несколько дней работы рядом. Свообразие профессивности в профессии, но не с целью получить удовольствие, а серьезно поработать, доказывая свою способность к той специальности, которую выбрал. Неверным это поможет утвердиться или, наоборот, отказаться от опрометчивого решения.

Противит все это скептик, разберется чуть-чуть в моем предположении и выложит свои «против». Какой преподаватель пойдет работать в самый разгар лета, с утра до вечера сталкиваясь с совершенно разными людьми, да еще и анализировать их работу.

А если в самом разгаре работы кто-то из абитуриентов решит для себя, что только потратил время зря, куда ему податься?! Снова ждать год?

Да, можно найти массу многочисленных «но»...

Но, только обсудив, поспорив, возразив, мы найдем то самое, общее главное решение, которое поможет исправить существующее положение.

Нина Клябанова

Ведомство или человек

Студентам Московского гидромелиоративного, можно сказать, «повезло» — они уже дважды за сравнительно короткое время стали героями наших публикаций. В статье А. Санина «Человек ведомства» (№ 11 за 1989 г.) речь шла о том, как студенты этого института относятся к избранной специальности, что думают об экологической ситуации в стране. Неожиданно для участников этого разговора автор сделал такой вывод: молодое поколение «ведомственных патриотов» всеми силами старается отмыть мундир мелиоратора от приставших к нему пятен. Студенты с этим в корне не согласны. Поэтому мы дали им возможность высказать свою точку зрения на положение дел как в ведомстве, так и в институте.

Нет, не случайно!

Корреспондент: Давайте начнем вот с чего: насколько осознанно вы выбрали специальность?

Валерий Бикмухамбетов, студент IV курса, факультет гидротехнического строительства (ГТС): Я сам из семьи строителей. В 1984 году, когда заканчивал школу, мелиорация была на подъеме. Мы все свято верили в решения партии и правительства. Я тоже в этом плане был «верующим» человеком. Так что выбрал институт вполне осознанно. В то же время поднялся бум по поводу «стройки века» — естественно, захотелось настоящего дела. Прошло время. И оказалось, что мелиораторы — это почти «враги народа». И вокруг нашей профессии возникло что-то вроде полос отчуждения.

Анатолий Рябцев, студент V курса ГТС: Попал в институт по призванию. Сначала закончил сельскохозяйственный техникум по отделению гидромелиорации, а теперь изучаю гидростроительство. Мое отношение к экологической ситуации? Дело тут в том, что много глобальных вопросов решается не специалистами, не компетентными, мягко говоря, людьми.

В. Бикмухамбетов: Кстати, в прессе очень редко можно встретить профессионально грамотные публикации на эти темы. Kleймят мелиорацию и гидротехнику и не пробуют разобраться: как выйти из тупика, что делать дальше?

Корр.: А как вы представляете себе будущее специальности?

В. Бикмухамбетов: Проблем много везде, не только у нас в гидротехнике. Мы — страна непрофессионалов. Наша специальность — не исключение, конечно... Хватает людей случайных. Хватает предметов, которые нам в будущем не пригодятся. Нужно теснее связывать учебу с будущей работой. После окончания института мы приходим в сложившийся коллектив со своими традициями, подчас консервативными. Нередко молодой человек со своими идеями выглядит здесь просто пугалом.

Корр.: Да плюс к тому же зависимое положение молодого специалиста: жилье, детсад... Ну а что вы можете сделать уже сегодня?

Скупой платит дважды...

В. Бикмухамбетов: Наш институт всегда выступал за независимую экологическую экспер-

тизу всех больших проектов. У нас преподают ученые с мировыми именами. Например, на нашем факультете ГТС профессор Николай Павлович Розонов — ведущий инженер-гидротехник страны. Его вызывают для консультаций во многие страны.

А. Рябцев: Я не защищаю честь мундира, но та же перебриска рех — это неизбежно. В Китае, например, она осуществлялась еще 3 тысячи лет назад. В европейских странах — Бельгии, Голландии, ФРГ, Франции — да и в Канаде, США ее преимущества поняли в середине прошлого — начале нашего столетия. Кстати, и само слово «перебриска», выходящее у всех зуд, не совсем правильное. Точнее сказать «перераспределение стока рек». Это реальность. И от нее никому не уйти.

Корр.: Но почему-то у нас это никак не получается...

А. Рябцев: Просто отношение к подобным проектам должно быть в принципе другим — я имею в виду ответственность. Нельзя решать такие проблемы одним росчерком пера. Ведь и многие гидротехники были против той перебриски, которая намечалась — помпезной, грандиозной. Тут необходимы взвешенность, расчет. Уверен, к этому проекту, к самой его идее наше общество еще вернется, может быть, лет через сто... Когда достигнем должного уровня культуры строительства.

Алексей Вовк, студент V курса, факультет ГТС: Вот сейчас много шума вокруг больших ГЭС, каскадов... Винят во всех бедах нас — гидротехников. Точно так же можно обвинять миллионы людей, которые строили БАМ.

А. Рябцев: Хочу сказать о гигантомании и каскадах ГЭС на Волге, которые затопили много территорий. Попробуем рассмотреть ситуацию объективно. Эти станции строились в послевоенное время. Тогда было, прямо скажем, не до экологии. Нужна была энергия, чтобы подняться из разлухи. Только сейчас опомнились и подняли разговор об экологии Волги. Но реально ни Днепробэс, ни Волжский каскад теперь никому не денешь, не ликвидируешь. Даже если их ликвидировать,

«АСФАЛЬТОВЫЙ ЗАВОД» — ПИ». ФОТО ЕДЫГЕ НИЯЗОВА, Г. ПАВЛОДАР

то почва там уже непригодная, структура нарушена. С другой стороны, Волжский каскад водохранилищ осаждают до 50 процентов вредных наносов стока: гербициды, пестициды. К тому же в низовьях Волги, в районе Волгограда, на промышленных предприятиях практически не применяются очистные сооружения. Получается, что водохранилища играют роль отстойников.

Корр.: Безрадостная картина: за что ни возьмемся — все идет прахом...

А. Рябцев: Отчего наши проекты хромают, а природа страдает? Да, в частности, потому, что комиссии принимают самый дешевый проект. Ну, например,

что лучше: выкопать просто канал или, выкопав, облицевать его еще и бетоном? Естественно, что для чиновников лучше дешевый вариант. Так у нас и сделали в Средней Азии: нарезали каналов, которые лишь половину воды пропускают на поля, а остальное уходит в землю, испаряется. Скупой платит дважды: как только мы выиграла на строительстве, мы неизбежно проигрываем в эксплуатации.

«Обуздать исполинские реки?»

Олег Ильич Львов, преподаватель кафедры истории: Давайте все-таки взглянем на по-

ложение дел в мелиорации, гидротехнике с точки зрения социолога, политолога. Как известно, мы подчинены политическим решениям во всем. Когда сумеем разделить политику и экономику, тогда и наступит изменение. У Ленина была работа «Экономика и политика эпохи диктатуры пролетариата» — все дальнейшие исследования наши базировались на ней. Сейчас уже научно обоснован тот факт, что к концу этого тысячелетия температура на Земле повысится. Это не может не отразиться на деятельности той же мелиорации, гидротехники. Об этом вспомнит, но уже другое поколение депутатов Верховного Совета. Воп-

ос мелиорации — это вопрос о собственности на землю. Не решив основного вопроса, мы не сможем решить частные. Когда земля обретет хозяина, тогда можно решать вопрос переориентации в мелиорации. И гидротехника целиком и полностью зависит от политических решений.

Корр.: А можно вашу точку зрения подтвердить конкретными примерами?

О. И. Львов: Конечно. Например, конец 20-х — начало 30-х годов, страна превращается в огромную строительную площадку. Вот как определяла задачи социалистического строительства, в частности, Бухарин: «Нам нужны новые железные дороги, новые магистрали и сверхмагистрали, новые гигантские гидроэлектростанции, обдуывающие исполнинские реки... На основе опыта невиданного по своему размаху строительства социализма, индустриализации и гигантского переворота в агрикультуре, «с уничтожением собственности частного сквиства» на землю, на основе повода обострившейся классовой борьбы с остатками капиталистических классов т. Сталин сделал целый ряд новых теоретических обобщений, которые являются теперь силой, направляющей многосложную практическую работу партии... Ну, этим «новым теоретическим обобщениям» суждено было лечь в основу инженерной деятельности на долгие десятилетия. Экономическое отчуждение — оно закономерно завершается отчуждением экологическим.

Корр.: Была в командировке в Красноярском крае. До сих пор люди с болью вспоминают о тысячах гектаров леса, затопленных при строительстве ГЭС.

А. Рябцев: Да, опять обвиняют в этом нас, хотя свodka и уборка леса — это функции наших подрядчиков. А проблема заключается в том, что в стране нет пока механизмов для сводки и уборки леса с откосов. Как вы знаете, водоохранилища строятся в понижениях, в каньонах. Если уж обсуждать этот вопрос, то нужно иметь в виду, что, например, на Красноярской ГЭС вместо 2 млн. кубов леса освоено всего 200 тысяч — в 10 раз меньше. Когда пришло

время пуща (а его откладывать нельзя — вода накапливается), встали перед фактом затоплений. Сбрасывать воду вхолостую? Тут тоже неизвестно, сколько лет убирали бы этот лес, потому что интенсивность сводки леса нулевая. Японцы предложили свой вариант: мы сведем ваш лес, проведем дороги к портам, заберем этот лес, оставим механизмы, долатим разницу... Что тут победило: ложный патриотизм или срочный пущ к юбилею? В итоге лес затопили.

Корр.: А что вы думаете по поводу Катуня?

А. Рябцев: Не знаю, откроют ее или нет. Чтобы ее заменить, нужно построить несколько ТЭС. Они, в свою очередь, сжигают нефть, уголь, выбрасывают в атмосферу огромное количество сажи. Она оседает на площадях в тысячи километров...

Корр.: А нетрадиционные источники энергии?

А. Рябцев: Сейчас все ратуют за применение геосистем — солнечных батарей. При развитой технологии в США, Японии мощность самой большой системы 1500 кВт. Этого хватило бы для освещения среднего города. У нас таких технологий нет. ПЭС — приливная станция — у нас есть, одна, экспериментальная под Мурманском. Она обошлась нам очень дорого, буквально золотая по сути, но прибыли от нее нет. Хотя во Франции подобные станции работают прибыльно. У нас же опять-таки не тот уровень технологии. Поэтому сейчас, думаю, альтернативы ГЭС у нас просто нет. Естественно, нужно стремиться к новым технологиям, к продуманным проектам. И обсуждаться они должны не всенародным референдумом, а независимой экспертизой специалистов и экологов.

Так где же профессионалы?

Корр.: Это, так сказать, проблемы союзного масштаба... А как с личными?

А. Рябцев: Распределение. Я учился по специальности «гидротехническое строительство». Меня направляют на работу в объединение «Калугамелиорация». В мелиорации — я спе-

циалист среднего звена, но я могу работать по-настоящему в орехнику, чему меня учили в техникуме. Эти мои доводы комиссия по распределению не стала слушать.

А. Вовк: Мы, гидротехники, должны заняться мелиорацией, в которой о чувствуем себя специалистами. Все ставится кем-то с ног на голову. Проучившись 5 лет, мы в итоге вынуждены заниматься не своим делом.

А я на предварительное распределение совсем не ходил. У меня одна надежда, что от меня откажутся в какой-нибудь ПМК и я буду сам себе искать работу, уже по специальности, где я смогу как-то себя проявить.

Корр.: А какие-то научные разработки вам в институте доверяют?

А. Рябцев: Конечно. Я собираюсь защищать диплом на тему «мягкие сооружения», то есть это гидротехнические сооружения на основе тканей и полимеров. Но в нашей стране это, думаю, не скоро найдет свое применение.

Корр.: Это проблемы двадцати первого века?

А. Рябцев: Совсем нет. Эти проблемы уже стоят в Японии. За мягкими сооружениями будущее. Ведь проще, не нарушая равновесия реки, в нужный момент и в нужном месте быстро поставить плотину.

Корр.: Довольно заманчивой проект. А если говорить о конкретных делах?

А. Вовк: Мы уже несколько лет ездим на Соловецкие острова. У нас заключен договор с архангельским «Бурводстроем» на реставрацию каналов, которые были построены еще монахами в XVI—XVII веках. Это не просто каналы с водой, а целая система, которая регулирует уровень озер на острове. Она же очищает воду, а это питьевая вода. Кстати, там недалеко от монастыря есть старая ГЭС — тоже строили монахи, которая давала энергию для всего острова. Она тоже очень интересно работала: система каналов, озеро, море. Озеро, когда идет прилив, по системе каналов наполнялось водой. А потом эта вода через ГЭС спускалась в море. Ее работа основана на принципе приливной ГЭС. Мы хотели и эту

«монашескую» ГЭС отстранивать, но это никому не нужно. Хотя это можно было бы сделать за год-два.

А. Рябцев: Два года назад мы на нашем факультете решили восстановить несколько малых ГЭС, которых в Подмосковье насчитывается около 250. Все они практически разрушены. В частности, мы собирались заняться Горбовской ГЭС в районе Волоколамска. Решили сначала сделать проект, а затем восстановить по нему ГЭС. Но все наши идеи провалились, потому что не нашли никакой документации: геологические условия, гидрографические...

Корр.: А насколько такая ГЭС выгодна и нужна?

А. Рябцев: Весь мир их сейчас строит: Китай, США, Канада. Затопление минимальное. К тому же это возрождение малых рек, которые сейчас стали ручейками, а раньше были судоходными. Выгодно строить и межхозяйственные станции — например, несколько колхозов объединяются и строят небольшую ГЭС для своих нужд.

В. Бикмухамбетов: Такая ГЭС окупится буквально за несколько лет, даст энергетическую самостоятельность хозяйствам. Но пока это почему-то не заинтересовало никого.

Корр.: Мы начали разговор с того, что сейчас нам крайне необходимы профессионалы. Есть все-таки надежда, что они наконец появятся?

В. Бикмухамбетов: Вряд ли это возможно, пока на каждого преподавателя приходится по 30 студентов.

А. Вовк: Точно. У нас на зачет или курсовую работу показать очередь выстраивается. Приходится по 2—3 часа ждать, чтобы преподаватель смог хотя бы бегло что-то посмотреть или поговорить с тобой. Должно быть гораздо больше практики, и настоящей, а не такой, как, например, на Саяно-Шушенской ГЭС. Думали, что вот, приедем, все увидим, изучим. Но в результате девчонки заставляли что-то красить, штукатурить, а парней — заливать бетоном дорожки. Это практика?

Корр.: Пожалуй, тут комментарии излишни.

Беседу вела Ольга Боброва

Друзья по переписке — без переводчика

Итак, у вас есть шанс попасть в первую в мире книгу друзей по переписке. Для этого нужно принять участие в нашем конкурсе. Его условия:

— Вам должно быть не более 17 лет. Если это условие соблюдено, можете смело писать на 250 слов сочинение: о своей жизни, о семье, об интересах. Написано оно должно быть на английском языке (вот когда вам пригодятся знания, почерпнутые в рубрике «Английский — без переводчика»). В конце сочинения допишите небольшое послание «Всем друзьям мира».

— На первой странице, сверху, не забудьте разборчиво указать свое имя, дату рождения и почтовый адрес.

— Выберите одну-две самые хорошие ваши фотографии (черно-белые, размер 9×14) и укажите на обороте свое имя.

— Пообещайте ответить на все письма, которые вы получите со всего мира.

— Вы должны рассказать об этом конкурсе всем вашим друзьям и знакомым.

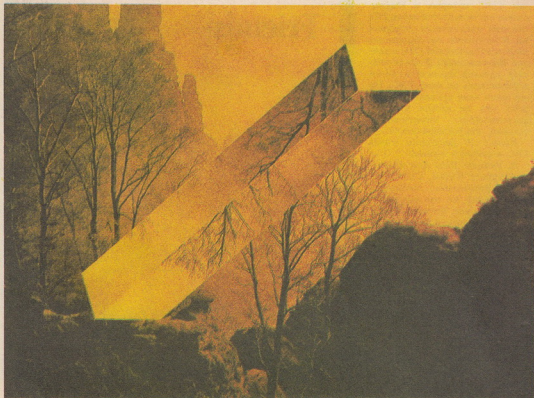
— Когда вы выполнили все предыдущие условия, можете смело вложить свое сочинение и фотографию в конверт и отправлять.

10 главных победителей совершат увлекательное путешествие по США и СССР.

Следите за рекламой конкурса!

«Приглашаем в экспедицию»

ФОТОКОЛЛАЖ ВЯЧЕСЛАВА КЛАЕВИЧУКА. «ЗАХОД СОЛНЦА»

На сегодняшний день урон, нанесенный природной среде Кольского полуострова, достиг поистине космических масштабов. Он затронул все природные сферы региона без исключения.

Как результат: на полуострове очень высок уровень заболеваемости и смертности, особенно среди детей.

Комплекс катастрофических экологических проблем привлек внимание нескольких очень разных по своим направлениям и возможностям организаций и заставил их объединить усилия для проведения Кольской комплексной экологической экспедиции. Партнерами в ее подготовке и осуществлении стали:

Экологический фонд СССР, Журнал «Студенческий меридиан», Объединение «Аэрогеология»,

Молодежный научно-технический центр «Март», Экологическое бюро «Аргус», Экологический центр при ЦК ВЛКСМ,

Мурманский обком ВЛКСМ. Летом и осенью нынешнего года перед Кольской комплексной экспедицией стоят задачи: совершить исследовательский маршрут вдоль побережья Кольского полуострова на одном из кораблей управления Госгидромета СССР;

провести серию экспедиций в районе г. Мончегорска для подробного исследования изменения растительности под воздействием антропогенного фактора. Отбор проб почвы, воды и растительности на содержание в них тяжелых металлов;

осуществить эколого-этнографические экспедиции с целью оценки влияния общего за-

грязнения региона на жизнь коренного населения полуострова;

провести три водные экологические экспедиции по рекам Умба, Варгуза, Воронья для описания антропогенного воздействия на речные ландшафты и отбора проб воды на тяжелые металлы, кислоты и органические углеводороды;

оценить радиационное загрязнение окрестностей Мурманска, Кировска, Полярных Зорь, Ревды;

изучить антропогенное воздействие крупных промышленных центров на заповедные территории на примере Лапландского и Кандалакшского заповедников;

организовать поездки на Кольский полуостров представителей студенческих конструкторских бюро, молодежных научно-технических центров и

кооперативов, занимающихся вопросами проектирования и строительства очистных сооружений. «География» этих маршрутов будет выбираться с учетом результатов проведенных ранее исследовательских работ.

Цель Кольской комплексной экспедиции:

сбор и систематизация информации о загрязнении окружающей среды производственными выбросами;

определение основных промышленных источников этих загрязнений и передача информации об их «антиприродной» деятельности всем заинтересованным организациям; привлечение научно-производственных сил, имеющих опыт разработки и строительства очистных сооружений, для оказания практической помощи наиболее экологически неблагополучным предприятиям.

Объединив свои усилия, участники экспедиции нашли и средства для ее финансового обеспечения, и новейшую аппаратуру для научных исследований, и людей для выполнения поставленных задач. Однако если какая-либо институтская дружина по охране природы или «зеленое» объединение, из любого региона страны, желает принять участие в Кольской экспедиции, мы готовы рассмотреть ваше предложение и предоставить вам «фронт работы» — присылайте заявку. Если из-за недостатка информации вы затрудняетесь принять решение, то знайте, по вашему запросу редакция обязуется выслать вам дополнительные, более развернутые сведения. Кроме того, мы готовы рассмотреть ваши предложения по расширению программы экспедиции.

Поскольку экспедиция ставит перед собой не только научные, но и практические цели, мы готовы в ходе ее проведения взять на себя испытание новых экспресс-анализаторов, разработанных членами молодежных научно-технических центров и кооперативов. Нас также интересуют любые предложения по разработке и строительству очистных сооружений на Кольском полуострове.

ТВОЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ СВЕРСТНИК

Газетные магнаты... в семнадцать лет

(Опыт организации молодежной неформальной печати в ФРГ)

Михаил Щипанов

В Западной Германии юноши и девушки, алчущие славы национальных «золотых перьев», с младых ногтей познают не только трудную науку журналистики, но и искусство поддержания на плаву своих пусть и скромных изданий, на спасение которых в случае кризиса никто не выделит ни марку.

Традиция широкого распространения разного рода независимых молодежных изданий в ФРГ восходит еще к пятидесятым годам, когда впервые обозначились контуры общенациональных организаций юных профессионалов. Сейчас более трех с половиной тысяч изданий, приживающихся, по их мнению, левой ориентации, объединены в рамках Ассоциации молодежной прессы ФРГ. Не меньшее число разнокалиберных альманахов, газет и бюллетеней скооперировалось на принципах освещения молодежных проблем «справа». Но на какое бы место в политическом спектре Западной Германии ни претендовали бы юные подмастерья журналистского цеха, они не чувствуют себя пораженными в правах по сравнению со своими маститыми коллегами. В ФРГ весь пишущий народ является обладателем удостоверений, подтверждающих принадлежность к профессии, единого образца.

Профессиональная карточка появляется у студента или выпускника средней школы, как только он начинает сотрудничать в приглашаемом ему издании. Регистрация принадлежности ко «второй древнейшей профессии» осуществляется

на основе первой же напечатанной статьи с авторской подписью.

Естественно, что во время освещения демонстрации ли «зеленых», катастрофы ли на железной дороге и отцы и дети западногерманской печати шеголяют с одними и теми же целулоидными удостоверениями творческой личности на лацканах пиджаков и отворотах курток.

Надо сказать, что различные ассоциации молодежной прессы являются повивальными бабками многих постоянно нарождающихся изданий. Прежде всего они выступают поручителями кредитов, которые западногерманское министерство по делам молодежи, образования и культуры предоставляет на первых порах группам активистов, намеревающихся порадовать своих сверстников, а зачастую и жителей местного городского квартала новой газетой. Обычно от государственных щедот такой команде выделают порядка 400 марок на выпуск первого номера, которые начинающие издатели должны будут в обязательном порядке вернуть.

Если появление издания соответствующим образом подготовлено, то с последующими расчетами проблем не возникнет.

кает. Уже после выхода первого номера у новорожденной редакции не бывает особых трудностей с поиском рекламодателей. Естественно, речь не идет о промышленных гигантах, спешащих расширить свои рынки благодаря публикациям в газетке с тиражом в 1—2 тысячи экземпляров. Однако местные автошколы, магазинчики пластинок, отделения банков с удовольствием помещают на их страницах свои анонсы.

Заказы на местную рекламу делаются по телефону, а редакции затем высылают рекламодателям уведомления об уплате. Если клиент страдает излишней забывчивостью и не спешит рассчитаться за услугу, в дело вмешиваются как раз ассоциации: их напоминания о необходимости своевременно платить по счетам для мелких хозяйчиков лучшее средство от склероза. В противном случае им не миновать бойкота в местной печати.

Впрочем из всех приведенных примеров видно, что, будучи сугубо добровольными объединениями, ассоциации не надзирают за молодыми «газетными магнатами», а поддерживают с ними взаимовыгодные партнерские отношения. Штаб-квартиры ассоциаций, созданные в федеральных землях и Западном Берлине, изыскивают для своих членов рекламодателей, распространяют информацию, поступающую из глубин министерства по делам молодежи, создают собственные типографии, позволяющие снизить издержки производства многочисленных «фаустов» и «фениксов», наконец, организуют различные летние лагеря.

Стати, летние лагеря заслуживают особого разговора. Ничто так не стимулирует творческие амбиции и стремление к профессиональному самосовершенствованию, как пребывание в среде, буквально пропитанной юношеским творческим максимализмом и всепоглощающим честолюбием. Между тем тот самый эффект «огурца в рассоле», за который со всех трибун ратуют наши отечественные педагоги-новаторы, и достигается в летних лагерях, собирающих на своих изумрудных полянках лицеис-

тов и студентов не только из ФРГ, но и соседних — Франции, Чехословакии. Обычная цель таких пикников на обочине журналистики — выпуск коллективными усилиями специального издания. Причем выпуск по полному циклу: подготовка и обсуждение материалов и иллюстраций, разработка электронного макета (благо даже будущие виртуозы пера не страдают в ФРГ компьютерной малограмотностью), засыл номера в печать. Информационный повод для выхода в свет такого «летнего журнала» может быть любой, например, народный праздник в Киле или Мюнхене.

В молодежной «неформальной» прессе Западной Германии существуют, разумеется, и свои внутренние правила и законы. Большинство сотрудников работает на добровольных началах, то есть совершенно бесплатно, хотя ничто не мешает публиковаться время от времени за достойные гонорары и на страницах вполне профессиональных изданий. Еще одна традиция — преемственность. Переходя в другую профессиональную и возрастную категорию, команда основателей подготавливает себе смену, поэтому молодежные журнальчики, раз возникнув, обычно существуют в ФРГ достаточно длительный период. В Нюрнбергском университете газета на основе «хозрасчета и самофинансирования» выходит уже более двадцати лет. Для сравнения во Франции молодежные полусамодельные издания безвозвратно умирают с переходом их создателей в мир взрослых.

Впрочем, существует еще одна проблема, которой нельзя не коснуться, говоря о молодежной «субпрессе». Цензура! Да, да нигде нет абсолютной свободы. В ФРГ тоже, между прочим. Правда, форма ее достаточно цивилизованная. Скажем, университетское начальство не может просто так взять да и запретить не понравившийся номер газеты, выпускаемой студентами. Однако предварительно ознакомившись с готовящимися к публикации материалами, наставники юношества могут запросто апеллировать к суду, и в результате самодельные

журналисты-энтузиасты превращаются в ответчиков, вынужденных публично, на слушании доказывать, что их статья не содержит покушения на общественную мораль и безопасность, пропаганду порнографии и насилия. Скажем, студенты уже упоминавшегося Нюрнбергского университета столкнулись со значительными неприятностями, когда решили рассказать на страницах своего печатного органа о печально известной террористической организации «Красная армия». Впрочем, нередки случаи, когда молодые журналисты выигрывают начатые против них процессы.

Поражение же в суде часто означает и закат газеты или бюллетеня. Слишком велики финансовые и моральные издержки проигравшей команды. Таким образом, происходит что-то вроде естественного отбора. Какие-то самодельные издания отмирают, другие постепенно выходят на общенациональный уровень. Так, тираж ежемесячника «Фауст», выходящего в Западном Берлине, достиг 10 тысяч экземпляров, и его номера ныне продаются в киосках во всех западногерманских студенческих городках. Цена этого издания скорее символическая — одна марка. Но ведь его постоянные корреспонденты в пятнадцати университетских центрах ФРГ работают бесплатно.

Впрочем, цензурные рогатки и кредитные обязательства, поиски рекламодателей и проблемы ассоциаций — это скорее следствия. Причины расцвета молодежных изданий в ФРГ следует искать в психологическом складе молодых западных немцев: их предприимчивости и стремлении к самостоятельности, желании попробовать себя в настоящем деле и готовности взять на себя юридический риск. Семнадцать лет — прекрасный возраст для дебюта.

Взросший спрос на дипломы специалистов в области управления указал американским бизнесменам сравнительно простой способ «отъема денег» у наивных западноевропейцев, стремящихся ценой немалых денежных затрат заполнить вожделенную квалификацию менеджера. Во всяком случае, за океаном как грибы множатся различные частные школы, выпускники которых смогут управлять лишь «пробирной палаткой», поскольку уровень преподавания в них крайне низок. Как указывают специалисты, прежде чем сесть за парту в какой-нибудь «бизнес-скул», необходимо заблаговременно навести о ней справки и тщательно проанализировать рекламные проспекты. В частности, следует не доверять тем учебным заведениям, которые предпочитают не публиковать списков своих преподавателей или вообще не имеют постоянного профессорского корпуса. Еще надежнее, вероятно, воспользоваться данными влиятельного американского еженедельника «Бизнес уик», который опубликовал свою выверенную классификацию вузов, готовящих менеджеров: Гарвард, Вартон, Мичиган, Стэнфорд.

Восемь высших учебных заведений, расположенных в Па-

риже и его окрестностях, стали местом проведения операции под кодовым названием «Прислушайся, студент». Цель этой благородной акции, организованной фондом «Фестивали в Иаль-де-Франс», состояла в стимулировании в среде студенческой молодежи интереса к различным музыкальным направлениям, будь то классика или джаз. В течение одной недели восемьдесят концертов, сопровождавшихся острыми дискуссиями, было дано прямо в университетских аудиториях. Несмотря на такую музыкальную атаку на молодежь, французским вузам все-таки далеко до американских университетов, многие из которых располагают собственными постоянными филармоническими или камерными оркестрами.

Министры образования Европейского сообщества одобрили в Брюсселе начало второго этапа программы «Эразмус», бюджет которого составит почти 200 миллионов эку. Не исключено, что на этом этапе широкий обмен студентами выйдет за границы ЕЭС и к нему активно подключатся Швейцария, Австрия, Норвегия и Финляндия. Обсудили министры Сообщества и возможность включения в орбиту «Эразмуса» университетов социалистических стран, хотя, по мнению Папандреу, европейского комиссара по делам образования, было бы предпочтительнее, если бы для студенческих обменов с Восточной Европой были разработаны специальные программы. Тем не менее там же, в бельгийской столице, уже состоялась неофициальная встреча министров высшего образования Венгрии и Польши с их коллегами из Европейского сообщества.

Похоже, что в Западной Европе профессора пересекают границы еще быстрее, чем студенты. В Швейцарии, например, почти четверть университетских преподавателей — иностранцы. Но это в среднем. Во Фрайбурге профессор-мигранты составляют 41 процент, а в Женевском университете — 29 процентов. Характерно, что в Цюрихе, в немецкоязычной части страны, преподают 77 выходцев из Западной Германии. Не стоит, впрочем, думать, что такая охота к перемене мест привела к тому, что в самой ФРГ университетские кафедры попросту обезлюдели. На освободившиеся места прибыли наставники юношества из соседних стран: Австрии, Великобритании, Франции и, конечно, Швейцарии. Полагая, что долг платежом красен, швейцарцы делегировали в западногерманские университеты аж 96 специалистов в различных областях.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЕМНАР

Кадеты. Какими они были?

Перестройка духовной жизни общества возвращает нас к прошлому, а значит, к судьбе и той части русской интеллигенции, которая объединялась в одной из наиболее влиятельных дореволюционных партий России — партии конституционалистов-демократов. Знаем ли мы, что представляли собой кадеты? Об этом беседа, в которой участвуют профессор, доктор исторических наук Олег Владимирович Волобуев и Валентин Валентинович Шелохаев.

— Каждый поворот истории — не просто крутой вираж в развитии общества, вираж, устремленный в якобы лучшее будущее. Таковым оно может оказаться, а может, и нет. Проецируемый путь всегда — не-

зависимо от желания и воли проектантов — соотносен с прошлым, с пережитой историей народа...

Применительно к дореволюционной России, например, сегодня многих интересует во-

Павел Николаевич Милоков в библиотеке с семьей

Фото любезно предоставлено Центральным государственным архивом кинофотодокументов, Ленинград

прос, почему в 1917 году стрелка была переведена с «февральского» на «октябрьский» путь, почему кадеты и другие либералы потерпели поражение в борьбе за власть?

В. Ш. Для того чтобы избежать произвольной трактовки истории, нужно твердо следовать принципу историзма. Если же мы свои представления о современности будем просто «опрокидывать» в былое, то, уверяю вас, ничего в истории не поймем.

Но принципом историзма проблема «перепрочтения» прошлого все-таки не ограничивается. Беда, в частности, состоит и в том, что официальная наука создала деформированный, упрощенный образ развития страны, окрасила участников политической жизни

предреволюционных лет в два цвета.

С детских лет нам вдалбливали в головы догмы о террористах-эсерах, реакционерах-октябристах, меньшевиках — изменниках делу рабочего класса... Если уж следовать принципу историзма, то прежде всего мы должны отказаться от таких одномерных и политизированных оценок, внимательнейшим образом попытаться понять действия тех или иных партий, их лидеров, доктринальные причины их поражения, их тактические просчеты.

Одной из наиболее интересных и внутренне противоречивых была главная партия российского либерализма — кадеты. Она вобрала в себя многих представителей российской интеллигенции, внесших большой вклад в отечественную и мировую науку, культуру и просвещение (В. И. Вернадский, А. А. Шахматов, С. А. Муромцев, Н. И. Кареев, Е. В. Тарле, С. Л. Франк, С. Ф. Ольденбург и др.).

В период первой российской революции кадетская партия насчитывала 50—60 тысяч человек. Она состояла примерно из 360 местных организаций (столичных, губернских, городских, сельских). И поэтому вполне правомерно вести речь о крупной общероссийской либеральной партии. О ее составе известное представление может дать анализ социального положения членов «штаба» партии. Так, из 54 членов ЦК партии кадетов только 11 были крупными помещиками, 43 человека — представители интеллигенции. В низовых же организациях было много представителей средних слоев: например, приказчиков, конторщиков, учителей. Кадетские студенческие фракции были практически во всех высших учебных заведениях России.

Численность и состав партии кадетов не были постоянными. Так, после поражения первой русской революции число ее организаций сократилось в пять, а общая численность — в семь раз.

Период революции 1905—1907 годов был первым пиком политической активности кадетов. Второй — после февраля 1917 года, когда количество

кадетских организаций даже несколько превысило уровень 1905—1907 годов и составило около 380, а численность партии вновь возросла до 70 тыс. человек. Соответственно в 1905—1907 годах кадеты издавали 79, а в 1917 году — около 100 газет и журналов.

— Известно, что кадеты вели не только политическую, но и культурную работу.

О. В. И все-таки кадеты были не просто просветителями. Это прежде всего была политическая партия, активно участвовавшая в борьбе за власть. Что же касается культурной деятельности, то издавались сотни брошюр о государственном строе в Англии, Франции, Германии, о новейших течениях в философии, науке...

В. Ш. Кадеты активно участвовали и в кооперативном движении. Большую работу в этом отношении проводил видный деятель кадетской партии князь Д. И. Шаховской (после Октябрьской революции он остался в России, был расстрелян в 1940 году). В 1912 году благодаря усилиям кадетской интеллигенции в Москве создан народный банк, который сыграл важную роль в развитии кооперативного движения. Накануне первой мировой войны в России действовало около 14 тыс. кооперативов различных типов, объединивших не менее 12—14 млн. человек.

Кадетами было немало сделано для развития политического сознания масс. Но, естественно, эта работа осуществлялась ими исходя из основной программной установки: на обновление общества мирным конституционным путем.

— А откуда ведут кадеты «родословную»? В чем выражалась суть их идеологии?

В. Ш. На рубеже двух веков в России зародился новый тип либерализма, отличный от предшествовавшего ему либерализма земского типа. Либералы конца XIX — начала XX века иначе, чем их предшественники, смотрели на вопросы экономической и политической истории России. Земские либералы отводили государству роль «ночного сторожа», призванного «стеречь» собственность, а новые либералы, будущие кадеты, считали, что государство должно быть мобиль-

но, оно призвано проводить реформы не только в политической, но и в социальной областях.

Становление нового либерализма шло под влиянием идеологии народничества, идеологии легальных марксистов. Ими выдвинута идея правового государства.

О. В. Отрицая классический либерализм XIX века, новые либералы тем не менее активно взаимодействовали с земцами. Само организационное оформление кадетизма сначала как течения («освобожденцы»), а потом и как партии, включало преемственность с земским движением. Причем связь была не только организационной и теоретической, но и персональной. Наряду с представителями новой интеллектуальной элиты (П. Б. Струве, П. Н. Миллюков, В. И. Вернадский, С. А. Котляревский, Л. И. Петражицкий и др.) в числе кадетов мы видим и видных представителей старых земцев (И. М. Петрункевич, князь братья Долгоруки, Ф. И. Родичев...). В кадетской партии собрались представители различных слоев и поколений интеллигенции. Она представляла собой симбиоз и ученых, и практических земских деятелей.

В. Ш. Между двумя этими поколениями все же было различие: представители нового либерализма довольно интенсивно заимствовали на Западе новейшие политические и социальные учения, включая и некоторые элементы марксизма (экономический материализм), не отбрасывая при этом, а, наоборот, перерабатывая достижения русской общественной мысли — от А. Н. Радищева и Н. И. Новикова до В. Н. Чернина и В. С. Соловьева. А представители старого, земского либерализма все же больше тяготели к чисто российской, национальной культуре и традиции.

— И все же довольно распространена точка зрения — о ней очень много пишут и на Западе — о том, что кадеты были русскими европейцами или европейскими интеллигентами на российской почве...

В. Ш. Я бы поставил вопрос шире и сказал так: кадеты представляли собой сплав

европейской и русской культуры.

О. В. Обращаясь, например, к Н. А. Бердяеву, я пытаюсь понять, что это в первую очередь — традиции западноевропейской или отечественной философии? — и склоняюсь к тому, что в нем больше от последней, прежде всего религиозной философии, сформировавшейся в России. В этом плане, мне видится, он как философ ближе к братьям Трубецким... Ближе не в смысле разрабатываемых ими философских систем, а в истоках. Назову несколько книг Бердяева: «А. С. Хомяков», «Миросозерцание Достоевского», «Русская идея»... А у Евгения Трубецкого есть «Миросозерцание Вл. Соловьева». Еще один представитель русского интуитивизма Николай Лосский на склоне лет пишет работу «Достоевский и его христианское мировоззрение». Все они вышли из Владимира Соловьева и Ф. М. Достоевского. Разумеется, не без влияния и ряда западноевропейских философов.

В. Ш. Следует иметь в виду, что в их мировоззренческих основах очень силен пласт западноевропейской новейшей философии того времени. Например, легальные марксисты прошли идеальную путь в своем развитии: если в конце XIX века они разделяют ряд идей Маркса, то в дальнейшем переходят на позиции неокантианства, а после отказываются и от него. И уже только затем в их работах начинает прослеживаться чисто религиозная струя, о которой Вы, Олег Владимирович, только что говорили. С 1905 года она все больше и больше набирает силу. Если раньше Булгаков и Бердяев занимались политическими и экономическими проблемами, то теперь круг их интересов все более сужается, все более концентрируется на философской проблематике с последующим выходом на религию. От публикаций в журнале «Начало» (марксистский сборник) они приходят к сборнику «Проблемы идеализма», который «развел» легальных марксистов с социал-демократией, приблизив их к новому либерализму. А далее уже идут работы по философии свободы,

проблемам Духа (Бердяев), религии в целом (Булгаков).

— Сказав об эволюции Бердяева, Булгакова, мы тем самым как бы неявно, но идентифицировали их с кадетами. Вместе с тем такое упрощение едва ли правомерно. Одним из мощных интеллектуальных центров России в начале XX века было движение, развернувшееся вокруг сборника «Вехи». Именно здесь был наиболее напряженный центр интеллектуальных поисков, центр, связанный с попыткой самоосмысления судьбы русской культуры.

В. Ш. Проблему взаимоотношений между группой веховцев, объединившей крупнейших философов, и кадетской партией в какой-то степени можно считать даже психологически загадочной...

Судя по всему здесь сказанному, кадетская партия была в значительной мере партией интеллигенции. А в том, что дело обстояло именно таким образом, легко убедиться, обратившись к лидерам кадетов. Кто определял идейное лицо партии? В. И. Вернадский — естествоиспытатель, П. Н. Милюков — историк, П. Б. Струве — экономист. Все эти люди занимались вполне земными делами. Между ними и Н. А. Бердяевым — «дистанция огромного размера». Что же касается программ кадетов, то это типичная западноевропейская программа. При всех идейно-философских, психологических вариантах, в обилии присутствовавших в российской жизни начала XX века — от концепций богоскательства и вплоть до анархических концепций П. А. Кропоткина, — кадеты ограничивались чистой прагматикой. По крайней мере, в проблемы богоскательства они не вдавались. Различной была и реакция веховцев и правых кадетов на революцию 1905—1907 годов. И в то же время в эти годы веховская группа, несомненно, как-то идейно кадетов обслуживала.

О. В. А все-таки какой же была связь между кадетами и буржуазией? Сами кадеты считали себя партией надклассовой, общенародной. При этом они рассуждали так: социал-демократы выражают интересы рабочих, эсеры — интересы крестьян, октябристы — инте-

ресы буржуазии, а они, кадеты, выражают общенародные интересы.

В. Ш. Думається, что наш разговор о кадетях должен теперь перейти к рассмотрению основ их программы. И начну я прежде всего с вопроса о власти. С самого своего политического рождения кадеты исходили из необходимости сохранения в России монархии. Этой идее они верны на всем протяжении своего существования как партии. И только после Февральской революции они заменили в своей программе требование сохранения монархии требованием республиканского строя.

О. В. Замечу, что в 1905—1907 годах в кадетизме была слабая, но все-таки республиканская струя: в это время среди либералов велась дискуссия о предпочтительных формах правления в России — делался выбор между республикой и монархией. Победили монархисты-конституционалисты. Один из главных их аргументов состоял в том, что в России массы не представляют будущего без монархической власти, республиканские лозунги им якобы еще недоступны. В итоге кадеты выступили как сторонники конституционной парламентарной монархии, берущие за образец Англию. Этим они отличались от октябристов, приверженцев конституционной, но не парламентской монархии. Если первые придавали главное значение в системе государственной власти парламенту и ответственному министерству, то вторые полагали, что высшая власть должна оставаться у монарха.

В. Ш. Политическая платформа кадетов предусматривала развитие демократических свобод в стране. В перечне требуемых ими свобод — свобода слова, свобода печати, собрания, профсоюзов, по сути дела, все это — виды свобод, которые существуют в буржуазных государствах.

О. В. Стоит отметить, что такой развернутой программы «свобод» никакая другая партия в России не имела.

Лозунги свободы провозглашали и революционные партии, но при этом они полагали, что если будут решены социально-экономические про-

блемы общества, то само собой решится и вопрос о свободе.

В. Ш. Но если мы сравним программы всех либеральных и революционно-демократических партий России, то увидим, что все они повторяют одни и те же демократические требования. Так что кадеты не выходили за общепринятые рамки.

О. В. Но кадеты шли дальше соперников, стремясь претворить свои общие лозунги в законопроект. В этом никто не сумел их превзойти. Кстате, это не случайно: разработкой законопроектов кадеты занимались исходя из убеждения, что к власти придут они, и только они. А раз так, то к этому нужно готовиться заранее. В каком-то отношении смысл своей деятельности они видели в создании условий для построения правового государства. Под правовым же кадеты понимали государство, основу жизни которого составляет конституция. Проекты ее разрабатывались подробно и обстоятельно.

В. Ш. Кадеты на словах были сторонниками всеобщего избирательного права, но как только дело касалось вопроса о выборах в ту или иную палату (они были за двухпалатный парламент), они сразу вводили ограничения: если во вторую палату предполагалось проводить двухступенчатые и цензовые выборы, то для первой эти ограничения снимались. Предполагалось, что в нее выборы будут прямыми и всеобщими. Избирательное право должно быть предоставлено только мужчинам, достигшим 21 года.

— *А каковы были мотивы лишения женщин избирательного права?*

В. Ш. Ну, во-первых, сыграл свою роль тот факт, что именно среди женщин было больше всего неграмотных. Во-вторых, женщины сравнительно слабо участвовали в общественной жизни России. Многие из них были домохозяйками. Кроме того, всегда нужно различать программные лозунги, на которые «ловят» демократически настроенного избирателя, и конкретные законопроекты, куда вводится масса ограничений.

О. В. Проиллюстрируем это

примерами. Кадеты ратовали за свободу собраний, но на собраниях, считали они, имеет право присутствовать... полицейский пристав, и само собрание должно быть разрешено местными властями.

Кадеты признавали необходимость в определенных условиях политических стачек. К стачкам экономическим они относились очень осторожно, полагая, что последние дезорганизуют производство, уровень которого и без того был низким в России, как, впрочем, и заработная плата. А раз дело обстоит так, то такого рода стачки, считали кадеты, приведут к разрушению экономики, росту безработицы, к дальнейшему ухудшению положения трудящихся. Право на стачки декларировалось ими, но тоже сопровождалось ограничениями. Стачки возможны тогда, считали они, когда спорные вопросы между предпринимателем и рабочими не удастся разрешить в специальных примирительных камерах.

— *Чем все-таки вызвано такое расхождение между, с одной стороны, широкообещательными и привлекательными лозунгами, а с другой — ограничениями, когда речь шла о практике?*

В. Ш. Кадеты рассматривали народ как массу, еще не созревшую для того, чтобы обладать всей полнотой прав.

— *А как решался кадетами самый важный для России вопрос — аграрный?*

В. Ш. В отличие от других российских либералов, кадеты были сторонниками радикального решения аграрного вопроса. Они выступали за принудительное отчуждение большей части помещичьих латифундальных земель. При этом хозяйства капиталистического типа оставались за прежними владельцами. За отчуждаемую же в пользу крестьян землю нужно было платить выкуп. И еще одно ограничение: аграрный вопрос должен был решаться в специальных комиссиях, которые, предполагалось, будут на две трети состоять из помещиков и чиновников и только на одну треть — из крестьян. Существуют определенные иллюзии насчет того, что если бы кадеты пришли к власти, то Россия вступила бы на

путь демократического, конституционного развития, и никаких издержек, вызванных социальными потрясениями, пережить бы стране не пришлось. Это далеко не так. И по своим идейно-теоретическим основам, и по программе кадеты не вышли за рамки буржуазного развития. Более того, если предположить, что в начале XX века у России было два возможных пути развития — прусский и американский, то следует признать, что вся программа кадетов укладывалась в рамки прусского, реформистского пути развития.

— *Пока у нас речь шла о деталях как тактовых, но, очевидно, что ни одну партию нельзя рассматривать вне системы действующих классовых, политических сил. Какой же была расстановка политических сил в России в начале XX века?*

О. В. В начале XX века в России было до 70 партий. Эта многопартийная система сложилась в 1905—1907 годах, и она продолжала существовать до октября 1917 года.

— *О чем свидетельствует цифра 70? О том, что мы были уже такими демократами, или о том, что социально-политические отношения России были еще незрелыми?*

В. Ш. На мой взгляд, эта цифра отражает сравнительно невысокий уровень развития экономики, социальных отношений и политической культуры страны.

О. В. Такой плюрализм мнений на уровне 70 партий, с одной стороны, привлекаетелен, а с другой — оказывается, что многие партии были просто-напросто эфемерными. Возьмем партию демократических реформ. О ней ходила даже шутка: мол, вся эта партия умещается на диване академика М. М. Коналевского. Эта партия насчитывала лишь несколько десятков человек...

В. Ш. Поэтому-то в дальнейшем будем вести речь только о крупных партиях. Можно выделить пять типов российских партий: это социал-демократы, эсеры, кадеты, октябристы и черносотенцы. Вокруг них группировались остальные партии.

В начале XX века политическая жизнь России была связана с борьбой трех политических ла-

герей: правительственного, либерального и революционного. В этой системе многопартийной структуры России многие идеи кадетов выглядели заманчиво. Вопрос состоял в том, как их реализовать. Ведь попытки либералов предпринять в этом отношении какие-либо шаги блокировались правительством. На коренные реформы царизм идти не желал. Только под давлением революции была создана Дума, принят избирательный закон. Но ведь эти законы были антидемократичны. Более того, уже 3 июня 1907 года правительство отобрало то, что было только-только «даровано» народу. И третья Дума — это уже Дума помещиков и капиталистов. Поэтому-то все благие пожелания кадетов оставались беспочвенными. С точки зрения расстановки сил, их программа представляла утопию. Кадеты как бы «повисли» в воздухе: с одной стороны, их не поддерживало царское правительство, а с другой — реформистская программа не была популярной в народных низах.

О. В. Для кадетов, всех либералов революция — это аналогия общественного развития. Конечно, с позиций «абстрактного» гуманизма этот путь казался им неприемлемым, ибо был связан с насилием и кровью. Но мы не должны забывать, что система взглядов в обществе того периода при той расстановке сил была совсем иной, чем сейчас. Не забудем, что руководство кадетов в 1917 году участвовало в подготовке корниловского мятежа, то есть было готово пойти на вооруженное свержение правительства А. Ф. Керенского. Вскоре после Октябрьской революции Милоков перебрался из Петербурга в область войска Донского. Им была написана декларация Добровольческой армии от 27 декабря 1917 года, не обходилось без него и составление корниловской политической программы. Так что насилие — не будем наивны, — его использование против народа не только не отвергалось лидерами кадетов, более того — они выступали в роли идейных инициаторов и «обесителей» контрреволюции.

— Считаете ли вы, Валентин Валентинович, что в 1917

году кадеты были основной политической контрреволюцией? Ведь на этот вопрос разные историки отвечают по-разному.

В. Ш. После победы Февральской революции кадеты пришли к власти. У них были все возможности провести реформы, заложенные в их программе. Но они этого не сделали. Вот, мол, считали кадеты, доведем войну до победного конца, тогда и примемся... Если же объявим о принудительном отчуждении земли сейчас, то солдат бросит окопы, побежит домой. У кадетов возможности заключить мир были, но этого они не сделали.

О. В. Если в 1905—1907 годах крупная буржуазия не желала иметь дела с кадетами, то к 1917 году ситуация существенно изменилась. Милоков, например, стал владельцем двух дач: в Финляндии и на берегу Черного моря, Каминка стал членом правления Азовско-Донского банка, Кутлер и Некрасов были тесно связаны с промышленными кругами. Такой пофамильный просмотр позволяет прийти к однозначному выводу: за десять лет (1907—1917) произошло сращивание многих деятелей верхнего эшелона кадетской партии с капиталистической системой.

В. Ш. Уже после поражения кадеты, находясь на Западе, иронизировали сами над собой: что же это, мол, была за партия такая, которая не нашла трехсот человек для своей защиты в 1917 году? И все же хочу еще раз подчеркнуть: путь кадетской партии далеко не однозначный. В 1905 году это была прогрессивная буржуазная партия. Достаточно вспомнить, что после Кровавого воскресенья будущие кадеты принимали участие в сборе денег на восстание против самодержавия, а во время Всероссийской Октябрьской стачки они активно поддерживали забастовочное движение. Но уже на рубеже 1917 года кадеты выступили инициаторами военной диктатуры. Они ориентировались на генералов Крымова и Корнилова. После Октябрьской революции идея военной диктатуры овладевает умами многих кадетов, их контрреволюционность нарастает. Чем активной становится массы,

тем заметнее кадеты идут вправо.

О. В. Все сказанное относится к политической позиции кадетской партии, но многие ее члены, в том числе члены Центрального Комитета, официальной линии партийного руководства не разделяли.

Возьмем, например, В. И. Вернадского. С самого начала он член ЦК кадетской партии. По целому ряду вопросов занимал далеко не левые позиции: был за войну до победного конца, против сотрудничества с левыми, особый взгляд у него был и на национальный вопрос.

— И здесь, наверное, стоит затронуть эту актуальную тему. Как нужно решать национальный вопрос? Какой в свете этой перспективы должна была быть будущность России по мнению кадетов?

В. Ш. Россия ими мыслилась как единая и неделимая. Исключение составляла Финляндия, которой предполагалось предоставить политическую самостоятельность. Что же касается Польши, то кадеты допускали предоставление ей автономии, но в пределах Российского государства. Остальным же народам гарантировалась только культурно-национальная автономия.

— Но тогда в чем же отличие между политикой, предлагаемой кадетами, и политикой самодержавия?

В. Ш. Как партия в целом кадеты выступали за равноправие языков, за обеспечение равноправия в высших учебных заведениях, в школах и т. д.

— То есть они вели речь о правах гражданских правых?

О. В. Да, но нельзя забывать, что в партии были и лица, настроенные великодержавно. Таким человеком, в частности, был П. Б. Струве. Петр Бернгардович был националистом, он жестко придерживался великодержавной теории (любозытно такое наблюдение: самыми большими националистами были выходцы из числа обрусевших немцев)... Так что члены кадетской партии разделяли самые разные точки зрения, но как партия декларировали лозунги, которые уже перечислялись. Стоит также отметить, что и в самой кадетской

партии наряду с правым крылом было крыло левое. Представителем этого крыла был, например, В. П. Обнинский (по названию фамильной усадьбы и семья обрел сегодня название город Обнинск). Его перу принадлежит книга «Последний самодержец», в которой он подверг серьезной критике царское самодержавие и самого Николая II. Эта книга анонимно была издана в Берлине накануне 300-летия дома Романовых.

— А как понималось лидерство в кадетской партии?

В. Ш. В ЦК партии входило 54 члена. На заседания, как правило, являлось от 7 до 15 человек. Все члены ЦК собирались вместе только на пленарные заседания. Таким образом, в составе ЦК было ядро во главе с П. Н. Милоковым, которое и делало всю политику. Сам Милоков был человеком весьма упрямым и честолюбивым. Он упорно и последовательно добивался проведения своей точки зрения в жизнь, вплоть до угроз разрыва с партией. Только один пример.

Лето 1916 года. Шингарев и Милоков должны были ехать

с парламентской делегацией на Запад — во Францию и Англию. Такие межпарламентские связи уже существовали тогда. На заседании ЦК вопрос об их поездке обсуждался дважды. Буквально все члены ЦК умоляли и Милокова, и Шингарева не ездить: «Вы, — говорили им, — уезжаете на три месяца. Обстановка в стране может резко измениться. Что же мы будем делать без лидеров?» Но они все-таки поехали...

Бесспорно, что Милоков был культурнейшим и высокообразованным человеком, интеллектуалом, крупным историком, но как политик он был авторитаристом, диктатором.

— Похоже, что склонность лидеров кадетов к авторитаризму, к жесткому диктату не является исключительной собственностью этой партии. Похоже, что это вообще особенность всех российских партий. Причем не только революционных. Ведь и сегодня нет ни одной политической группировки, которая бы не строила свою деятельность на жестком подчинении одних другим. Складывается впечатление, что мы

ничему не повзрослели и ничему не научились: иллюзия, что истина однозначна, проста и может быть доступна одному человеку, продолжает жить...

И, кстати, Вы, Валентин Валентинович, развивали такую мысль, кадеты боялись предоставить свободу народу, стараясь выйти на путь передачи ее по порциям. Они предполагали, что этот процесс растянется лет на 80. Сегодня как раз минуло 80 лет. Считаете ли Вы, что народ наш все-таки созрел для того, чтобы обрести право самому решать вопросы, касающиеся его судьбы?

В. Ш. Вы понимаете, исторические ситуации не повторяются. Уже в 1905—1907 годах кадеты допускали ошибку, делая какие-то ограничения в отношении свободы. Потому что, заметьте, уже тогда сам народ выдвинул такую форму своей власти, как Советы. Первые ее зачатки мы видим на Урале, потом в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве... Если бы этот опыт был единичным, то можно было бы говорить о случайности. Но ведь только Сове-

тов рабочих депутатов было 50, а ведь были еще и Советы солдатских, крестьянских депутатов. Они создавались «снизу». И этого-то творчества народа кадеты явно испугались.

Струве присутствовал на нескольких заседаниях Петербургского Совета и вынес отсюда впечатление о том, что увиденное им было «зрелищем уничижительным». Да, рабочие устроили нескладно, резко. И это не могло не задеть слух интеллигента Струве; увиденное и услышанное им действительно выходило за рамки либерального мышления. Все это я говорю в подтверждение своего мнения о том, что и тогда, в 1905 году, кадеты могли выступать за реализацию всех демократических свобод без всякой оглядки на любые «ны». Тем более сказанное справедливо по отношению к современности: не может быть никаких сомнений в том, что наш народ готов и к правовому государству, и к пользованию всеми демократическими свободами.

О. В. Я согласен с Валентином Валентиновичем: партия, которая, находясь в экстремальных условиях, начинает удовлетворять требования трудящихся капля по капле, исповедуя тактику «капельницы», обречена. Провозглашая себя партией народной свободы, кадеты в то же время, боясь анархии, стали искать защиты от народной стихии у русского царизма, у бюрократии.

Ряд возможностей в связи с этим кадеты, как, впрочем, и другие политические силы в России, упустили. К 1917 году программа кадетов во многом отстала от жизни. Либеральная альтернатива развития России к этому моменту была уже почти исчерпана.

— *А чем объясняется, что в составе Временного правительства появляется Керенский?*

В. Ш. Он был популярным оратором. На словах очень левым. На деле же был приемлем для кадетов. И они сделали тактический шаг, предложив Керенскому пост в правительстве, но, заметьте, пост не ключевой. Вообще, всегда в правительстве можно взять несколько самых левых людей. При этом важно только, чтобы занимаемые ими посты не были ключевыми.

Эти люди будут присутствовать в коалиции, в итоге создается иллюзия представительства всех радикальных сил... Это и объясняет причины привлечения Керенского в правительство. Он им был важен и как связующее звено между Советами рабочих депутатов и Думой...

— *Традиционно либерализм у нас определялся как реформаторское умеренное течение между революционно-демократическими партиями и партиями самодержавной ориентации. Сейчас же, насколько можно судить по прессе, все больше звучат оценки положительными, связанные с гуманистическим содержанием их программ, известным радикализмом в части свобод. В связи с этим можно ли ожидать пересмотра традиционных оценок либерализма?*

В. Ш. Опять-таки если мы будем рассматривать кадетов, так сказать, «поштучно», то увидим, что они действительно были гуманистами, противниками насилия, борцами за демократию. Но как только мы переходим к оценке деятельности кадетов как партии, то сразу же должны признать, что это совсем иное явление. Еще В. И. Ленин говорил о том, что в партию кадетов входит много хороших людей и к ним никаких претензий быть не может. Но как только речь идет о партии как институте, как составной части политической системы, тут картина резко меняется: личность как бы начинает нивелироваться, она скрывается за партийной завесой.

Кадеты всегда находились между двумя жерновками — правительственным лагерем и революционным. И эти жернова их перемалывали: отстутит революция — они кидаются к правительству, подступают революция — обратно. Их зигзагообразная тактика зависела от соотношения сил в данную минуту. И поэтому, когда мы начинаем порою эту партию жалеть, что ли, то эта жалость идет больше от непонимания. Как бы то ни было, но ситуация в целом охватить им не удалось. Они были мастерами схем, программ, речей, но когда доходило до дела, тут они проваливались.

Один пример. Кризис в пар-

тии: партия разваливается. Такая ситуация сложилась к пятнадцатому году. И на заседаниях ЦК возникает вопрос: «А что же дальше делать?» И принимается решение — посылать членов ЦК на места. Какова же реакция этих членов ЦК? Они сидят на заседании и говорят: «Не-е, мы не поеедем. Не нужно это все: главное для нас — это Дума».

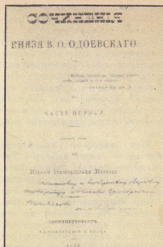
Или другой пример. После отказа Михаила Романова занять императорский престол, когда даже один из лидеров октябристов, председатель Государственной думы Родзянко, понимал всю безнадежность реставрации монархии, Милоков продолжал сохранять ей верность. Пуришкевич вспоминает: три часа ночи, не спавший несколько дней Милоков, седой, каркающий будто ворон, потому что сорвал голос на выступлениях в казармах, чуть ли не на коленях умоляет Михаила принять престол и спасти Россию.

Такое поведение лидеров кадетов — яркое свидетельство неспособности «видеть» реальную действительность, «учитесь» у нее, уметь «находить общий язык» с массами. Ставка делается не на революционную Россию, а на Россию, стремительно уходящую в прошлое. В 1917 году лидеры кадетов пытаются играть роль лоцманов на флагманском корабле контрреволюции. И все заканчивается исходом в зарубежье, в эмиграцию.

Беседу вел Олег Долженко

От редакции. Публикацией этого материала мы начинаем разговор о расстановке политических сил в России в начале века. В дальнейшем мы планируем представить на страницах журнала все ведущие партии с их программными документами и реальной деятельностью.

Как всегда, предпринимая новый цикл, мы хотим знать ваше, дорогие читатели, мнение: интересно ли вам будет узнавать, — как складывалась политическая конъюнктура в нашей стране накануне 1917 года? Приглашаем к разговору ученых, публицистов и всех тех, кого волнует эта тема.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Загадка князя О.

Павел Тулаев

«Долгом считаю донести вашему сиятельству, что у нас в Москве все пока обстоит благополучно, и особенно нового пока еще ничего нет. Правда, не переводятся у нас, как всегда, выскочки, которые думают, что они умнее всех.

И даже князь Петра. И несут они разные завиральные идеи, но их не слушают, и все идет по-прежнему...»

Так начинается письмо Павла Афанасьевича Фамусова к княжне Марье Алексеевне из Петербурга в Москву от 12 марта

1868 года. А кончается оно странно. Вместо подписи — список авторского коллектива в псевдонимах: «Любитель музыки и правды», «Современник Глинки», «Старый дилетант», «Любитель церковного пения». Заключает список некий К. Биттерман. Рядом еще какие-то ли инициалы, то ли знаки: N.N., O.O.O., з.з.й.

Как все это понимать?

Долгое время меня пытались убедить, что в подобной словесной путанице разбираться нет смысла. Фамусов, как известно,

русский барин, продукт бесследно ушедшего прошлого. Что тут не ясно?

Признаюсь в своем невежестве. Мне все неясно. И то, что я сейчас хочу написать — свидетельство моей скверной привычки копаться там, где малообразованному человеку копаться не следует.

Внимательное чтение письма Павла Афанасьевича вызвало у меня подозрение, что Фамусов — вовсе не автор его. Псевдонимы не случайны! Я не могу научно доказать, но верю и правдой клянусь, что послание к Марье Алексеевне принадлежит... Кому бы вы думали? Автору «Городка в табакерке» — Одоевскому!

Когда я сделал это открытие, мне не сразу поверили. Уверяли: мол, не мог декабрист, революционер, поэт протеста написать подобную безделицу. Но в том-то и дело, что и сказку, и загадочное письмо сочинил не Александр Иванович Одоевский, а его менее известный нам двоюродный брат — князь Владимир Федорович Одоевский.

Каково же было мое удивление, когда, роясь в энциклопедических словарях, сборниках сочинений князя и в воспоминаниях о нем, я узнал, что В. Ф. Одоевский — самобытный философ, автор многочисленных литературных и научно-фантастических сочинений, профессиональный музыковед, педагог, пропагандист фольклора. Председатель московского «Общества Любомудров», издатель альманаха «Мне-

мозина» и журнала «Московский вестник», редактор Пушкинского «Современника», помощник директора Публичной библиотеки и директора Румянцевского музея, активный деятель благотворительного «Общества посещения бедных», издатель журнала для крестьян «Сельское чтение» — так неполный список должностей князя.

При таком-то послужном списке — кануть в Лету?! Тут какая-то загадка! Может быть, Владимир Федорович в отличие от Александра Ивановича был менее общительным, более замкнутым? Не случайно же его прозвали «русским Фаустом». Глядя на акварельный портрет Одоевского 1844 года с котом на коленях и попугаем, сидящим то ли на клавишине, то ли на органе, легко представить себе эдакого чудака-библиофила, затворника и мизантропа, с утра до ночи копошащегося в старых пыльных книгах.

Оказывает, ничего подобного! Князь не чурался общения, а, напротив, всегда стремился быть в центре культурных событий. Листая его биографию, встречаешь людей, мало сказать, достойных: с Кюхельбекером он обсуждает шуточный «Устав Гениального скопщика» и впечатления друга о его встрече с Гёте в Веймаре; с Д. Веневитиновым и И. Киреевским любомудрствует о Платоне и Шеллинге; с автором «Горя от ума» погружается в малоизвестные для окружающих глубины музыкальной теории; в его салоне Пушкин общается с Жуковским и Крыловым, графиня Распечина передает свое стихотворное послание Лермонтову; любимец и ближайший друг Глинка вместе с другими музыкантами разыгрывает сцену из «Жизни за царя» и излагает замысел «Руслана и Людмила». Кого мы забыли? Гоголя и Достоевского! Князь был одним из первых открывателей их таланта. «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Бедные люди» он без колебаний поставил на голову выше того «собрания щиков в книжных переплетах», которые исправно поставляли в требуемом количестве околотитературные торговщи. «Любительно музыки и правды» до всего было дело. И если я попытаюсь

продолжить начатый список имен (ну, скажем, вспомню еще о живых и письменных дебатах князя с Шеллингом и Тургеневым, Даргомыжским и Вьельгорским, Стасовым и Серовым, Чайковским и Григорьевым), то читатель, знающий меру, верно, упрекнет меня в переборе.

Так что же все-таки стало причиной временного исчезновения В. Ф. Одоевского с горизонта знаний нашего современника?

Коротко говоря: его аристократизм, идеализм, русофильство, германофильство, а также последовательная деятельность, направленная против итальянского и французского засилья в отечественной музыке.

Нас приучили к детским картинкам и клише: если перед вами революционер — значит хороший человек; если традиционалист — значит реакционер и мракобес. Куда уж тут пробиться столбовому дворянину, князю Рюриковичу! Да и что он позволяет себе. Вы прочитайте его «Дневник»: правительство, по мнению Одоевского, совершило большую ошибку, не опубликовав материалов по делу восстания 1825 года, чтобы все могли убедиться, «какую беллиберду затевали декабристы»; петрашцы в глазах князя — «безумцы»; «я отправил бы их, — пишет он, — в богадельню Преображенского раскольничьего кладбища, пусть бы на практике отседали коммунизма». Книга Чернышевского «Что делать?», по оценке Одоевского, «болтовня» и «тавтология». Он ее называет не иначе, как «непелый нигилистический молитвенник». Даже Герцен князю не по душе, ибо в нем он видит беспечного «дженародника».

Я вижу, как кому-то уже не терпится стукнуть кулаком по столу: «Эка, куда хватил! И это — печатать?!» Но штука-то в том (спешу обеспокоить вас), что только что перечисленные фразы как раз и были опубликованы сравнительно недавно некими доброжелателями в «Литературном наследии» № 24, М., 1935. Чтобы поставить все точки над «i» и закрыть тему. Но даже шила, как известно, в мешке не утаишь. Вслед за развенчанным «Дневником» и «Гордом в табакерке», к совет-

скому читателю пробились: «Избранные педагогические произведения» (М., 1955), «Музыкально-литературное наследие» (М., 1956), «Повести и рассказы» (М., 1959). В 1975 году в академическом издании с приложениями вышел главный философский роман Одоевского «Русские ночи», а затем — новые и новые сборники. Дело знакомства с сокровищами князя Одоевского сдвинулось с мертвой точки.

Первая проблема для любого интерпретатора В. Ф. Одоевского — это многообразие его наследия. Исследование его усложняется тем, что большинство сочинений, чаще — небольших по объему, написано под впечатлением от какой-либо идеи или замысла. Они фрагментарны, вышли из-под пера, подобно стихам, от случая к случаю.

Каковы звенья, связующие все мировоззрение Одоевского в единое целое?

Прежде всего я назвал бы *учение о цельности и полноте*. В Одоевском справедливо видят продолжателя философской традиции, которая учит о диалектическом единстве идеи и материи, о живой гармонии космоса, о художественном творчестве как высшей форме познания бытия. Разумеется, князь не ограничился платонизмом и шеллингианством. Идеалом Одоевского был *самобытный всеобъемлющий славянский дух*, интегрирующий все знания и универсальные ценности. Живым символом этого духа для Одоевского был Ломоносов, который сумел соединить в своем творчестве науку, любовь и поэзию, просветительское держание ума и христианскую духовность. Ранний вариант своей главной книги Одоевский назвал «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства». «Пока еще не образовалась наука общечеловеческая, необходимо, — писал князь, — чтобы каждый человек, отбросив схоластические пеленки, образовал для себя, для круга своей деятельности соразмерную пространству своего разума, свою особую науку, науку безыменную, которую нельзя провести ни под какую условную рубрику. Об этой науке — признаю — я позабо-

тился; кто мне эту заботу поставит в укор, тому я не дам другого ответа, кроме mea culpa.

Насколько Одоевскому удалось продвинуть дело создания единой науки — трудный вопрос, но то, что его сочинения несут в себе качественно новое

восприятие мира, это очевидно. Уже сам язык «Русских ночей» говорит о многом. Этот язык, соединяющий философию (или, если вам угодно, науку) с литературой, — воплощение того самого синтеза, к которому стремился Одоевский.

И вот парадоксальные последствия: по сей день находятся «специалисты», в упор не желающие видеть литературные достоинства романа. Вслед за В. Г. Белинским, с полной серьезностью утверждавшим, что буйная фантазия князя «свидетельствует о слабой нервной натуре» и есть «апофеоз сумасшествия», что поэма «Последний квартет Бетховена» — «дидактическое произведение», а история музыкального духа И. С. Баха — «род биографической повести, в которой жизнь художника представлена в связи с развитием и значением его таланта», современные критики, за редким исключением, смотрят совсем не туда. В платонических диалогах Одоевского, в его философии культуры, в фантастическом романтизме они находят прозу второго класса.

В связи с таким подходом вспоминается история, рассказанная В. Ленцем. Однажды он обменялся с Пушкиным колкими репликами по поводу литературного творчества князя. «Одоевский пишет тоже фантастические пьесы», — сказал автор «Евгения Онегина» с неподражаемым сарказмом в тоне. «Sa pensée malheureusement n'a pas de sexe»*, — бросил Ленц, и поэт показал «весь ряд своих прекрасных зубов». Пушкин для всех культурных людей — чистый гений и несомненный авторитет, но каждому думающему человеку следует и «свое суждение иметь». И если вам недосуг углубляться в одно из лучших сочинений XIX века, оцените хотя бы следующие строки:

«Бал разгорался час от часу сильнее; тонкий чад волновался над бесчисленными тускнеющими свечами; сквозь него трепетали штофные занавеси, мраморные вазы, золотые кисти, барельефы, колонны, картины; от обнаженной груди красавиц поднимался знойный воздух, и часто, когда пары, будто бы выравнившиеся из рук чародея, в быстром кружении промелькали перед глазами, — вас, как в безводных степях Аравии, обдавал горячий, удашающий ветер; час от часу скорее развивались душные

* Его мысль, к сожалению, не имеет пола (фр.).

локоны; смятая дымка небрежнее свертывалась на распаленные плечи; быстрее бился пульс; чаще встречались руки, близилась вспыхивающие лица; тоннее делалась взоры, слышнее смех и шепот; старики поднимались с мест своих, расправлялись бессильные члены, и в поупотухших остолобеневалях глазах мешалась горькая зависть с горьким воспоминанием прошедшего, — и все вертелось, прыгало, бесновалось в сладострастном безумии...»

Господин Ленц malheureusement n'a pas de yeux *.

Абсолютно не случайно этот фрагмент из «Бала» оказался на страницах главного труда по философии музыки А. Ф. Лосева «Музыка как предмет логики» (М., 1927). Дело в том, что Одоевский стоит одним из первых в ряду русских мыслителей, теоретически обосновавших подлинное место музыки в жизни. Музыка — это не пустые звуки, сводимые к законам физики, не игрушка, призванная улаживать слух после сытного обеда во время карнавала-маскарада. Музыка — это звучание мировой души, которую надобно уметь слушать. Наивны люди, пытающиеся «вычислить неисчислимое», «духовное расчесать» как грубое вещество. «Уловите прежде солнечный луч в хрустальную чашу и взвесьте его», — советует «Любитель музыки». Понимая жизнетворную и синтетическую роль музыки, Одоевский мечтал о времени, когда все науки и искусства сольются в едином светлом музыкальном потоке.

Но — увы! — трагична судьба прозревающих гениев: музыкально-литературное наследие Одоевского в России постигла та же участь, что и сочинения его единомышленников — Вагнера и Скрябина. Лучшие специальные и популярные работы в любимой области (среди них: «Записки для моего правнучка о литературе нашего времени и прочем», «О русских концертах общества посещения бедных в музыкальном отношении», «Письмо к издателю об исконной великорусской музыке», «Речь на открытии московской консерватории», «Русская и так назы-

ваемая общая музыка», «Первочувственные письма», «Какая польза от музыки», «Музыка и жизнь», ценнейшие письма, например, В. В. Стасову с приложением к биографии М. И. Глинки, опубликованные в советское время только однажды, тиражом 5 тысяч экземпляров) остаются неизвестными не только широкому кругу людей, считающих себя интеллигентными, но даже многим специалистам по музыке.

Несколько больше повезло Одоевскому-фантасту. В стране, где родился основатель практической космонавтики и первый космонавт, нашлись энтузиасты, которые взяли за пропаганду художественных размышлений князя о будущем человечества. Научно обоснованные мечты Одоевского об «электрородах», «воздушных кораблях», «гостиницах для прилетающих», о времени, когда «книги будут писаться слогом телеграфических депешей», претворились в жизнь много раньше, чем он сам мог того ожидать. Однако людям нелюбопытным, равнодушным к знанию и по сей день трудно доказывать, что много, очень много зависит от воли самого человека, что путь от мечты о ковре-самолете до космических кораблей не такой уж длинный, что «одно мнимо поэтическое язычество могло к скале приковать Прометея».

Владимир Федорович Одоевский верил в могучее будущее России. Восточное полушарие виделось ему озаренным светом русского гения. Не волею случая и не капризы монархов, а сама история сделала нашу землю местом встречи Запада и Востока, Севера и Юга. Свободный русский ум, стремящийся к самовыражению, к всеобъемлющему синтезу, не мог не породить цельную традицию, получившую ныне название *русского космизма*. И нет нужды называть имена: все, что говорит о ладе, гармонии, соборности, об органическом единстве человеческого (микро) и внешнего (макро) мира, и есть космизм. Музыка — лад. Любовь — мир. Человек — космос. Понять эти вечные, как жизнь, истины нам сегодня помогает вернувшийся князь Одоевский. Я вижу его сияющее лицо. Его завещание

дошло. Оно в руках у адресата. Вы читаете его в полный голос: «Велико наше знание и труден подвиг! Все должны ожить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы...»

Соедини же в себе опытность старца с силою юноши; не щади сил, выноси сокровища науки из-под колеблющихся развалин Европы — и вперея глаза свои в последние судорожные движения издыхающей, углубись внутрь себя! В себе, в собственном чувстве ищи вдохновения, изведи в мир свою собственную, непривычную деятельность, и в своем триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои.

Высказывания

«Наше время есть приуготовление к новой форме души человеческой, где поэзия с наукой сольются в едино».

«Ложь, многословие и взятки — вот те три пиявицы, которые сосут Россию; взятки и воровство покрываются этой ложью, а ложь — многословием».

«Толпе еще нужен не Рафаэль, а размазанная картинка, не Вагн, не Бетховен, а Верди или Варламов, не Дант, — а ходячая пошлость. Но одна ли толпа в том виновата?»

«Этот человек (М. В. Ломоносов) — мой идеал; он тип славянского всеобъемлющего духа, которому, может быть, суждено внести гармонию, потерпевшуюся в западном ученом мире. Этот человек знал все, что знали в его веке: об истории, грамматике, химии, физике, металлургии, навигации, живописи и пр. и пр., и в каждой сделал новое открытие, может, именно потому, что все обнимал своим духом».

Владимир Одоевский

* К сожалению, не имеет глаз.

Виктор Астафьев

Таспух и пастушка

Современная пастораль

Часть четвертая

Успение

И жизни нет конца,
И мукам — краю.
Петрарка

Подбирая изодранный белый подол, зима поспешно отступала с фронта в северные края. Обнажалась земля, избитая войною, лечила самое себя солнцем, талой водой, затягивала рубцы и пробыины ворсом зеленой травы. Распускались вербы, брызнули по косогорам фиалки, заискрилась мать-и-мачеха, подснежники острой дулей раздирали кожу земли. Потянули через окопы отряды птиц, замочка над фронтом, сбивали строй. Скот выгнали на пастбище. Коровы, козы, овечки выстригали зубами еще мелкую, низкую травку. И не было возле скотины пастухов, все пастушки школьного и престарелого возраста.

Дули ветры, теплые и мокрые. Тоска настигала солдат в окопах, катилась к ним в траншеи вместе с талой водой.

В ту пору и отвели побитый в зимних боях стрелковый полк на формирование. И как только отвели и поставили его в резерв, к замполиту полка явился выветренный, точно вобла, лейтенантишко — проситься в отпуск.

Замполит сначала подумал — лейтенант его разыгрывает, шутку какую-то придумал, хотел прогнать взводного, однако бездонная горечь в облике парня удержала его.

Стал разговаривать со взводным замполит, а поговоривши, и сам впал в печаль.

— Та-ак, — после долгого молчания протянул он, дымя деревянной хохляцкой люлькой. И еще протяжной повторил, хмурясь: — Та-а-аак. — Взводный как взводный. И награды соответственные: две Красные Звезды, одна уж с отбитой газурью на луче, медаль «За боевые заслуги». Все-таки было в этом лейтенантишке что-то такое...

Мечтательность в нем угадывалась, романтичность. Такой народ он порывистый! Этот вот юный рыцарь печального образа, совершенно уверенный, что любят только раз в жизни и что лучше той женщины, с которой он был, нет на свете, — возь-

мет да и задаст тягу из части без спросу, чтобы омыт слезами грудь своей единственной...

«Н-да-а-а! Уматает ведь, нечистый дух!» — горевал замполит, жалея лейтенанта и радуясь, что не выбило из человека человеческое. Успел вот когда-то вториться, мучается, тоскует, счастья своего хочет. «А если потом в штрафную...»

Смутно на душе замполита сделалось хорошо. Он поерзал на скрипучей табуретке и еще раз крепкой листовухой набил люльку. Набил, прижег, раскопегарил трубку и совсем не по-командирски сказал:

— Ты вот что, парень, не дури-ка!

Тоска прожгла глаза лейтенанта. Никакие слова ничего не могли повернуть в нем. Он что-то уже твердо решил, а что он решил, замполит не знал, и повел разговор дальше: про дом, про войну, про второй фронт, надеясь, что по ходу дела что-нибудь обзовет.

— Стоп! — Замполит даже подпрыгнул, по-футбольному плюнул табуретку. — Ты в рубашке родился, Костяев. И тебе везет. Значит, в карты не играй, раз в любви везет... — Он вспомнил, что политуправление фронта собирает семинар молодых политруков. Поскольку многих политруков в полку выбило за время наступления, решил он своей властью отрядить в политуправление взводного Костяева и впоследствии назначить его политруком в батальоне — парень молодой, начитанный, пороку нюхал.

— Дашь криок, но к началу занятий чтобы как штык! Суток тебе там хватит?

— Мне часа хватит. — Лейтенант как будто и не обрадовался. Терпеть он долго, минуты своей ждал. И чего сколько в нем за это время переверело...

— Давай адрес. Надо ж документы выписать.

— А я не знаю адреса!

— Не зна-а-е-ешь?!

— Фамилию тоже не знаю. — Лейтенант опустил глаза, призадумался. — Мне иной раз кажется — приснилось все... А иной раз нет.

— Ну ты силе-о-о-и! — с еще большим интересом всмотрелся в лейтенанта замполит. — Как дальше жить будешь?

— Проживу как-нибудь.

— Иди давай, антропос! — безнадежно махнул рукой замполит. — Чтобы вечером за пайком явился. Помрешь еще с голодухи.

О чем он думал? На что надеялся? Какие

мечты у него были? Встречу придумаю — как все получится, какой она будет, эта встреча?

Приедет он в местечко, сядет на скамейку, что неподалеку от ее дома стоит, меж двух тополей, похожих на веретешки. Скамейку и тополя он заметил, потому что возле них видел Люсю в последний раз. Он будет сидеть на скамейке до тех пор, пока не выйдет она из хаты.

И если пройдет мимо...

Он тут же встанет, отправится на станцию и уедет. Но он все-таки уверил себя — она не пройдет, она остановится. Она спросит: «Борька! Ты удрал с фронта?» И чтобы погугать ее, он скажет: «Да, удрал! Ради тебя сдесертировал!»

И так вот сидел он на скамейке под тополями, выбросившими концы клейких беловатых листочков, запыленный от сапог до пилотки. Ждал. Люся вышла из дому с хозяйственной сумкой, надев на руку, закрыла дверь. Он не отрываясь смотрел. Диво-дивное! Она в том же платье желтеньком, в тех же туфлях. Только стоптались каблуки, сблизил на носках туфли, на платье уже нет черных лент, нарукавники отяжились, крылья их мертво обвисли.

Люся похудела. Тень легла на глаза ее, коса уложена кружком на затылке, строже сделалась лицо ее, старше она стала, совсем почти взрослая женщина.

Она прошла мимо.

Ничего уже не оставалось больше, как подаватьсь на станцию, скорее вернуться в часть, тут же отправиться на передовую и погибнуть в бою.

Но Люся замедлила шаги и осторожно, будто у нее болела шея, повернула голову:

— Борька?!

Так и не снявши сумку с локтя, она сползла к ногам лейтенанта и самым змычским манером припала к его обуви, иступленно целуя пыльные, разбитые в дороге сапоги...

Ничего этого не было и быть не могло. Стрелковый полк не отводили на переформировку, его пополняли на ходу. Теряя людей, не успевая к иным солдатам даже привыкнуть, Борис топал вперед со своим взводом все дальше и дальше от дома, все ближе и ближе к победе.

По весне снова заболел куриной слепотой Шкалик, отослан был на излечение и оставлен работать при госпитале, чему взводный радовался. Да вот днями прибыл на передовую Шкалик, сияет, радуется — к своим, видите ли, полаг.

Нехорошо, мешковато топает пехота по земле, зато податливо.

Привал. Залегли бойцы на обочине дороги. Дремлет воинство, слушает, устало смотрит на мир божий. Старая дорога бульжником выстелена, по бокам ее трава почкунулась, в поле аист ходит, трещит клювом, что пулемет, над ставком оброщим склоенными ивами кулик кружит или другая какая длинноклювая птица. Свист, клекот, чириканье. пенье. Теплынь. Красота. Весна идет, движется.

Карышев сходил к ближней весенней луже. Котелком чиркнул по отражению облака, разбил его мягкую кучу, попил бодрой водички. Куму принес, тот попил, крикнул, другим бойцам котелок передал. До лейтенанта Костяева дошел котелок, он отвернулся, сидит, опустив руки меж

колен, потерянный какой-то, далекий ото всех, уже солнцем осмоленный, исхудалый.

Старшине Мохнакову котелок с водой не дали, в отдалении он лежал, тоже отрешенный ото всех, мрачный — не досталось ему воды.

— Ох-хо-хо-о-о, — вздохнула Карышев, соскребая густо налипшую черную землю с изношенных ботинок. — Этой бы земле хлеб рожать.

— А ее сапогами, гусеницами, колесом, — подхватил кум его и друг Малышев.

— Да-а, ни одна война, ни одна беда этой прекрасной, но кем-то проклятой земли не миновала, — не открывая глаз, молвил Корней Аркадьевич Ланцов.

— А правда, ребята, или нет, что утресь старую границу перешли? — вмешался в разговор Пафнутьев.

— Правда.

— Мотри-ка! А я и не заметил.

— Замечай! — мотнул головой Ланцов на танк, вросший в землю, пушечкой уткнувшийся в кювет. Машину оплело со всех сторон сухим бурьяном, под гусеницами жили мыши, вырыл нору суслик. Ржавчина насыпалась холмиком вокруг танка, но и сквозь ржавчину просунулись острия травянок, густо, хотя угнетенно светились цветы мать-и-мачехи. — Если завтра война! Вот она граница-то, непобедимыми гробами помечена...

Старшина Мохнаков молча подошел к Пафнутьеву, взял его карабин, передернул затвор, не целясь, ударил в бок танка. На железез занялся дымок и обнажился черной звездочкой пробойна. Старшина постоял, послушал, как шуршит ржавчина, засочившаяся из всех щелей машины, и бросил карабин Пафнутьеву:

— А мы на таких гробах воевали.

— И довелись до белокаменной, — ворчал Ланцов.

— Было и это. Все было. А все-таки вертаемся и бьем фрица там, где он бил нас. И как бил! Сырными был, и не бил, прямо сказать, по земле размазывал... Но вот мы вчера, благословясь, Шепетовку прошли. Я оттудова отступать начал. — Старшина недоумоно огляделся вокруг, что, мол, это меня понесло? Набылчился, снова отошел в сторону, лег на спину и картуз старый, офицерский на нос насунул.

— Постой, постой! — окликнул его Пафнутьев. — Это не там ли родился какой-то писатель-герой?

— Там! — буркнул из-под картуза Мохнаков.

— А как же его фамилия? И че он сочинил?

— Горе без ума! — усмехнулся Корней Аркадьевич.

— «Горе от ума» написал Грибоедов, — не шевалясь и не глядя ни на кого, тусклым голосом произнес лейтенант Костяев. — В Шепетовке родился Николай Островский и написал замечательную книгу «Как закалялась сталь».

— Благодарствую! — Приложил руку к сердцу Ланцов.

— Что за люди? — с досадой хлопнула себя по коленным Пафнутьев. — Где шутят, где всурыез? Будто на иностранном языке говорят, блядство.

— А такие, как ты, чем меньше понимают, тем спокойнее людям, — лениво протянул Ланцов.

— Зачем тогда бают: ученые свет, не ученые — тьма?

— Смотря кого и чему учат.

— Убивать, например, — снова едва слышно откликнулся Борис.

— Самая древняя передовая наука. Но я другое имел в виду.

— Уж не марсиско-ленинскую ли науку? — насторожился малограмотный, но крепко в колхозе политически подкованный Пафнютьев.

— Я ученые Христа имел в виду, учение, по которому все люди — братья.

— Христа-то хоть оставьте в покое! Все да на войне... — поморщился Костяев.

— И то верно! — решительно поднялся с земли старшина Мохнаков. — Разобрать имущество! Ш-гом арш! Запыхивай, славяне. Берлин недалеко.

Появился на передовой капитан из какого-то штабного отдела, молодой еще, но уже важный. Он принес ведомость на жалование. Солдаты шумно изумлялись — им, оказывается, идет жалование. Расписали сразу за все прошедшие зимние месяцы, жертвуя деньги в фонд обороны. После этого капитан прочитал краткую лекцию о пользе щавеля, содержании витаминов в клевере, в крапиве, так как последнее время с кухни доставляли зеленую похлебку, поименованную бойцами дристухой. Солдаты грозилась заложить гранату в топку кухни. Лекцию насчет пользы витаминов капитан провел как бы в шутку и как бы всерьез, на вопросы отвечал шуткою, но построжел, когда его спросили: не с клевера ли у него брюшко? От большого сердца, сообщил капитан. Бойцы и это сообщение почли шуткой, очень удачной и, главное, к месту. Разговор сам собой перешел на второй фронт. Крепкими словами были обложены союзники за нерасторопность и прижимистость — все сошлись на том, что из-за них, подлых, приходится жрать зеленец и переносить все более затягивающиеся временные трудности.

Капитан пострелял из снайперской винтовки по противнику, даже в легкую атаку на село сходил, занявши которое, солдаты подшибли гуся, якобы отбившегося от перелетной стаи. Важный капитан понимающе посмеивался, глядя вместе с бойцами кости дикого гуся.

Миссис капитана попотчевал Пафнютьев. Он притирался к гостю, таскал его багажишко, выкопал ему щель, принес туда соломки, вовремя, к месту интересовался: «Может, еще покушаете, товарищ капитан? Может, вам умыться наладить?» Увел Пафнютьева капитан с собой. «Кум с во-зу — кобыле легче!» — решили во взводе.

Во время затишья Пафнютьев навещал родную пехоту, всех без разбору угощал папиросами из воентора. Поболтал о том о сем, поотиравшись на переднем краю, он увлакивал узел трофейного барахла: одеял немецких, плащ-палаток, сапог. Барахлашко — догадывались солдаты — Пафнютьев менял на жратву и выпивку, словом, улаживал начальство. И улаживал и да заелся.

Мохнаков мрачно бухнул Пафнютьеву: — Ты вот что, куманек! Или выписывайся из взвода, или бери лопату и вкальвай до победного конца. Уж двадцать лет, как у нас холоуев нет.

— Холоуев, конечно, уж двадцать лет, как нет, — не вступила в пререкания со старшиной, поучительно отвечал Пафнютьев, — да командиры есть, и кто-то должен им принораждать. Товарищ капитан не умеет ни стирать, ни варить. Антиля-

гент они. — Докури папироску, Пафнютьев поглядел на нейтральную полосу, за которой темнели немецкие окопы, — туда ночью ходили в разведку боем штрафники. — Штрафников-то полегло эсכולко! — захоал Пафнютьев. — Грех да беда не по лесу ходят, все по народу. Хуже нет разведки боем. Все по тебе паяют, как по зайцу.

Мохнаков взял Пафнютьева за ворот гимнастерки, придавив к стене траншеи, поднес ему гранату-лимонку под нос и держал гостя так до тех пор, пока тот не захрипел.

— Понохоха?! — Старшина подкинул вверх и поймал гранату. — Все понял?

— Как не понять? Ты так выразительно все объяснил.

— Тогда запыхивай отсыдова!

— Я-то зайцу, — отдышавшись, начал мять папироску пыхающими пальцами Пафнютьев. Закурив, он усталился на трофейную зажигалку, излаженную в виде голой бабы со всеми ее предметами и подробностями. Огонь у нее высекался промеж ног. — Я-то зайцу, — убирая зажигалку в нагрудный карман, нудил Пафнютьев. — Вот как бы ты вместе с Боречкой не запыхил туда... — кивнул он головой на нейтралку, где с ночи лежали и моли под дождем убитые штрафники.

Старшина снова хотел дать ему гранату понюхать, но в это время его окликнули к командиру, и он погрозил пальцем Пафнютьеву: «Мотри у меня!» — удалился. «Да, а если не потрафишь товарищу капитану, да ежели он сюда меня вернет, да ежели бой ночью...»

— Не страйшай девуку мудям, она весь видала! — задержался, завизжал Пафнютьев.

Однако Мохнаков его уже не слышал.

Между тем наступление продолжалось, хотя и шло уже на убыль. Части переднего края вели бой местного значения, удалялись позиции перед тем, как стать в долгую оборону.

Из штаба полка было приказано взводу Костяева разведать хутор, ежели возможно, захватить высоту справа от него и закрепить. Мохнаков день проторчал в чейке боевого охранения, с биноклем — высматривал, выноживал. Ночью, тихонько ликвидировал ракетчиков и боевое охранение немцев, пробрался с отделением автоматчиков в хутор, поднял небообразный гам и пальбу такую, что хутор фашисты в панике оставили и высоту тоже.

Стрелки забрались в избы, от которых тянулись ходы сообщений на высоту, и блаженно радовались тому, что не надо копать. На высоте брошен был живехонький еще наблюдательный пункт, даже печка топилась в блиндаже, на ней жарились олады, телефон был подсоединенным. «Гитлер — капут!» — орали в телефон бойцы, макая горячие олады в трофейное масло, вкус которого они начали забывать. С другой стороны им отвечали: «Руссич шваине!» Вырывая друг у друга трубку, удачливые автоматчики лаяли немцев, дразили их, чавкая ртом, потом пели похабные песни с политическим уклоном.

Поверженный противник не выдержал полемики и телефон свой отцепил, пообещав сделать русским иванам «грасскапнут».

Тут как тут явились на отвоенный НП артиллеристы и выперли веселую пехоту из уютного блиндажа. Коря артиллеристов, всегда, моа, мор-

даые заразы лезут на готовенькое, стрелки подались в хутор и начали варить картошку, возбужденно рассказывая друг другу о том, как остроумно беседовали с фрицем по телефону.

Для взаимодействия и связи с артиллеристами на высоте остались Мохнаков и Карышев. Утром установлено было, что весь скат высоты и низина за огородами хутора, да и сами огороды хутора с зима минированы: еще один оборонительный вал соорудили немцы.

Около полудня появился в поле боец и попер направо по низине.

— Кого это черти волокут? — Карышев приложил ко лбу руку козырьком.

Старшина повернул стереотрубу, припал к окулярам.

— Сапер запыхивает, — почему-то недобро усмехнулся он и еще что-то хотел добавить, но в низине хлопнула вроде бы как дверь в пустой избе, подпрыгнула и рассыпалась травянистая кочка, выплеснувшись желтый дымок.

— А-а-ай! Мамочка-а-а! — донеслось до окопов. Карышев, тужась слухом, всполошенно хлопнул себя по бокам.

— Это ведь Пафнютьев! — И заругался: — Какие тебя лешаки сюда ташыли, океанного? Трофеи уюхал, трофеи!

— А-а-а-ай! А-а-а-ай! Помоги-и-ы-ыте-е-е-е! Помоги-и-ы-ыте!

Карышев перестал ругаться, засопел, мешковато полез из окопа. Старшина одернула его за хлястик шинели обратно:

— Куда прешь, дура! Жить надоело?

Старшина обшарил в артиллерийскую трубу всю низину. Была она в плесневелых листьях, на кочках серели расчесы вейника, колоски щучки и белоуса, под кочками явно обозначались беловатые всходы калужника, проколослись иголки свежего резуна. В кочках бился Пафнютьев, разрывившая воду и грязь, и все кричал, кричал, а над ним заполошно крутился и свистел болотный кулик.

— Будь здесь! — наказал старшина Карышеву.

Мохнаков отполз за высоту, поднялся и, расчетливо осматриваясь, выверяя каждый шаг, будто на глухарином току, двинулся в заболоченную низину. Его атаковали чибисы, стонали, выхлялись возле лица.

— Кшить, дураки! Кшить! — Старшина утирал пот со лба и носа. — Рванет, так узнаете!

Он добрался до Пафнютьева, выгнул его из грязи. Ноги Пафнютьева до пахов были изорваны противопехотной миной. Трава от взрыва побелела и пахла порченным чесноком. Мохнаков неожиданно вспомнил, как дочка его, теперь уже невеста, отдавая первый раз в жизни колбасы, всех потом уверяла, что чеснок пахнет колбасой. Дети, семья так редко и почему-то всегда внезапно вспоминались Мохнакову, что он непроизвольно улыбнулся этому драгоценному озарению. Пафнютьев перестал кричать, испугавшись его улыбки.

— Не бойся! — буркнул Мохнаков. — На вот, кури. — Засунув сигарету в рот солдата, старшина похлопал себя по карманам — спички где-то обронил. Пафнютьев суетливо полез в нагрудный карман — там у него хранилась знатная зажигалка.

— Возьми зажигалку на память.

— Упаси нас бог от тебя и от твоей памяти.

— Прощенья прошу, Николай Васильч, — запричитал Пафнютьев. — Наклепал я на товарища

лейтенанта. На тебя наклепал. Мародерство... Связь... Связь командира с подозрительной женщиной...

— Его-то зачем? Ну я, скажем, злодей. А его-то?..

Перевязывать было много и неловко. Старшина вынул из кармана свой пакет, разорвал его зубами. Пафнютьев все причитал, каялся:

— Гадина я, гадина! Сколо людей погубил, а вот погибель приспела — к людям адресуюся...

— Ладно, не ори! В ушах аж сверлит! — прикрикнул старшина. — Люди на войне братством живы, так-то...

— Выташмы, Николай Васильч! Ребятишки у меня, Зойка. Сам семейный... Всю жизнь... молить всю жизнь... И эту... гадство это... спозаброшу... замолою... грех... молитвой жить... — Мохнаков хотел сказать: «Хватился когда молиться», но Пафнютьев пискнул, захлебнулся и умолк — старшина туго-натуго притянул бинтами к паху его мошонку. «Чтобы не укатилось чего куда», — мрачно пошутил он про себя, заваливая на загорбок податливую, будто разваренную тушу солдата.

В траншее наладии носилки из жердей и плащ-палатки. Перед тем как унести Пафнютьева из окопа, влиал ему в рот глоток водки. Он поперхнулся, открыл захлестнувшие плывущим жаром глаза, узнал Бориса, Карышева и Малышева.

— Простите, братцы! — Пафнютьев попробовал простердиться, но его отвалило на носилки, и он заплакал, прикрыл лицо рукой. Кадык его, покрытый седой реденькой щетиной, ходил челноком.

Карышев и Малышев подняли носилки. Борис проводил их взглядом до низинки. Старшина чего-то недовольно бубнил, оттирая соломой гимнастерку и штаны.

Досадный был кум-пожарник Пафнютьев, притчеватый, как называли его алтайцы, и пострадала за него, притчеватого.

Доставив Пафнютьева живым до санбата, они, утомленные ношей, уже вечером благостно-теплым неторопливо возвращались на передовую, подходили к хутору, утратив осторожность.

Хлестко, но без эха ударил выстрел.

Карышев сделал шаг, второй, все с тем же ощущением в душе благодати деревенского вечера. Не выстрел это, нет, с оттяжкой щелкнул бичом деревенский пастух, гнавший из-за поскотины, с первой травки, залежавшихся в зимних парных стайках коров. Ноги солдата уже подламывались в коленях, но он все еще видел избы, тополя, резко очерченные в предсумерье, жиденскую, еще не наспелую вечерницу-зорьку, слышал запах преющей стерни на пашне и накатисто волною плывущий из лога шорох молодой травы — ремень траншеи стегнул его по глазам, все вокруг встало на ребро, опрокинулось на солдата: дома, деревья, пашни, небо...

— Ку-у-ум! — дико закричал Малышев, подхватывая рухнувшего земляка.

— Западите! Западите! — ссаженным голосом кричал, спеша по траншее, Мохнаков.

Карышев и Малышев, опытные воики, поняли его, запали в кочках, чтобы снайпер не добил их.

Пуля угодила Карышеву под правый сосок, искоржив угол гвардейского значка. Он был еще

жив, когда его доставили в хуторскую избу, но нести себя в санбат не разрешиа.

— Уби-тый я,— проговорил он, прерывисто сдвывая воздух.

Мальшев старался подложить под голову и спину Карышева чего-нибудь помятче, чтобы тому легче дышать, витрала ладонью вспыхивающую на губах друга красную пену и все насылаеса:

— Попыешь, может, кум? Может, чего надо? Ты не терпи, ты спрашивай!...— Губы Мальшева разводило, лицо его было серое, лысина почему-то грязная, весь он сузился, исхудал разом, сделался особенно заметно, какой он пожилой человек.

Борис махнул рукой, чтобы бойцы уходили из избы. Все, понурясь, ушли. Встан на колени перед Карышевым, взводный поправил солому под ним и затах, не зная, что сказать, что сделать. По хате поплы тонкий, протяжный звук, будто из телефонного зуммера. Это Мальшев зашелся в плаче, из деликатности стараясь придавить его в себе.

Карышев отходил. Он прижмурил глаза с уже округлившимися глазами и открыл их, сказав этим лейтенанту «прощай», перевел взгляд на кума. Борис понял — ему надо уходить. Взводный распрямился и не услышал под собою ног.

— Мохих-то,— прошептал Карышев.

— Да об чем ты, об чем!.. Не сумнейся ты в смертный час! — по-деревенски произительно запричитал Мальшев.— Твоя семья — моя семья... Да как же мне жить-то теперича-а-а! Зачем мне жить-то?..

Борис шагнул в пустоту, нащупал перед собой стойку или столб, уперся лбом в его холодную твердь и, ровно бы гроза кому, повторял: «Так умеют умирать русские люди! Вот так...»

В хуторе тихо. За хутором реденько и меланхолично всплывали ракеты, выхватывая мертвым светом из темноты кипы садов, белые затаявшиеся хатки, уткнувшиеся в небо утесами природо-рожные тополя.

— Преставился.

Борис прижал Мальшева к себе и почему-то начал гладить его по голой, прохладной голове. Шумно работая носом, Мальшев рассказывал, как жили они душа в душу с кумом до фронта; женился в один день; в колхоз записался разом. Бывало, гуляют, так кум домой утайкой волокется, а он, Мальшев, дурак такой, орет на всю улицу: «Отворяйте ворота, да поширей!..»

Ночью, без шума, без лишней возни, под звездами схоронили Карышева, сделали крест из жердей, и последний приют алтайского крестьянина как-то очень впору пришелся на одичалом хуторском погосте, реденько заселенном разномастными крестами и камнями с непонятной вязью слов, придавившими что-то древние могилы. Кусты бузины клубились на закрайках погоста, низкий колючий терновник, уже набравший цвет, окаймлял его вместо ограды. С единственного старого дерева, стоявшего среди могил, шархнула в темноту зловеющая птица.

На этом же кладбище еще три свежих креста с надетами на них рогатыми касками. Мальшев, возвращаясь в хутор, с глухим рычаньем бросился на топовые кресты, пугившие победы, выворотил их, побросал за ограду, туда же запустил и ржавые каски. Они громко звякнули в темноте.

Замкнулся, умолок, совсем отделился от людей старшина. От висков, из-за ушей прострелили его лицо пучки морщин. Рот стянуло, губы потрескались. Ходил он недовольно, будто прихватывало морозом мокрые втоки. Спал мало, ел из своей посуды, чтобы не зарыжить солдат, бросил пить совсем, в земляной работе сделался немощен, курил беспрестанно да военное дело выполнял с лютостью — искал смерти.

Но и смерть его сторонилась.

Раздобыл старшина чистое белье, новый вешешок. Белье надел, вешешком упрятал в ячейке. В мешке было что-то круглое. Бойцы думали, домашний каравай хлеба. Но разнохали — противотанковая там мина. Зачем она старшине, гадали.

Не отбив сторяча дуриком взятую у них висотку, немцы пытались малыми силами взять ее обратно и были отброшены. Тогда они подготовились к атаке тщательней, заскребили все что осталось под рукой и даже четыре танка бросили в атаку. Артиллеристы ударили по танкам, один повредили, остальные россмью рванули к окопам, достигли висотки. Пэтэзрички, побухав из ружей по лобовой броне танков, пали на дно ячеек, носом в грязную землю. Танки напалились, утюжат траншею, и никакой на них управы нету. Старшина Мохнаков не отрывался от стереотрубы артиллеристов, хотя те и ругались, прогоняя его.

Окутанный пылью, резво брэнча левой ослабшей гусеницей, покачивая надульником пушки, лез к наблюдаемому пункту бывалый танк. На лобовой броне его всплескивали цапнины, пестрая краска отваливалась лоскутками, свежий синий шов электросварки тянулся от переднего люка к поддону.

Давно воюет этот танк, умелый в нем водитель, маневрирует смело, в танк прячется, бок не подставляет. Такой танк за десяток машин нарабатает!..

Мохнаков надел вешешок на спину, затянулся в последний раз от толстой цигарки, притоптал окурок. «Запыжьвай, паря!» — сказал себе и выпрыгнул из окопа. Он подпустил машину так близко, что водитель отшатнулся, увидев в открытый люк вынырнувшего из дыма и пыли человека. И старшина Мохнаков увидел опаленное лицо водителя в детской розовой коже — бровей и ресниц у него не было. Горела водитель, и не раз горела.

Они глядели друг на друга всего лишь мгновение, но по предсмертному ужасу, мелькнувшему в водянистых глазах водителя, нетрудно догадаться было — немец все понял: русский солдат с тяжелым, ссохшимся лицом идет на смерть.

Танк дернулся, затормозил. Но Мохнаков уже нырнул под гусеницу, она вымяла его в прошлогоднюю запыленную стерню. От взрыва противотанковой мины старая машина треснула по недавно сделанному шву. Траки гусеницы забросило аж в траншею.

А там, где ложился старшина Мохнаков под танк, осталась воронка с испепеленной по краям землей и черными стерженьками стерни. Тело старшины, пораженное заразной, неизлечимой в окопах болезнью, вместе с выгоревшим на войне сердцем разнесло, разбросало по висотке, туманящейся с солнечного бока зеленым.

В полевой сумке Мохнакова, оставленной на НП, обнаружили награды, приколотые к бязе-

вой тряпочки, и записка командиру взвода. Просил его старшина позаботиться о жене и о детях. Адрес: «Райцентр Мотыгино Красноярского края, улица, номер дома...»

Но через несколько дней командира взвода и самого ранило в правое плечо осколком мины. Он почти сутки еще просидел в земляной норке на изопревшей соломе, баюкая прибинтованную к туловищу руку, налитую сиенной краской и клейковато заблестевшую. Замениться нечем: старшины не стало, младших командиров выбило за весеннее наступление, Ланцова Корнея Аркадьевича будто бы в армейскую газету забрали, но солдаты поговаривали, что совсем его в другое место забрали за чернокнижье, за приверженность к богу и вредным разговорам. Грешили на Пафнутьева — он, змеина, заложил человека. Из старых солдат остались во взводе Малышев да Шкалик.

Усталые, издерганные боями, вымазанные окопной глинной, солдаты, большей частью вернувшиеся из госпиталей или собранные по украинским селам, из-за распутицы питающиеся чем попало, привычно и безропотно вели свои будничные фронтные дела, изредка заглядывая ко взводному в норку, не за распоряжениями, нет, а просто узнать — не надо ли чего ему?

Вечером дежурный по взводу сунул в щель котелок, оставил на тряпочке ржаную лепешку собственной выпечки. Борис прилепился к теплоте ободку и частыми глотками отхлебывал кипяток, запроваленный лежалыми бурьями. Лепешка хрустела на зубах. Солдаты толки прикладами прошлогоднее зерно и лекали лепехи на саперных лопатках. Через силу домалывал Борис зубами затхло-ватое, крупнодробленое, еле склеенное в лепешку зерно, заставляя себя изжевать ее всю до крошечки — солдаты отворачивали от себя последнее, — уважать фронтное братство он научился.

Промочив спешке шею горло остатками свекольного чая, он свернулся в сирой щели. Трудился какой-то жук-землемер, обгававший после холодов. Комочки сыпались Борису на лицо, закатывались в ухо.

Наутро неистребимый, заросший малопородистой бородой командир роты Филькин привел во взвод пополнение — человек пятнадцать солдатиков двадцать пятого года рождения и с ними младшего лейтенанта, только что прибывшего из уральского военного училища.

Борис спросохлася со взводом, пожелала новому командиру с комсомольским значком на гимнастерке долгой жизни и дружбы с солдатами.

Филькин обнял взводного, бережно по спине похлопал.

— Я буду ждать тебя, Боря!

В дороге лейтенанта догнала повозка. На ней стоял, бойко мотая вожжами, Шкалик, отъезжая в госпитале, очень всем довольный, особенно тем, что сумели солдаты раздобыть повозку — выбросили пустые ящики, стокнули наземь ездового и велели догонять раненого командира.

С радостью забрался лейтенант в повозку, ткнулся лицом в мышьяки пахнущую солому. Его подбрасывало на выбоинах, катало по повозке, когда она заваливалась в глубокие танками прорытые колдобины, но Борис все равно дремал, отупев от бои и усталости.

Шкалик, чмокая губами, шлепал кривоногую ло-

шадь вожжами по бокам и все рассказывал, как они ловко заполучили повозку, как повозочный хватался за оружие, но потом, когда ему дали лепешек и чаю из бурьяков, а товарищ командир роты угостил легким табаком, повозочный утешился.

В грязном, размешанном логу повозка застряла. Борис попробовал помочь Шкалику, да силенок у того и у другого оказалось маловато. Шкалик крикнул: «Я чичас, товарищ лейтенант!» — и прытко побегал впереди лошади.

Лошадь, скрипя колесами, пошла в объезд, миновала бочажину, затрещала кустами. Борис, уронив голову, сидел по другую сторону лога, навалившись на ствол ветлы, изорванной колесами. Внезапно ударило пламя, развалило все вокруг грохотом, заклобулся кислый дым. Кашая, давясь удушьем, взводный слепо ринулся в лог. Перед ним, домая щазу, упало и покатилося колесо от телеги; из редующего дыма выпадало и шлепалось в грязь что-то мягкое, ударяя в голову запахом парной крови и взрывчатки.

Шкалик был всегда беспечен. Но он-то, он, окопный командир, ванька-взводный, с собачьим уже чутьем, почему позволил себе расслабиться и не почувствовал опасности? Вон же они рядом стоят, дощечки с намахеванным черепом — ограждение минеров. Что это с ним? Почему отерпало и притупилось в нем все, чем держится человек в этой жизни?

— Бедный, бедный мальчик! — сказал, а может, подумал Борис и потер распухшие и зудящие веки. Не зная, что делать, постоя еще, оглядываясь по сторонам, словно бы запоминая это безудельное, неприметное место, истерзанное колесами, воронками, и побрел лесом в санбат, насаженный, полуглухой.

Больно ему было от раны, ело глаза окисью взрывчатки, но страдания в сердце не было. Привык. Ко всему привык. Притерпелся. Только там, в выветренном, почти уже пустом нутре поднялось что-то, толкнулось в грудь и оборвалось в устоявшуюся болю, дополнило ее свинцовой каплей.

Нести свою душу Борису сделалось еще тяжелее.

В санбате оказалось народу густо. Офицеров на перевязку вызывали вперед. Но Борис по окопной привычке везде быть с солдатами забрался в очередь и все пропускал тех солдат, которые казались ему тяжелее его раненными.

На стол он попал спустя сутки.

Неповоротливая и молчаливая медсестра не стала отмигивать сохосшиеся рывжие брюты, отодрала их, будто фанеру, с плеча Бориса, промкнула тампоном ударившую кровь из раны, дала ему белую таблетку, оглянулась воровато и сама съела такую же. Бориса начало укатывать кудельно-волокнистым сном, у сестры тоже затуманились глаза, губы ее сделались мокрые, сонно расплавленные.

Врач в старомодных очках в позолоченной оправе, за которой остро и сердито мерцали влажные глаза, расшвелил Бориса, постукав по плечу кулаком, спросил, где отдается боль. Борис вяло сказал: «Не знаю», потому что боль отозвалась везде.

Врач озадаченно глянул на больного:

— Наклюкаться где-то успел, сердечный, — и потыкал в рану зондом.

Окончание на стр. 33

Виктор Соснора

* * *

Да здравствуют красные
кляксы Матисса!
Да здравствуют красные
пляски Матисса!
В аквариуме из ночной
протоплазмы
в оскаленном небе —
нелепые пляски!

Да здравствуют красные
пляски Матисса!
Все будет позднее —
признание, маститость,
седины — благообразнее лилий,
глаза — в благоразумных
мешках,
японская мудрость
законченных линий,
китайская
целесообразность мазка!

Нас увещевали: краски —
не прясла,
напрасно прядем
разноцветные будни.
Нам пляски не будет.
Нам красная пляска
заказана, даже позднее —
не будет.

Кичась целомудрием
закоченным,
вещали: устойчивость!
до почернения.
На всем: как мы плакали,
как мы дышали,
на всем, что не согнуто,
не померкло,
своими дубовыми карандашами
вы ставили (ставили, помни!)
пометки.

Нам вдалбавали:
вы посконность и сено,
вы серость, рисуите,
что ваше, что серо,
вы северность, вы
сибирячность, пельменность,
вам быть поколением
неприметных,
безруких, безрогих...

Мы камень за камнем
росли, как пороги.
Послушно кивали на ваши
обряды.

Налево-надево,
направо-направо
текли,

ФОТО ОЛЕГА МИТКИНА

а потом — все теченье —
обратно!
Попробуйте снова теченье
направить!
Попробуйте вновь проявить
карандашность,
где все что живет
восстает из травы,
где каждое дерево
валом карданным
вращает зеленые ласты листвы!

* * *

За Полярным кругом,
за Полярным
кустики изогнуты, как скрепки.
Может быть, Сиянье запыляет?
Нет, не запылет. Знаю крепко.

Горизонт газетами оклеен.
Говорят, здесь в самом лучшем
виде,
как дельфины прыгают олени.
Что ж. Охотно верю.
Но не видел.

Пьяницы — наземные пилоты —
в высшем пилотаже
по субботам:
тот в петле, а этот подбородок
у жены выламывает бодро.

Диво-север! Облажите,
ваньки-
встаньки, ваши важные
машины!
Развейайся знамя,
рванный ватник,
развивайтесь знамя
матерщины!
За Полярным кругом крик
собак.
Подвиг трудовой опять
струится.

И твоя судьба,
моя судьба,
замкнута, как этот круг,
Строитель.

* * *

О на язык тебе типун,
изысканный поэт-трибун.

Манипулируя венками,
кивая профилем варяга,
эстрадной совестью сверкая,
ты в массы мастерство
внедряешь?

Гербарий танца и сутан,
евангелий и улюлюка,
среди огула и стыда,
иронизируешь, ублюдок?

О благо публика бедна,
бездарен, благо зал публичный
и благо занят трибунал
проблемой лозунгов и пищи.

Звери

Умер лев.

Померкли
дуны над лесами.
Задита поверхность
грустными слезами.

Собрались в малине
цапаи, крысы, гидры,
до утра молились,
голосили гимны.

Поутру в малине
стало все неясно:
некому молиться,
некого бояться.

Слон пустился в вальсы.
Вермишельки-пьявки
стали предаваться
женщинам и пьянке.

С помощью рейсшины,
циркуля, декаля,
жуткого страшилу
рмысь нарисовала.
Звери в изумленье,
напугались шибко,
пали на колени
около страшилы.

Стало все в малине
до предела ясно:
есть кому молиться,
есть кого бояться.

Дом Подонков

Он ходит под окнами Дома
Подонков
подолгу,
подолгу.
Ой мальчик!

Молчалычик!
Мельзают потомки?
Отбилась от мамы?
Где компас? Где полюс?
Подобны под окнами Дома
Подонков
и доля, и дело,
и доблесть, и подлость.

А в Доме!
Параболы потных подолов,
асбестовы губы! богаты беседы!
Мы ходим под окнами Дома
Подонков
солдаты, индейцы,
босы и бесследны.

* * *

Кистью показательной по меду!
Мраморными линиями
поразите!

Бронзой, полимером!
Да не померкнут
Фидий, Пракситель!

Поликлет, увенчивай героя
лавром!
Серебри, Челлини, одеянье
лидий!

Что-то расплодилось
юбиляры...
Где ювелиры?

Где вы, взгляды
пристальных агатов,
прямо из иранских гаремов очи,
не зрачки — два негра-акробата,
черные очень?

Где вы, изумруды,
в которых море
шевелит молекулами?
Где жемчуг,
четок, переливчат,
как азбука Морзе
в прическах женщин?

Где вы, аметисты?
Вдохните бодрость
в эти юбилейные руины!
Капилляры гнева и вены боя,
где вы, рубины?

Лишь на юбилеях ревут мазепы,
глиняных уродов даруя с тыла,
почитать букварь и почитать
музей
стыдно им, стыдно!

Лишь на юбилеях гарцует
быдло,
лязгая по ближним
бульжником страшным...
Яхонты, бриллианты,
бериллы — были,
стали стекаляшки.

После праздника

Вот и праздник прошел.
Декорации красные сняты.
Отсалютовали, отвыкрикивали,
отбабахали.
На асфальтовых лицах —
трудолюбие.
(Наши азы! Наши яти!)

Эти стихи написаны в 1960—1963 годах. Прошло, как говорится, тридцать лет. Энтузиазм нашего поколения (о плясках Матисса!) не нашел отклика. Все утонуло в рутине юбилеев. О поэзии, о себе, о судьбе писать долго, сложно. Лучше, мне кажется, печатать стихи, еще живые.

С уважением,
Виктор Соснора

Трудолюбие под папахами.
По замерзшим, брезентовым
улицам бегают мальчик.
Думал, это салют,
а это пожарная колымага,
Сирена.

А хотел —
самолеты, салюты,
футбольные матчи.
Чтобы шар голубой
кольхался на пальце все время.

Мальчик прыгал.
Попрыгал
и скрылся за поворотом.
Алкоголик вспорхнул,
пролетел сантиметр над
панелью...
Руку жмет сам себе,
поздравляет с полетом...

Где же мальчик?
А может быть, мальчик
и
не
был?

* * *

Воистину
воинствуем
напрасно.
Палим, не разбирая, где мишени.
Теперь бы нам
терпения
набраться.
Пора вступать в период
размышлений.
Мы отрапортовались —
с пылу с жару!
Пора докладывать
содружественным странам:
как не спугнуть
уродливую жабу,
но обмануть —
во что бы то ни стало.
Как разучить, где маховик,
где привод,
кого для штрафов,
а кого для премий.
Пора вступать совсем в другой
период.
В другой период!
Что ж,
приступим к преньям.

Ласточка и пастушка

Окончание. Начало на стр. 25

Кровь потекла бойчее, защекало струйкой спину, живот. Бориса понесло со стога. Ему сделали укол, потеряли виски нашатырным спиртом и разрезади плечо крест-накрест.

Через неделю, от силы через две, завершила лейтенанта старшая сестра медсанбата, он снова будет в строю. Что-то тут не так: ранение в плечо простым не бывает, при нем ни тряпнуть, ни ворохнуть — болит все. Да пусть — не все ли равно где валяться, лишь бы покойно было. Борис не горлопанил, не ругался, эвакуации не требовал, привякнув к боли, лежал в палатке или ехал в санитарской машине, смотрел в небо, и жалостный, устойчивый покой пеленал его младенческой полудремой.

В солнечный незнойный день, когда из лесу тянуло снегом, из логов, где еще серели обмылки сугробов, — талой водой и горьковато медовым запахом цветущей ивы, Борис выполз из палатки в беляшке, зашитом на животе, бросил чиненое одеяло на землю, опустился на него. Он сидел, прислонившись к чешуйчатому стволу дерева, названия которого не знал.

Мирно ему было. Деловито жужжа, вспыхивая крыльями на солнце, полосами тянули пчелы, оседали на распустившийся ивняк. Ивы гудели, шевелились от пчел, казалось, курились они, разбрасывая искры по сторонам.

Под хмельное гудение пчел, переклик пичужек, возившихся над головой, под трещание аиста, который ходил по полю, пьяно качаясь, замирая на одной ноге, пуская ключом очереди в небо, под умиротворенный весенний шум, совсем не похожий на буйство вешней Сибири, Борис задремал.

Он слышал все звуки, чувствовал, как холодит сквозь одеяло еще только сверху отмягшая земля, токи ее слышал, рост нарождающейся травы и в то же время ровно бы ничего не слышал, ровно бы все, что происходило вокруг, откликалось не в нем, а в другом каком-то человеке.

Что-то легкое коснулось руки, защекало его. Борис раздвинул глаза. По запястью ползла зорчатая бабочка и с серьезностью молодого фельдшера ощупывала усиками зашелушившуюся от мыла кожу.

Борис глядел, глядел на сторожкую бабочку и увидел черные крыльышки на рукавах желтого платья, окно в морозных узорах...

— Лю-у-у-у-у-а-а!

Бабочка сорвалась с руки, села на синеватую былку нераспустившегося цветка.

— Лю-у-у-у-у-а-а-а?

Бабочка прилипла к гололому стеблю, похожему на бескровную человеческую жилу, дышала крыльями, готовая вот-вот взлететь.

— Большой, ты не видел Люсю?

Борис, глупенько улыбаясь, уставился на коротконогую женщину с новым цинковым ведром на стиге руки.

— Повариху не видел, спрашиваю?

Он сниклся что-то понять.

— Ты чего, совсем уже ослабоумеа? Повариху не поминиш, которая тебя каждый день по три раза стоаует?

Бабочка успела улететь.

— Ничего я не помню, — с досадою сказал лейтенант.

— Оно и видно. — Женщина покатила на коротких ногах к ручью, зорала еще громче: — Лю-у-у-у-у-а-а-а! Куда тебя черти унесли?

«Люся, куда тебя черти унесли? — Борис ткнулся лицом в пахнущее больницей одеяло. — Лю-у-у-у-а-а! Да была ли ты, Люся? Была ли?!»

Он груамо ощущал, как из земли равнодушно текло в него едва ощутимое ее дыхание, и тоска его, и слабый бунт — не помоха, не помога земае. Она занята своим вековечным делом. Она на сносах, готовится рожать и, как всякая роженица, вслушивается только в себя, в жизнь, шевелящуюся в недре. До него, выдохшегося человешика, нет ей никакого дела — земля вечна, он мимолетный гость на ней.

На очередном обходе главный врач санбата осмотрел Бориса, поворачивая его то передом, то задом, постукал кулаком под правой лопаткой и, заметив, что лейтенант сморщился, сурово спросил:

— Болит?

Борис опустил голову:

— Болит.

Врач через очки бодуче смотрел на него, неторопливо свертявая кровянисто-багровые жилы фонендоскопа на руку:

— Подзадержались вы у нас, подзадержались...

Борис удивился в голосе врача неприязнь и плохо спрятанное подозрение. Послышалось угодливое хихиканье той самой санитарки коротконогой, что искала повариху Люсю.

— У нас тут не курорт, у нас санбат! У нас каждое место на счету... — напористо заговорила старшая сестра, святоликая женщина с милосердными глазами, так опротивевшая определившая лейтенанту две недели на излечение, а он вот не оправдал ее надежд, лежит и лежит себе.

Распятый на казенной койке ранбольной Костяев Борис беспомощно и жалко улыбался. На его глазах однажды веселый сибирский пареван добывал гаечным ключом подраненную утку. Борису даже почудилось, что он слышит тупой, смягченный пером удар железа по хрусткому птичьему черепу. Вот ведь беда — утка еще эта несчастная в памяти воскресла!..

Да-а, выходит, он занимает че-то место, понапрасну жрет че-то хлеб, дышит чьим-то воздухом, запросто живет и живет, тогда как настоящие, нужные люди сражаются, умирают за него и за Родину.

Сдерживая занявшуюся урму, Борис негромко сказал:

— Так выбросьте меня... на помойку.

Сестру, избалованную дествью, властью и мужицким вниманием, передернуло.

У врача смятенно забегали глаза. Немолодой, заезженный войной врач этот побавался старшей

сестры по известному всему санбату причинам. Не одного еще такого мямлю-мужика обрабатает такая вот святиокая боевая подруга. Удобно устраиваясь на жительство, разведет его с семьей, увезет с собою в южный городок, где сытно и тепло, будет жить, сладостно замирая сердцем, вспоминать будет войну, нацепив медали на вольно болящуюся грудь, плясать и плакать на праздничных площадях станет да помыкать простодийей-мужем будет еще лет десять-двадцать, пока тот не помрет от насады и домашнего угнетения.

— Я не хочу вашего двоедушного милосердия! — глядя прямо в надменный лик сестры, отчаянно произнес Борис и, вовсе уже задуманным яростью, добавил: — Уходите! Иначе я сорву с себя ваши бинты...

— Попробуй! — начала старшая сестра.

— Уходите!.. — Врач, умоляюще глядя на старшую сестру, теснил следовавшую за ним челядь к дверям.

— Успокойтесь, успокойтесь!..

— Привязать этого героя к койке! Сделайте укол! — громко, чтобы слышно было раненым в других палатках, объявила старшая сестра.

«Господи! Это — женщина?!» — чувствуя, как опадает гнев, опустошено спрашивала себя Борис. — Вот достукался!.. — проворчала кто-то из раненых. — Через тебя и нам жизни не даст эта ппэжь в белом халате.

С Бориса сдернули одеяло. Дежурная сестра наполненным шприцем целилась в него, сжимая в пальцах левой руки смоченную ватку. Лейтенант покорно подставил себя под укол.

— Не надо привязывать. Пожалуйста...

Укладкой прикрыл его одеялом, дежурная сестра громко сказала в приемной палате, что все она исполнила, как велено было. Так-то, мол, оно надежней. Распустились, понимаешь, эти раненые, спасу нет.

Уже отмигший от укола, слмапавшимся сознанием Борис отметил: «Да-а, и это тоже женщина!..»

Проснулся он вялый, совсем обессиленный. На улице крала дождь, цыпущкой обклевывая палатку. Дальний шум леса слышался, шуршание ползущего по оврагам снега, голос кукушки.

Поздней ночью в палатку завернул врач. Был он в шинели, в пилотке, осевшей до ушей. Голоница сапог на нем глянцевиито блестя, к мокрым предкам пристали прошлогодние ислегшие листья. Отчего-то все обостренно видел и слышала после нервной вспышки Борис.

— Не спите? — Убрав поу серой шинели, врач присел на кровать лейтенанта, протер очки и объявил сухо: — Я назначил вас на эвакуацию. У вас началось обострение. — После долгой паузы он pokrивил губы в беловатых шрамах: — Души и остеомелиты в полевых условиях не лечат. — И грустно добавил: — А милосердие, надо вам заметить, всегда двоедушно! На войне особенно...

Врачу хотелось поговорить, но Борис отчужденно молчал, дожидаясь, когда он уйдет. Дождь стучался, стучал по палатке монотонно, однозвучно, усыпляющее.

— Развезет дорогу совсем, — вслух подумал врач и встал, горбясь в низкой палатке. — Вот что я вам посоветую: не отдаляйтесь от людей, принимайте мир таким, каков он есть, иначе вас

раздавит одиночество. Оно пострешнее войны.

На улице врач постоял. Донесло щелчок фонарика, вздох, и мягкие расплзающиеся шаги поглотила ночь.

Совсем хорошо сделалось в палатке, покойно. Дождь и дыхание спящих раненых уплотнили этот покой. Борис смежил глаза, притих в себе.

Жажда жизни рождает неслаханную стойкость — человек может перебороть неволю, голод, увечье, смерть, поднять тяжесть выше сил своих. Но если ее нет, тогда все, тогда, значит, остается от человека мешок с костями. Потому-то и на передовой бывало: даже очень сильные люди вроде бы ни с того ни с сего начинали зарываться в молчание, точно ящерицы в песок, делаться одинокими среди людей. И однажды с обезоруживающей уверенностью объявляли: «А меня скоро убьют». Иные даже и срок определяли — «сегодня или завтра».

И никогда, почти никогда не ошибались.

В вагоне санпоезда Борису досталась средняя боковая полка, против купе сестры и няни, занавешенного латаной простыней. Сестра и няня, две заезженные поездом деушки, ставили градусники утром и вечером, развалили в своем купе полхебок, накладывали кашу, разносили посуду с горьмышками, утешали раненых как могли. Общительная, необычная, терпеливая ко всему няня по имени Арина пыталась разговаривать и Бориса, но он отвечал односложно, выжимая при этом извинительную улыбку. Арина отступилась от него, переметнувшись на более разговорчивых ранбольных.

Когда дрема покидала Бориса, он поворачивал голову к окну и видел, как падут землю на быхах, на коровах женщины, как они сеют по-старинному, из лукошка, певучим взмахом руки разбрасывая зерно. Трубы печей и скелеты домов виделись среди полей, перелесков.

Потом пошли среднерусские деревни с серыми крышами, серой низкой городьбой из тонкого чачстокола или из неровного и невеселого серого камня. Лоскуты озимй подступали к стенам скобощенных изб. Здесь уже, реденько правда, бегаи тракторы с сеялками, лошади, опустив головы до борозды, тянули плуги и бороны.

Вечный труд шел на вечной и терпеливой земле. Борису вспомнились где-то и когда-то усаманное: «Только одна истина свята на земле — истина матери, рождающей жизнь, и хлебопашца, вскармливающего ее...»

Внизу под Борисом лежал худющий пожилой дядька, перепоясанный бинтами, словно революционный моряк пулеметными лентами. Он закопал лейтенанта табаком, кашая беспрестанно, с треском сморкался в подол казенной рубахи. Измаявшись лежать на брюхе, попросил дядька перевернуть его на бок. Арина перекатила мослы раненого по полке. Он отстонался, отрутался, глянул в окно и ахнул:

— Весна-а!.. Батюшки, тра-авка! А земля-то, земля! В чаду все! Прет. Гриб в назьме завелся. Хорошо!.. Ой, пигалица, пигалица! Летает, вертухается! Батюшки! И грач, и грач! По борозде скандьбабет, червй ишет, да сурызный такой... Нашел! Наше-ел! Рубай его, рубай! Х-хосподи...

Дядька затрясся, заплакал и сделался с этого дня маляхольньким. Суп ел торопливо, проливая на подушку и простыню, остатки выпивал через

край. Кашу, хлеб заглагивал жавиво и снова придибал к окну, хохотал, высказывался:

— И тут на коровах пашут. Захулаала Расея, захулаала. Вшивец-Гитлер до чего нас довел, мать его и разматы!..

— Оте-ец! Оте-е-ец! — остепеняли дядьку соседи. — Сестра и няня здесь, женщины все-таки.

— А я че? Рази изругался? Вот мать твою ети... Потешались над мужиком раннее. Он не обижался, балаболит, вертедся на койке, кадила мажоркой и заметно шел на поправку.

— Скоро я, скоро, бабоньки! — кричал дядька в окно вагона, будто бабы, согнувшиеся над плугом, могли его слышать: — Вот оклемаю в лазарете — и на пашню, на па-а-ашню! — Слово «пашня» он прямо-таки выставлял. Дядька и Борису давал добрый совет: — Ты, парень, не скисай! Имайся за травку-то, имайся за вешнюю. Она вытешит. В ей, знаешь, какая сила. Камень колет! А это хто же, а? Хто же это?! Кляво-то ко-чергою?

— Кроншпеп это.

— Зачем птицу немецким словом обозвали, туды вашу мать? Кулик это! Кулик, и все!

— Ну кулик, кулик. Не лайко, ради бога!

— А я рази? Все! Все! Теленок-то, теленок-то. Взбрыкивает. Женить бы тебя, океянного!..

Так вот и ехали под стук колес, под говор дядьки. Затемненные станции остались под Москвою. Реденько прокалывали ночь огоньки российских деревень, набегали россыпью станционные фонари, вспышки их за окном были похожи на разрывы зенитных снарядов. Стук колес напоминал перестрелку, буханье вагонов по стыкам — разрывы бомб.

К звуку колес, к стуку, к гулу, к бряку лейтенант скоро привык, поезд для него тоже онемел. Он смотрел на мир как бы уже со стороны. «Зачем все это? Для чего? Ну что он, вот этот мужичонка, радующийся воскресению своему? Какое уж такое счастье ждет его? Будет вечно копаться в земле, а жить впроголодь и однажды сунется носом в эту же землю. Но, может, в самом воскресении есть уже счастье? Может, дорога к нему, надежда на лучшее — и есть то, что дает силу таким вот мужикам, миллионам таких мужиков».

Следзливость напала на лейтенанта. Он жалея раненных соседей, бабочку, расклеенную ветром по стеклу, срубленное дерево, худых коров на полях, испитых детишек на станциях.

Плакал сухими слезами о старике и старухе, которых закопали в огороде. Лиц пастуха и пастушки он уже не помнил, и выходило: похожи они на мать, на отца, на всех людей, которых он знал когда-то.

Раз Борис оживился, услышав, как под окном вагона осмотричек кроет всех на свете, не выбирая выражений. Стучит молотком по крышке буквы и кроет, по-чадонски растягивая букву «е». Нахлынуло: пристаны, пропахшая соляным омулем, старая дамба, березы над нею, церкви с кустами на куполах, крестики стрижей в небе.

— Земля-ак! Земляко-о-ок! — силно позвал Борис.

Арина, спавшая в купе, подняла голову от стола, вытерла губы косынкой, подошла к Борису, приложила ладонь на его лоб.

Губы лейтенанта светились, будто наляпанные

алой краской на желтом картоне; глаза начищен-но блестяи, горя последним накалом; губы полая-сымаи — никак он не мог согреться, хотя темпе-ратура держалась у него высокая.

— Чем же тебе помочь, не знаю, — прошепта-ла Арина и, что-то надумав, засуетилась, сбегала в толку вагона, налила в грелку воды, услужливо присунула ее к ногам.

— Спи, миленький. Злосчастным ты, видать, уродился. Все люди как люди, а тебя что-то гнет-тает. — Арина похлопала по одеялу, байкала его, как малое дитя, но убаюкалась сама. Губы ее приот-крылись, веки беспокойно подрагивали и во сне. Доверчивостью веяло от этой девушки с приплюснутым носом, с соломенно-прямыми волосами, выбившимися из-под косынки на лоб.

Ничем не походя на Люсю эта простенькая из простеньких станичная девушка, но все-таки она приблизилась к нему образ той женщины, которую память не удержала, сохранив лишь глубокие, нев-заправдашно красивые глаза и ночной пожар за ок-ном, да еще и дыхание теплое-теплое, и слова, смысл которых постиг он позднее: «Вот и помогла я фронту».

До конца не понимая, до конца не увиденная женщина большой тоской остановилась в нем, и тоска эта красной корью испекла его душу. «Я то-же маленько помог фронту».

Выпостав руку из-под одеяла, Борис с любо-пытством притронулся к Арине.

— Вот уходилась — стоя сплю! — испуганно отпрянула Арина.

— Ты минуто-две и спала всего.

— А-а. Как птичка божья — ткнулась и готово. Ты, оказывается, разговаривать умеешь! Какая печаль-то у тебя?

— Не знаю. Ничего не знаю. Просто тут, — показал на грудь Борис, — выболело... — Мелкий кашель встряхнул его, защекотало нутро.

Арина попила лейтенанта из кружки. Кашель унялся, но дыхание его вралось.

— Ладно, молчи уж, молчи, — сказала няня, ук-рывая лейтенанта. — Кашель-то какой нехороший.

На большой дымной станции, где сдавали ра-ботники санпоезда белье, запасались продуктами, топливом и разным другим снаряжением, Борис вышел из забытья еще раз, услышав музыку, до-носившуюся с крыши насупленного, темного от ко-поты вокзала. Он напрягся. Чумаазый вокзал с об-дуленными стенами, черные грязные пути, грачи на черных тополях, и вагоны, и дома незнакомого города, раскиданные по пригоркам, и люди с го-лодной тупостью в глазах — все начало окраши-ваться в сиреневый цвет. Погружался в него, моло-дед, обновлялся, делался приглядней мир, а из- станционного дыма вдруг звилась женщина с фа-нерным чемоданом, та единственная женщина, которую он уже с трудом, по глазам только и узна-вал, хотя прежде думал, что в любой толпе, среди всех женщин мира смог бы узнать ее сразу.

Женщина смотрела в окно санпоезда, встрети-лась взглядом с его глазами. Дрогнуло лицо ее — она шагнула к поезду, но тут же отступила на-зад и уже без интереса пробежала взглядом на другим окнам, другим поездам.

Сила, ему уже не принадлежавшая, подобрис-ла Бориса. Арина о чем-то спрашивала лейте-нанта, тряся его, а он тянулся к окну вагона, мы-чал и от усилия закашлялся. Музыка он уже не

слышал — перед ним лишь клубился сиреневый дым, и в загустевшей глущи его пламя, качалась, погружалась в небитие женщина со скорбными бездонными глазами богоматери.

Очнулся он от прохлады.

Шла весенняя гроза. Толчками, свободно дышала грудь, будто из нее выдувало зоду, делалось сквозно и совсем свободно внутри.

Весенняя гроза гналась за поездом, жала молний втыкались в крыши вагонов, пузыристый дождь омывал стекла. Впереди по-ребячи бесшабашно кричал паровоз, в пристанционных скверах, мелькавших мимо, беззвучно кричали грачи, скворцы шевелили клювами.

Сердце лейтенанта, встрепенувшееся от грозы, успокаивалось вместе с нею и вместе с уходящими вдали громами билось тише и реже, тише и реже. Поезд оторвался от рельсов и пылал к горизонту, в нарождающийся за краем земли тихий, мягкий мрак.

Не желая останавливаться, сердце еще ударило сильно раз-другой в исчащую, жестяную грудь и выкатилось из нее, булькнуло в бездонном омуте за окном вагона.

Тело Бориса Костяева выпрямилось, замерло.

Под опустившимися веками еще какое-то время теплилась багровая, широкая заря, возникшая из-под грозовых туч. Свет зари постепенно сузился в щелочку, потом сыпсодтиха и заря остыла в остеклевших зеницах.

Утром Арина подошла умывать Бориса, он лежал, сморщив рот в потаенной улыбке. Арина попятилась, закричала, уронила кувшин с водой, бросилась бежать по вагону и торкнулась в тамбурное стекло, забыв повернуть ручку двери.

Покойного перенесли в хозвагон, поместили в холодильное помещение. Прикрытый палаткой, среди полениц дров, среди ящиков, старых носилок и прочего скарба ехал он целую ночь по степи. Потом еще ночь, еще ночь — мертвого не могли сдать, с мертвым возни даже больше, чем с живым ранобольным. В бесцельном южном Приуралье, на глухом полустанке мертвого выгрузили, оставили при нем Арину, чтобы она похоронила покойного лейтенанта по всем человеческим правилам и дожидалась санпоезда обратным рейсом.

Покойник оказался и в самом деле несуразным: выгрузился в таком месте, где нет кладбища. Если кто умирал на полустанке, его отвозили в большое степное село. Начальник полустанка сказал, что земля в России повсюду своя, сделал домином из досок, снятых с крыши старого паркауза, заострился пирамидку из сигнального столбика, отслужившего свой век. Двое мужчин — начальник полустанка и сторож-стрелочник — да Арина отвезли лейтенанта на багажной тележке в степь и предали земле.

Закончив погребение, мужчины стянули фуражки, скорбно помолчали над могилкой фронтовика, Арина, пронзенная печальной минутой, внося за бедный похоронный обряд, горестно покачала головой:

— Такое легкое ранение, а он умер...

Люди собрали лопаты и ушли, толкая впереди себя тележку. Арина все оглядывалась, ровно бы на что еще надеясь, утирала глаза рукой, измазанной землей.

Но ничего этого так же не было и быть не могло.

Санпоезд, вырвавшийся в степные просторы, мчался на Восток почти без остановок, сгружая на больших станциях больных с обострившимися ранениями. Ростов-на-Дону, Краснодар, станция Тимашовская, Балаших — всюду госпитали переполнены — война шла уже долго. В стационарных госпиталях скопились «отстойники» — больные с трудноизлечимыми ранениями, и хотя их комиссовали недолеченными домой, для дальнейшего лечения по месту жительства, пачками отсылали в нестроевые части с «остаточными явлениями», случалось — и на фронт, в действующую армию сплавляли с сочащимися ранами, со свищами, припадками — все равно госпитали оставались переполненными.

В Саратове взяли самых тяжелых больных, подзарядили санпоезд топливом, продуктами, медикаментами — и погнали по новому адресу, в город Джамбул, намекнув, что и в Джамбуле могут раненых не принять.

Главсанупр не один этот поезд гонял по городам и весям огромной страны, надеясь на сознательность и патриотизм советских людей. Все равно где-нибудь да сжалется, разберсют больных там-сям, разместят сверх всякой нормы, растычут по коридорам, подсобным и служебным помещениям, разделят лекарства, которых и без того катастрофически не хватает, сварят суп и кашу поживе, будут сутками стоять хирурги возле операционных столов, спасая загнанных в долгим пути раненых людей, блудя медсестры и няни падать от сверхусталости.

Потом детелни санупра отчитаются перед главным командованием, хорошо и умело отчитаются, их похвалят и наградят...

...Была в очередной раз проявлена находчивость.

Где-то, кто-то в безлесной степи вытисил из буквы мазутные тряпки, бунка вспыхнула, ось колеса начала заклинивать, санпоезд ткнулся на каком-то безвестном полустанке, где и запровадена была бунка, и поезд поначался дальше, пугая гудком немую степь, мелкая белыми занавесками и крестами, соря искрами из патрубков вагонов, клубя и растилая по равнине тревожный черный дым паровоза.

А в мрачном товарном вагоне, отцепленном и брошенном на полустанке еще в начале войны эвакуированным с запада на восток предприятием, остался лейтенант Борис Костяев. Его подкинули, нечаянно забыли. Поскольку все деревянное с вагона давно было выдрано и унесено, хозяйственники санпоезда расцедрались и оставили покойного на списанных носиаках, поставив их на железную раму вагона.

Мертвый уже пахнул, в степи протяжно завывали волки и ночью пришли на полустанок, окружили старый вагон в тупике.

Начальник полустанка догадался, в чем дело — не первый раз такое случалось, подкидывали в брошенный вагон, да и на ходу выбрасывали из поездов заключенных, эвакуированных, воров, картежников, детей, женщин, больных стариков — все в той же надежде, что советские люди проявят сознательность, подберут трупы. Умные звери — вечно голодные волки тоже знали об этом, всегда чуяли поживу и, случалось, опережали людей.

Матерясь, кляня воину, покойника и злодеев, его подкинувших, начальник полустанка со сторожем завалили начавший разлагаться труп на багажную тележку, увезли за полустанок и сбросили в неглубоко вырытую ямку.

Поскольку с покойного взять было нечего и помянуть его нечем, пьяница-сторож тоже проявил находчивость и снял с покойника белье. Променив белье на литр самогонки, сторож тут же и опорожнял посудину. Захмелев, он, как и полагается русскому человеку, разжалобился, вытесал из ручки санитарных носилок кол в виде пирамидки, сходил к безвестной могиле безвестного человека и спяну, спутав ноги с головой, вбил топором свое изделие острием вверх в головах покойного.

Постоял сторож над могилкой, попробовал перекреститься, да забыл, с какого плеча надо начинать креститься, высморкался, вздохнул и поковылял в стрелочную будку, маячившую на исходе полустанка, где он жил и изредка исполнял обязанности стрелочника, да неизвестно кого и чего сторожил.

Могильный хохлик скоро окропило травой. В одно дождливое утро размокшие комки просек тюльпан, подождал каплею на клюве, открыл розовый рот. Корни жилистых ственных трав и цветов ползли в глубь земли, нащупывали мертвое тело в неглубокой могиле, уверенно оплетали его, росли из него и цвели над ним.

...И, послушав землю, всю засыпанную пухом ковыля, семенами ственных трав и никотинной пыли, она виновато сказала:

— А я вот живу. Ем хлеб, веселясь по праздникам.

Низко склонившуюся над землею, седую женщину с уже отцветшими древними глазами засыпало порошей семян. Солнце катилось за горбину степи, все так же камила небо заря, и, слушая степь, она почему-то решила, что он умер вечером. Вечером так хорошо умирать.

Закат неторопливо погас. Сок его по жилам трав скатился в землю. Сухо и чисто зашелестела степь. Скакало что-то на мохнатых лапах, то западая, то выпрыгивая на чуть уже заметный свет. Это вырвало и гнало ветром куст до тех пор, пока он не упал в дотлевающий костерок зари.

— Господи! — вздохнула женщина и дотронулась губами до того, что было могилкой, но уже спросилось с большим телом земаи.

Костялый татарник робкой мышью скребся о кол-пирамидку. Покой окутывал степь.

— Спи! Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро. Совсем скоро мы будем вместе... Там уж никто не в силах разлучить нас.

Она шла и видела не ночную, багастоно шелестящую степь, а море, в беспокойности которого качалась одиноким бакеном острая пирамидка, и зыбко было все в этом мире.

А он, или то, что было им когда-то, остался в безмолвной земле, опутанный корнями трав и цветов, утихших до весны.

Остался один — посреди России.

1967—1971—1989 гг.

Прочту соавтора повесть
и предисловие к ней перечис-
лить Абазинскому детскому
дому по адресу-662750-
г. Абаза, Красноярского края,
детский дом.

В. Астафьев

15 декабря 1982 года

От редакции. В. П. Астафьев попросил гонорар за повесть и предисловие к ней перечислить Абазинскому детскому дому по адресу: 662750, г. Абаза Красноярского края, детский дом.

Александр Кондратьев

Иеллоустон

В Иеллоустонском парке осень. Под дождем пересекает поляну гениальный олень...

Америка, страна вечной осени, где октябрь не великий, а просто месяц желтых листьев.

Страна осени, страна дождя и джаза. Америка. Страна, которую мы не знаем и которая не знает нас.

Мы — это железный занавес, из-под которого доносится все нарастающий шум.

«В следующем году мы, нефтяники Орловщины, хотим добыть три миллиона тонн нефти. Жалко, что у нас нет нефти!»

«Мы, украинский народ, постоянно чувствуем дружбу других народов. Особенно остро дружба проявилась в строительстве Чернобыльской АЭС и в ликвидации ее последствий».

«Мы, работники министерства, готовы к диалогу, готовы искать решение сообща. Только не знаем, куда сообщца».

...Мы думали, это коммунизм, а оказалось — один призрак. Было душно. Потом — как будто у всей страны открыли форточку.

Вот уже в газетах пишут так интересно, что перестаете их выбрасывать — пригодятся для следующей перестройки.

Мы узнаем о себе такое...

Оказывается, наше правительство делает крупные шаги. Но все время в разные стороны.

И нам нужно срочно улучшить здравоохранение. Потому что средняя продолжительность жизни в нашей стране 73 года. А Советской власти уже 72.

И у нас уже появилась мафия. Наша мафия шьет кофточки и печет пирожки. У них вот такую мафию на руках носили.

...А у них бастуют эскимосы Аляски. Пустячок, а приятно!

И олень на поляне...

Мы говорим: не бойтесь нас, ребята! Люди у нас добрые.

Морду набьют, но булкой поделаются.

Мы не собираем вас завоевывать. Нам уже 72 — вы думаете, в таком возрасте можно воевать?

И смеяться над нами не надо. Нам же еще только пять лет. Мы вводим хозрасчет, кооперативы, свободу внешней торговли, и скоро до 1913 года нам будет не хватать только царя.

Мы закупает никелевые конвертеры, наращиваем производство суперфосфатов на 20 процентов...

А впрочем, о чем это я... Олень, хочешь сухарик?

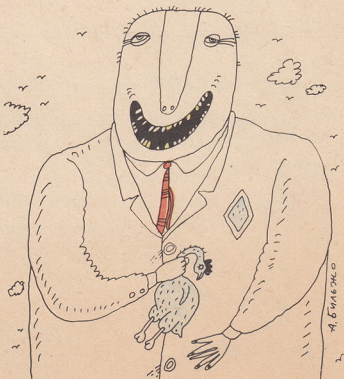
Отворачивается...

Я мечтаю покормить оленя в Иеллоустоне, но я не умею угонять самолеты. Я бы просто покормил его и не передавал никаких секретов, зачем они ему нужны. Да и что я могу ему передать из страны, где Генштаб узнает количество своих ракет из американских газет!

Где народному хозяйству не хватает только двух вещей — народа и хозяйства. И только непонятно: почему, чтобы прийти к коммунизму, нужно догнать Америку?

Где всех злит, что ничего нет, но все к этому при-

КАЖДОМУ СОВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ
ААДИМ СИНЮЮ ПТИЦУ, ЧТОБЫ ОН
БЫЛ СЧАСТЛИВ !!!

выкли. И вот это злит их больше всего.

И никто ничего не делает.

Прав был классик. Суворость законов российских компенсируется лишь необязательностью их исполнения. Грустно, что демократизм законов российских компенсируется тем же.

И через двести лет историки будут писать о нас работы: «Демократия как результат отсутствия колбасы».

Мы великая страна. А от великого до смешного — один шаг...

Америка... Немного наивная, немного крикливая, а в сущности, неплохая страна, где бастуют эскимосы Аляски (надо же им хоть чем-то заниматься), но где пьяный министр не расстреливает из АКМа оленя в национальном парке.

Где на севере спят в тумане города, а на юге степи и пальмы. А в лесах Дикого Запада колышутся моря деревьев под ударами ветра и падают листья.

Беги, олень Йеллоустона, рассекая грудью дождевые капли. Беги по своей осенней стране, которую нам никогда не понять.

Сергей Литвинов

На Арбате

Что ни говори, а славы хочется. Да как достичь?

И тут осенило. Я же в школе стихи хорошо писал. Эпиграммы на одноклассников.

Пошел я на Арбат. Постоял, да как заору:

Статья шестая — паутина!

Хотим многопартийность!

Подходит милиционер. Козырию: «Нарушаете, гражданин! Пройдете!» А я — ему:

Да — статье шестой!

Партия — наш рулевой!

Милиционер: «А, тогда другое дело», — и ушел. Зато трое подошли, судя по бледным одухотворенным лицам, — неформалы. Ты чего, говорят, придурок, расщепелась? А я — им:

Вот молодец, ты глян —

Против коррупции Гдяня!

Они — хлопать. Тут пятеро милиционеров подходят. С дубинками. А я — им:

Я даже на него не гляну —

На клеветавшего Гдяня! Неформалов уже человек пятнадцать, и трое на меня мольбертами замахваются. А я — им:

Перестройки добрый бог —

Мой любимый «Огонек»!

А тут конная милиция подъезжает! Уже и наручники приготовили! А я за стремя вцепился да как заору:

Кто не сионизма пленник —

Выписывайте «Наш современник»!

Отпустили, зато неформалы ручонки тянут. А я им бросаю пламенный стих:

Трепетней бьется сердце,

Оттого, что рядом —

Ельцин!

Тут из бронетранспортера доносится: «Гражданин, вы арестованы!» А я ему — прямо в смотровую щель:

Душе тепло и горячо —

Мне улыбнулся Лигачев!

Тут неформалы на пластиковые щиты и поперли...

...Говорят, я во всем виноват. А что, я один такой? Нас таких много. Есть даже члены Союза писателей.

ФРАЗЫ

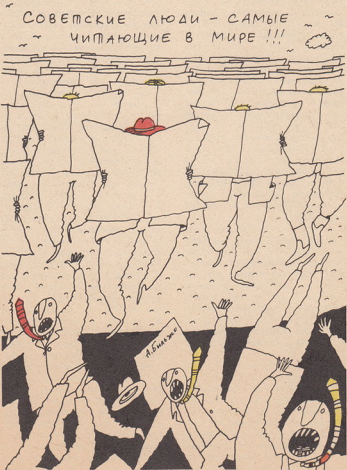
Один с сошкой, семеро с ложкой — это капитализм; один с ложкой, семеро с сошкой — это социализм.

В женщине важнее не голова, а головка.

Молодость мужчин кончается с появлением у него желания жениться.

Процесс выдавливания из себя раба пойдет значительно быстрее, если мы все превратимся в тьюбики.

А. Ботвинников

ГРАФИКА АНДРЕЯ БИЛЮЖО

Пикассо: поэт и художник

Пабло Пикассо — живописец, график, скульптор и, оказывается, еще писатель, поэт. Недавно во Франции вышла книга, содержащая 240 текстов, написанных им в период с 1935-го по 1959 год. Публикуются эти тексты и на его родине, в Испании. Надо заметить, что они не печатались при жизни художника. Свидетельствуют, что пером он писал в периоды депрессий, когда не мог писать кистью.

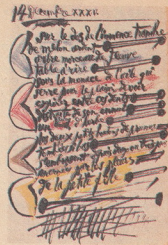
Что же за писатель Пабло Пикассо? И что это за литература? И литература ли это? Пикассо — художник, им он оставался во всем. Его тексты лишь подтверждают это. Они — живопись, живопись словом. И если Пикассо-художник лишь временами испытывал влияние сюрреализма, то Пикассо-поэт, безусловно, был убежденным сюрреалистом. Это был знак времени. «В эпоху кубизма живопись стала буквально пластической поэзией», — напишет один из друзей Пабло. Да и сам Пикассо называл живопись поэзией, а однажды признался Клоду Руа: «Если бы я был китайцем, то стал бы не художником, а писателем: я бы записывал свои картины». Вспомним, что китайцы действительно любят живопись иероглифов.

Кисти подвластен цвет, форма, тон. Магии слова подвластно все. И вот уже в палитре художника появляются запах и звук. Ему дан особый дар видеть в необычном обычное, изменять форму, комбинировать цвета, разрывать привычные связи — и свободный поток его ассоциаций замирает в строках, как замирал на полотнах.

Сейчас вы прочтете отрывки его «Корриды» и стихи. Пожалуй, мы вправе причислить эти «опусы», как называл их сам Пикассо, к тем ребусам, загадкам и арабескам, которыми он так любил забавляться, доставляя удовольствие публике и понимая, что «люди уже не ищут в искусстве утешения или

чего-то высокого, а требуют нового, оригинального, экстравагантного и скандального».

Попытайтесь и вы развлечься, прокатившись с ним на карусели сознания, вращающейся быстрее земного шара, и наблюдая метаморфозы вещей вполне привычных и реальных, но в скоростном кружении изменяющих свой облик, назначение, сбрасывающих одешние обыденности. И, оказавшись в иной системе координат, вы услышите то, что можно лишь видеть, и увидите то, что можно лишь осязать. Там запах может играть в карты и рисковать жизнью, как тореро. Ключ, поворачиваясь в замке, может распахнуть крылья. А удар барабана — погасит звук трубы, как дуновение ветра — сичу. Или вдруг увидите в кружении плетения слов теннисный мячик планеты, скачущий в вечной темноте космоса, толпу людей на праздничной площади, азарт зрителей, схватку тореро с быком, кровь, пролившуюся на песок арены, желтый, как солнце, неизбежность Смерти как полета над полем Земли. Кувыркаясь в нагромождении шокирующих образов, вы сможете найти рисунок разорванных туч, грозное небо, посылающее на землю молнии, дождь и град, услышать стук двери под порывами ветра, почувствовать запахи кухни и ночных цветов, познать сказку вечных истин и повесть повседневной жизни... Вы так же, и с не меньшим основанием, можете ничего этого не увидеть, не услышать, не почувство-

вать и не познать, а лишь получить удовольствие, которое подарит вам воображение художника, и, отдавшись фантазмагориям формы, освобожденной от содержания, не искать смысла ни в чем.

Коррида

роскошные ковры серебра прибиты молотком к горящему костру лож — удар барабана гасит взрыв — обнаженный трубоу высовывает морду из раны смеющихся крыльев неба и стряхивает блох на лицо арбузу машет веером в дверь стуча костяшками пальцев тысячи яиц осыпают спины перцев и томатов в паузах их грудей свечи зажигают окна и двери собирают в садах броши цветов рождая и умерщвляя сказки и легенды ткут металлическую паутину набрасывая ее черепицей на крыши по пальцам пахнущим картошкой и чесноком с любовью стекают капли крови что исходит ожерелье жасмина и прижигают язву поющую на бледном знамени соты чудного меда мухи одетые совами в кастрюле похотливые кальмары в собственном соку приодеты по моде для ночи со свежими лицами уродливых масок светлые плакальщицы в тонкой вуали подкают бульон и ичный суп как кастаньеты а на плечах несут нити цветов радуги площадь купается в криках ее пожирающих вышивает ежа по краям торта и мансовой лепешки кипит под голубой накидкой жаждущими губами рюмки

вина набухает и допается как поцелуй во рту кровь тореро и рисовое сердце сочного дня слюнявыми зубами вгрызается в шею розового цвета радости между рядов гуляет запах играет жизнью в туге¹ в брику² в мус³ в потоке крови которым прорастает грудь солнца раскрытая настает перед страхом полета сквозь поле волос и сверчков причесанных завитых смоковниц бритых лиц с припудренными следами щетки озорных ангелов плещущихся в похлебке и ключ обжигает руку распахивая крылья и глотая приманку

Муравьиные минуты

во сне как в крестьянском супе во влажности листьев салата безразлично текут минуты изъеденные муравьями они вкрадчивы и так лстыны и имеют привкус моллюска по длине его тела рисуют суту рисунков украшают горечью замораживая каждый цветок в букете пожирая сырым топча козлиным

прискоком увозят в машине кружа в сети афиш в которой запутались стрижи рука бильярдным кием посылает лимон того желтого цвета в гнездо голубей пятерня петушиных лап с пьяной вышивки раздрает чулок кипарису одноглазая округлость ловит песнь неоконченной притчи превращается в праздник хлеба на скатерти прикрывающей гробницу где лежит портрет радости вечный глобус сигарного дыма скачет мячом под черной портьерой и стекает расплавленный воск пачкая стекло сундука с чудодейственными мощностями в простынях цветков миндаля от ласк и поцелуев музыки собирают серпом пук волос рисуют синим обескровленный зеленый и умирает босым испаряясь под оранжево-красным

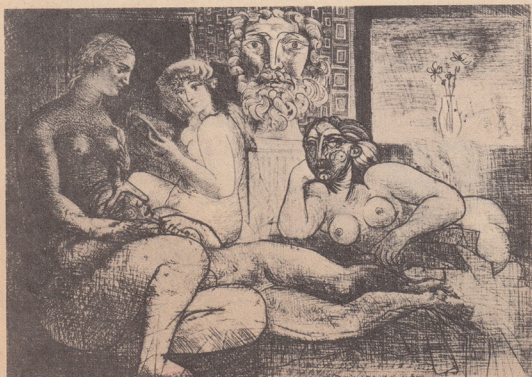
Мышиная нора

ножки плетеных стульев в столовой мышинной норы ножницами вырезают из ткани облака и отпускают их на прогулку с небосвода смотрят глаза цыпленка и взгляды закручиваются на мачте пьяной лодки ступает поверх ступеней

по серебряной лестнице как обезьяна принимает всезред аромат нарисованный пером и чернилами из банки с вермишелью необходимым делает кусочек неба который царапается шпателями в кандалах зеленого яблока туч завязывает узлом свою рубашку путается в плутоватых играх нитяного клубка поймавшего в сети суровость темного хлеба твердо стоит порядок воздушных архитектур под указом грядущих властителей которые явятся к сроку в цвете нежной сдобы и айвового желе Кармен и тореадор летят на крыле попутая облизывает губы лежащие вокруг глаза и в час состязанья бросает мавританскую мантилью из колодца ведро наполнено лиловым шелком легкой ночи спирально выходящей из другого мира на потолке комнаты выдувает струи света из шелкового колеса тонущего в глубине моря в постели разобранной среди скал в зыби простыней зажатых в котлях солнечной рететки свет наполняет до краев

¹, ², ³ — названия карточных игр.

Графика Пабло Пикассо. «Модель и скульптор». Из серии «В мастерской скульптора». Париж, 1934 г.

ть карнавальной маски за-
балзамированы лица двух зер-
кал смотрящихся друг в друга

Стрела которая смотрится в
каплю воды
Я больше не буду рисовать
Я больше не буду рисовать
стрелу
которая смотрится в каплю
воды
росянкой дрожащей в утре
когда в ветре свистит
записанный час
который со смехом уносят
качели

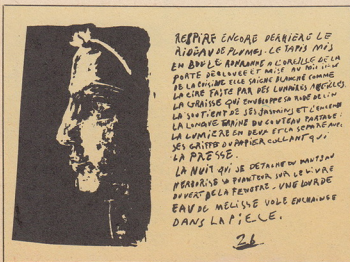
Мало стыда у стекла

мало стыда у стекла к чему
заставляют бежать живой
голос зайца если плащ не плы-
вет привязанный к сломанной
мачте лодки ни черта никто
больше не смог бы смеяться над
веревкой держащей фонарь
если б не был слепым случай
который умеет приказывать
и произвольной форма тени
которая заострилась на шелке
поцелуя и уже все так несмотря
ни на что закрыто
в четырех стенах виноградного
семени
компас прихотей выбирает
песню для отблеска огня на
кастрюле пусть стоит весь
день на коленях перед грязной
ветошкой тряпки которая
считается
любовью сидящей в углу кухни
и развлекается подстригая
ногти

Я даю отнимаю поворачиваю убиваю

я даю отнимаю поворачиваю
убиваю прощаю зажигаю и го-
рю — ласкаю касаюсь губами
целую смотрю — звоню во все
колокола пока они не истекут
кровью — вспугиваю голубей и
заставляю их летать вокруг
голубятни пока они не упадут
мертвыми от усталости — я
заткну все окна и двери землею
и твоими волосами задушю
всех певчих птиц — и сорву
все цветы — я буду качать
на руках ягненка и дам ему
сожрать мою грудь — я омою
его слезами моих радостей и
печалей — и убаюкаю его колы-
бельной моего одиночества —
я сделаю гравюру полей пше-
ницы и овса и увижу как они
умирают лицом к солнцу — я
заверну реки в газетную бумагу
и выброшу за окно в ручей что
однажды раскаявшись но оста-
вшись со всеми грезами убегаёт
довольный смеясь чтобы свить
гнездо в клоаке — я разбоью
музыку леса о скалы морских
волн — я укушу льва за щеку —
и заставлю рыдать волка от
нежности перед портретом воды
уронившей руку в корыто

Комментарий и перевод с
испанского
Екатерины Семеновой

RESPIRE ENCORE DEBRIQUE LE
RIGIDE ENCORE DEBRIQUE LE
EN BOULE APPLANE A L'OREILLE DE LA
PARTE DE L'ALIVE ET MISE AU TOI TOI
DE LA CHAISE ELLE SAIGNE BLANCHE COMME
LA CIRE FAITE PAR DES LUMIERES MORTUES.
LA GRAISSE QUI ENVELOPPE SA TÊTE DE L'IN
LA SOUTIENT DE SES JAMBES ET C'EST L'IN
LA LUMIERE TAINNE DU COUTEAU PARTAGE
LA LUMIERE EN DEUX ET LA SEMBLANT
SES GAÏTES DU PAPIER COLLANT QUI
LA PRESSE.
LA NUIT QUI SE DETACHE EN MONTAN
NEBULOSIS LA PLANTEUR SUR LE LIVRE
DOUVRE DE LA FEMOTTE - VNE L'URDE
EAU DE MELISE VOLÉ ENLAINNE
DANS LA PIECE.

36

ОРИЕНТИР

Тсуноу Ш. Стратегия —
технополисы. Пер. с англ.
М., Прогресс, 1989, 344 с.

Ни для кого уже не секрет,
что наше общество
непомерно отстало в такой
области, как управление
научно-техническим
прогрессом. Понятие
«технополис» для многих
из нас тайна за семью
печатями. А оказывается,
оно содержит надежду
на появление сплошного
потока научных открытий
и технических разработок,
непосредственно
поступающего в
производственный
процесс. Вот так — ни
много ни мало.
Представляете, какие
преобразования
технополис сулит?
Если нет, то вам
непременно стоит
обратиться к
рекомендуемой нами
книге. Тогда вы сможете
себе более реально
представить, почему
движущей силой прогресса
стало интенсивное
развитие технологий и
интеллектуального
продукта.

Острая нужда в истине

Искони известно, что истинные ценности, составляющие основу человеческой жизни, невидимы на уровне своей сущности и поэтому никогда не бывают модными. Их последовательный выразитель Сергей Михайлович Голицын, русский писатель, историк и краевед, ушел из жизни 7 ноября минувшего года в одночасье. Несмотря на свои восемьдесят лет, он был полон творческих планов, обладал исключительной памятью, в совершенстве знал глубинную историю России, которой знаменитый голицынский род служил верой и правдой на протяжении нескольких веков. Слепая молния революции ударила в родовое древо Голицыных, расколола его, разрознила оставшихся в живых по белому свету. Родители писателя решили разделить судьбу России. Остались в ней. Его мать, Анна Сергеевна Голицына, урожденная Лопухина (Ю. М. Лер-

монтов был влюблен в Вареньку Лопухину из этого рода), научилась в Богородске шить брезентовую обувь с подплетенной веревочной подошвой. Этим она, в сущности, кормила шестидетную семью, ибо заработок отца, Михаила Владимировича Голицына, поступившего на советскую службу в отдел народного образования, не хватало.

«Моего отца,— рассказывал мне Сергей Михайлович,— сажали дважды. Первый раз как заложника. Если бы ту местность, где мы жили тогда — город Богородск — занял Деникин, то он был бы расстрелян красными как заложник. Но Деникин только вошел в самый южный предел Тульской губернии — в Новосиль. И вот новосильские заложники все были расстреляны...» Видя мое изумление, он советовал: «Вот вам бы достать воспоминания Сергея Дмитриевича Урусова — это ведь был министр внутренних дел: сперва

губернатор в Кишиневе, а потом в Твери... Очень умный человек. Любопытно, что два его младших брата, которые занимали небольшие судейские должности, оба погибли в лагерях, а он благополучно умер в 1937-м, оставив после себя великолепные воспоминания...»

Я заметил: рассказывая о себе, о своих близких, Сергей Михайлович неизбежно говорил о России, о ее судьбе. Но о себе лично — более чем скромно. К счастью, творчество Сергея Михайловича подобно творчеству Олега Волкова глубоко автобиографично. Идеальный тому пример книга «Село Любец и его окрестности» (М., Советский писатель, 1989 г.). Эту книгу можно смело поставить в один ряд с «Домом» Ф. Абрамова, «Ладом» В. Белова... Главным произведением своей жизни писатель считал «Записки уцелевшего», выхода в свет которых так и не дождался. Ждет своего часа 500-страничная рукопись «Записок беспогонника». В предисловии к ним С. М. Голицын писал: «В своих воспоминаниях я старался писать все именно так, как оно было, не преувеличивая, не стыдясь, не хвастаясь, не скрывая, не допуская никакого «художественного вымысла». Свой труд я рассматриваю только как материал для будущего исследователя истины, а не как литературное произведение» (1946—1971 годы).

В наше время гласности мы продолжаем испытывать острую нужду в истине. В этом смысле творчество Голицына бесценно. В декабре минувшего года в ВАСХНИЛе общество «Энциклопедия российских деревень» провело вечер памяти писателя, на котором родилась идея проведения ежегодных голицынских чтений в селе Любец, где похоронен писатель, рядом с церковью, которую он спас, добившись ее реставрации.

Предлагаемый рассказ части еще не раскрытой биографии писателя.

Григорий Каложный

Сергей Голицын

ПОСЛЕДНИЙ

Рассказ

Подошла последняя неделя моего пребывания во Франции. Я начинал уставать от количества памятников старины, неожиданно низвергнувшихся на меня, и все же стремился повидать еще и еще. В будние дни я с утра до вечера ходил один с разинутым ртом по улицам Парижа и его музеем... А по субботам и воскресеньям мне удавалось побывать и в других городах Франции.

В тот маленький городок со старинным замком на вершине холма привез меня месье Рене — вертлявый, худенький человечек с большими, беспрерывно бегающими черными глазами. Представитель промышленной фирмы, ведущей крупные дела с нашей страной, он собирался в Москву.

Мы познакомились ко взаимной выгоде и удовольствию. Он возил меня по Франции, а я на ходу учил его русскому языку и в недалеком будущем собирался показывать ему московские достопримечательности.

Гид в замке-музее — отставной солдат в черной с золотыми пуговицами тужурке — водил нас обоих, единственных посетителей — по залам, показывая мебель, портреты, gobelены, посуду, и говорил загробным голосом.

Осмотрев музей, мы отправились гулять по гладким песчаным дорожкам парка, спускавшегося по склонам холма. Стоял декабрь, листья на подстриженных деревьях и кустах облетели. Мы прошли по одной дорожке, повернули на другую и почувствовали голод.

Оставив машину у ворот парка, месье Рене повел меня в ресторан, который находился тут же, за оградой.

Над окнами нижнего этажа старинного, с витыми решетками на балкончиках дома, я увидел яркую вывеску с надменным именем Наполеона и прочел: «Au gloire des victoires des 1805»*.

В просторном и полутемном зале ресторана вся мебель была белая, с золотистыми инкрустациями в стиле ампир — наверное, подделка, а не подлинная. На темно-вишневых с букетиками обоях висели старинные бронзовые канделябры, две сабли, кивер с конским хвостом, медные значки с орлами, несколько цветных литографий, изображавших Наполеона, его маршалов, его храбрых воинов; в золотой раме я увидел подлинный доку-

мент 1812 года — донесение капитана егерей своему полковнику о нападении русских brigands, то есть разбойников, очевидно, партизан, на его роту.

Ресторан был пуст, только в дальнем углу за бутылкой вина сидел какой-то мрачный, сухощавый старик, да сам хозяин — упитанный, пожилой, с лоснящей лысиной стоял за сверкающей зеркалами и разноцветными бутылками буфетной стойкой и оживленно разговаривал со столь же толстыми собеседниками. Все трое держали в руках рюмочки чуть побольше наперстка и время от времени покатывались от хохота.

Мы сели у окна. К нам подскочила молоденькая официантка и с улыбкой подала цветастое меню с портретом опять-таки Наполеона над перечнем списка блюд.

Месье Рене и обладательница улыбки весело и непринужденно заботились между собой. За месяц пребывания во Франции я начинал привыкать к отсутствию супов и к маленьким кусочкам хлеба, но никак не мог запомнить бесконечное разнообразие действительно очень вкусных, хотя и непонятно из чего приготовленных, мясных, рыбных и прочих блюд. О винах умолчу, при одном воспоминании о них у меня щемит под ложечкой.

Официантка подкатила к нам на тележке заказанные блюда и бутылку вина. Мы выпили по бокалу. Месье Рене старался говорить по-русски, я его поправлял. Мы смеялись, вспоминая гда в замке и его загробный голос...

Тут нашу беседу прервала тот мрачный седой старик. Высокий, подтянутый, в плотно застегнутом черном пальто, он незаметно подошел к нашему столику и заговорил неожиданно по-русски:

— Покорно прошу извинить меня, милостивые государи! Я услышала родную речь и осмеливаюсь обратиться к вам.

— Да, я из Москвы, а месье только собирается в Москву, — ответил я.

— Город, где я очень часто проводил время в течение первых и лучших двадцати лет своей жизни, — глухо произнес незнакомец и тяжело вздохнул.

Разумеется, я сразу догадался, что он был одним из тех, о каких очень мало у нас знают и называют белоэмигрантами.

Месье Рене живо и вприсилительно обернулся ко мне:

* Во славу побед 1805 года.

— Наверное, будет очень хорошо, если русский господин сядет с нами за один столик? — спросил он меня.

— Да, да, присаживайтесь, пожалуйста, к нам, — обратился я к незнакомцу.

Заводит отношения с подобными людьми нам вроде бы не полагалось. Однако я не увидел в этой встрече ничего предосудительного.

— Премного вам благодарен, — ответил старик, прижимая руку к сердцу, и при этом церемонно поклонился.

Чересчур для своего возраста поспешно он перенес к нам бутылку, бокал, тарелку с какой-то закуской, чересчур поспешно сел на свободный стул...

Я внимательно разглядывал одутловатое, болезненно-серое, с мешками под глазами, испещренное морщинами, несомненно породистое лицо, оглядел всю фигуру, сухоощную, с военной выправкой... Однако надо было начинать разговор. С чего начинать? Я медлил...

— Ротмистр лейб-гвардии его величества... — отпаровал старик и назвал полк, о славных победах которого я знал с самого детства; он назвал свою фамилию, которую я тоже знал с самого детства. Бояре и воеводы, чьи головы скачивались под топорами палачей Ивана Грозного, наконец, известный сподвижник Петра, два генерала, служившие под знаменами Суворова и Кутузова, также носили эту историческую фамилию.

Пришлось и мне отрекомендоваться, я назвал себя.

Ротмистр удивленно поднял мохнатые брови и быстро спросил:

— Вы случайно не из тех?

— Да, из тех самых.

— О! — воскликнул он и выпрямился так, словно проглотил палку.

Что ж, правду эту я никогда не скрывал. Был я советским писателем, а предки мои по законам боярского местничества сидели, как бы не на целую скамью почетнее, нежели предки ротмистра. И хоть не оказалось в моем роду сподвижника Петра, но бояр и воевод хватало, да еще насчитывалось несколько генералов. Все они верой и правдой служили своему отечеству, иные кончили жизнь на поле брани. Да, было еще два декабриста. Эти исторические сведения наш собеседник, несомненно, знал; впрочем, декабристы, с его точки зрения, очевидно, рассматривались как изъять. Я добавил, что я сам и трое моих двоюродных братьев были на войне, но счастливо отделались, были ранены, но все же уцелели, вернулись с наградами.

Не опуская косматых бровей, старик долго рассматривал меня, еще раз повторил:

— О! — потом добавил: — Интересно! — потом добавил: — Любопытно! — и наконец спросил: — Поручик лейб-гвардии... — он назвал один из наших самых когда-то бастардельных полков, — недавно скончавшийся в Сан-Франциско — вам родственник?

— Кажется, это троюродный брат моего отца.

— Не желаете ли, я могу узнать адреса его сыновей, проживающих в настоящее время в Соединенных Штатах Америки?

— Благодарю вас, пока не требуется.

— А кто ваша супруга?

— Я думаю, что это не так уж интересно. Ее отец был железнодорожным кондуктором.

— Гм-м, — только и произнес явно шокированный старик.

Установилось неловкое молчание. Выручила меня Рене:

— Наверное, будет очень хорошо, если я сейчас закажу бутылку бургундского и три порции... — Он назвал какое-то блюдо с замысловатым названием, потом щелкнул пальцами, как умеют щелкать только французы, когда подзывают хороших официантов.

— Простите, пожалуйста, у вас дети имеются? Внуки имеются? — спросил меня старик.

— Есть два сына, оба они крупные ученые, старший — физик, младший — геолог, есть у меня три внуки, все три студентки вузов, и два внука и три правнука.

— Вызы — это что такое?

— Это значит — высшие учебные заведения, — пояснил я.

— Внуки и правнуки, значит — продолжатели вашего рода, — заметил старик, поглядывая на высокую бутылку вина, которую официантка только что поставила на столик.

— За ваше здоровье! За ваше здоровье! — одновременно сказали мы, поднимая бокалы, но не чокаясь. У французов чокаются не полагается.

Торопясь, чтобы наш новый знакомый не продолжал меня выпытывать, я сам его спросил:

— Ну а вы — расскажите о себе.

— Пожалуйста. — Он сел прямо, чопорный, окаменевший, и начал не сразу. — Я ведь, по всей видимости, старше вас лет на пятнадцать. В 1913 году по окончании кадетского корпуса был произведен в офицеры, зачислен в тот полк, в котором в течение двухсот лет служили мои предки, германскую войну провел на Северо-Западном фронте, участвовал во многих сражениях, был трижды ранен, но возвращался в строй. К концу 1917 года дослужился до чина ротмистра, был награжден Георгием... — Он на секунду запнулся, перевернул плечами и снова продолжал рассказывать: — Впоследствии я находился в рядах армий генералов Деникина и барона Врангеля, потом... — Он снова на секунду запнулся. — Потом позорно бежал, женился, жена родила двух сыновей, теперь ее нет на свете, был... Был вагоновожатым в Бельгии, шофером такси в Париже... Ну а последние десять лет я, милостивые государи, несмотря на свой весьма преклонный возраст, служу ночным сторожем в ближайшей гостинице. Изредка позволяю себе роскошь — прийти сюда, посидеть, выпить бутылочку доброго вина, подумать, вспомнить былое...

Он положил локти на столик, опустил на них свою седую голову, но тут же опомнился и снова сел прямо, как положено сидеть тому, чьи предки в течение семи поколений были гвардейскими офицерами.

— Чем же занимаетесь ваши сыновья? — спросил я, пытаюсь оживить разговор.

— Старший — в Южной Африке, младший — в Уругвае, оба женаты, оба имеют детей, оба служат в американских компаниях, благодеют, преуспевают, у шэфов на прекарном счету. Ну а мне лишь дважды в год, на Рождество и на Пасху посылают весьма краткие поздравительные от-

крытки. Когда-то наше поколение нагрязнуло во Францию, в карманах у нас ничего, кроме гордости дворянской, не было. А следующее поколение начало подыматься по социальной лестнице. Многие по всему миру разъехались. Русская сметка, знаете ли, сказывается. Наши молодые перегибают господ французоз.

— Русская сметка — это что такое? — спросил настроившийся месье Рене.

— Это неистощимая энергия плюс догадливость, — ответил старик.

— У французоз тоже много энергии, французоз очень трудно перегнуть, — возразил месье Рене.

— Ну, если не французоз, так южноамериканцев перегибает наше следующее поколение. Русская сметка у наших потомков имеется, но самое страшное, что ничего русского, кроме этой самой сметки, у них не осталось. Родились на чужой стороне, французские, бельгийские, уругвайские и еще черт их знает какие подданные, а русский язык, язык своих предков, забывать стали.

— Неужели забывают? — спросил я.

— Завтракала я недавно у своего четвероюродного брата в Париже. Многочисленная, дружная, хорошая семья. За столом только и слышалось, очевидно ради меня, родительские замечания: — Дети, говорите по-русски! Говорите по-русски! — А те с величайшим трудом языками вчерашки, грамматику перевирали безбожно... Подали десерт. И тут родители между собой о чем-то заспорили, естественно, заволновались, и в тот же момент сами перескочили на более им близкий — французский. А ведь в Париже существует специальный магазин, где продаются книги, издающиеся у вас. Многие русские старшего поколения, и я в том числе, постоянно туда заходят, покупают. Мы ведь чрезвычайно интересуемся современной русской литературой, особенно о последней войне с Германией.

— Еще в Париже, — продолжал он, — дети, хотя и с трудом, но изъясняются по-русски, в церквях, например, слышат. А впрочем, два православных священника служат по-французски. Словом, в Париже еще теплится свечка, называемая русским языком, а вот мои собственные заокеанские внуки ни одного слова по-русски не знают. Это потомки знаменитого... — Он назвал имя и отчество своего предка — сподвижника Петра.

— Русский язык очень трудный, — вздохнула месье Рене. — Очень трудная грамматика, очень много правил, очень много исключений из правил. Но очень много французоз хотят учиться русскому языку. Он необходим всем служащим тех фирм, которые имеют деловые связи с вашей страной. За ваше здоровье! — сказал он, поднимая бокал.

— За ваше здоровье! — Мы закончили бутылку.

— Наверное, будет очень хорошо, если я опять закажу, — сказал месье Рене. — Хотите, бордо и одно маленькое блюдо?

Хмель от французских вин проходит быстро, и я с удовольствием согласился.

Снова щелканьем пальцев месье Рене подозвал улыбающуюся официантку. Вдруг он залился тем серебряным жизнерадостным смехом, каким умеют смеяться только очень жизнерадостные французоз, и погладил юбку официантки сзади.

Та кокетливо отпрыгнула и вскоре принесла нам бутылку и три тарелочки с какими-то устатыми морскими чудищами темно-зеленого цвета.

Месье Рене разлил густое, темное вино. Мы подняли бокалы.

— За ваше здоровье! За ваше здоровье! — Мы выпили, опять-таки не чокаясь.

Старик показал мне на ближайший портрет Наполеона, изображенного скрестив руки на груди до вь весь рост, и неожиданно спросил меня:

— Известно ли вам, сударь, что корсиканец был очень маленького роста, гораздо ниже своих маршалов и обех своих жен?

Месье Рене старательно передернулся. Он принадлежал к тем благонамеренным французам, которые не просто чтут, а боготворят Наполеона, но он считал ниже своего достоинства обижаться на ночного сторожа гостиницы.

— Хотя император роста был небольшого, но дела его были велики, вот почему мы прославляем победы императора и победы его солдат, — гордо сказал месье Рене. — Наверное, русские тоже прославляют победы своих солдат.

Тут старик неожиданно вскочил и обратился ко мне одному:

— Не желаете ли вы, сударь, ознакомиться с некоторыми предметами былой славы русских воинов? Буду весьма польщен, если вы примете мое приглашение и мы отправимся сейчас ко мне. Я живу весьма недалеко. Пойдемте, — повторил он, на этот раз обращаясь к месье Рене.

Конечно, мне тут же нестерпимо загорелось посмотреть, как живет бывший ротмистр лейб-гвардии его величества такого-то полка.

Мы пошли пешком по очень узкой улочке между старинными домами из желтого камня. Вдоль тротуаров дремали одна за другой легкие машины. Верхние два-три этажа домов и мансарды под красными крышами были жилые; нижние этажи занимали магазины с яркими, кричащими, зазывающими вывесками и витринами. И опять я увидел в нескольких местах портреты Наполеона.

Мы свернули в одну улочку, в другую.

— Сюют везде, где попало, своего Бонапарта, — кинул мне на ходу старик.

Месье Рене немного поотстал, загаядевшись на роскошную американскую машину.

— Здание гостиницы, между прочим, построено еще в четырнадцатом столетии. Было у него старинное и хорошее название «Серебряная форель», а нынешний владетель, к сожалению, переменял, из лести к маленькому корсиканцу.

Месье Рене, исполненный собственного достоинства, даже не замедлил шагов.

«L'aigle de l'empereur»*, — прочел я золотые буквы на вывеске. Посреди первой буквы был изображен орел, терзающий зайчонка, после последней — румяный, с воинственным глазом, Наполеон в профиль.

Старик пошел нас через двор, окруженный старинными постройками из того же дикого камня желтого цвета. Наверное, со времен Жанны д'Арк и позднее, при трех мушкетерах, при короле-Солнце, во времена Великой революции и вплоть до начала двадцатого века здесь у коновязей стояли

* «Орел императора».

расселенные и распряженные лошади и хрустели овсом и сеном. Теперь двор был заасфальтирован, у стен вместо карет и телег притулилась одинокая автомашина.

По узкой витой лестнице с непривычно высокими ступенями мы поднимались, поднимались... Впереди задыхался длинноногий сторож этой гостиницы, за ним пыхтел я, последним легко преодолевал ступени месье Рене.

Странная была эта комната или скорее каморка, — в виде буквы Г. Очевидно, стены огибали лестничную клетку. В дальнем конце стояла кровать с откинутым засаленным одеялом и ворохом грязного, мятого белья. Вся прочая обстановка — старинная мебель, большой портрет и гравюры по стенам, книги в двух шкафах, хрустальная и фарфоровая посуда в третьем шкафу — никак не напоминала имущество бедняги старика. Толстый слой пыли, покрывавший все предметы, да сор на давно не метенном полу доказывали, что хозяин этого жилища, кем бы он ни был раньше, мало заботился о порядке и чистоте.

— Я сейчас за водой отправлюсь. Испытываю большое неудобство, ибо водопроводный кран находится внизу, — говорил он, поспешно и виновато застывая свою постель. Он взял кувшин и скрылся.

— Я полагаю, ротмистр не на свое скромное жалованье покупал все это, — сказал месье Рене, когда мы с ним остались вдвоем. — Сейчас не сезон, но летом, когда американские туристы останавливаются в этой гостинице и возвращаются ночью немного пьяные, то все они обязательно кладут швейцару в руку по доллару или больше. Да, тут много ценного, — добавил месье Рене. — Богатый американец без колебаний отдал бы за эти *antiquite's** большое количество долларов. Вы знаете, они покупают в Европе даже старые утюги, даже старые, совсем обыкновенные керосиновые лампы.

Запахавшийся старик вернулся.

— Угощу вас прекрасным кофе. Мой однополчанин, подполковник, граф (он назвал в свое время весьма громкую фамилию), научил меня варить так называемым лисебонским способом. Мы вместе были шоферами такси и зимними вечерами отогревались этим кофе на стоянках. — Старик поколдовал с кофейником и поставил его на электроплитку. — Итак, приступаю к демонстрированию реликвий по порядку. — Он подвел нас к одному из книжных шкафов.

У нас в иные книги, наверно, вцепился бы любой букинист. Я увидел в кожаных переплетах фоланты восемнадцатого века, более поздние роскошные издания, в том числе и дореволюционное «Война и мир».

— Верхние два ряда занимают книги, посвященные истории моего полка. Я собрал абсолютно все, что напечатано о моем полку, основанном, как вам должно быть известно, императором Петром. — Он назвал год. — А здесь, — он широко расставил руки, — Бородино, собранное мною на восьми европейских языках, французы хвастаются, что они при Бородине победу одержали. Да какая же это победа! В недалеком будущем они начали позорно отступать.

Старик торжествующе оглядел месье Рене. Его оживившаяся высокая фигура на какой-то момент потеряла всякую чопорность, глаза озорно сверкнули. «Накось, выкуси!» — словно хотел он сказать.

Месье Рене весь окаменел, но и на этот раз с молчаливым достоинством проглотил обиду.

Старик подвел нас к большому, но без рамки, портрету, смахнул пылью тряпкой пыль. Мы увидели вежливо в куражвом, чуть ли не до пояса, парике, в блестящих латах, с голубой лентой через плечо и с огромным орденom на груди. Это был портрет того знаменитого предка, одного из пенцов «гнезда Петрова», кисти неизвестного, но несомненно, большого художника.

— При Полтаве он командовал тем же полком, в каком двести лет спустя служил я, — с гордостью сказал мне хозяин каморки.

Пока мы рассматривали портрет, он успел смахнуть пыль с двух гравюр XVIII века. Я узнал пышногрудых цариц Елизавету и Екатерину.

Мы двинулись рассматривать посуду в стеклянном шкафу. Однако сквозь разбитое стекло внутрь набралось так много пыли, что трудно было разглядеть узоры на фарфоровых чашках, на хрустальных бокалах едва проступали двуглавые орлы с длинными распростертыми крыльями.

— Хрусталь из офицерского собрания моего полка, — с гордостью сказал старик. Он хотел добавить что-то торжественное, но был прерван кофейником: убежавший кофе с шипением залил электроплитку, потек на пол.

Старик вторично позабыла свою чопорность, бросился наводить порядок, усадил нас за стол, дал нам в руки два альбома с фотографиями, а сам вынул из шкафа три фарфоровые чашки с блюдцами, три бокала с двуглавыми орлами, принял неумело все это мыть, протирать тряпкой.

Месье Рене и я переглянулись, но решили отбросить всякую брезгливость, каждый из нас углубился в доставшийся ему альбом.

Альбом, который я начал рассматривать, принадлежал к безмятежному времени детства их обладателя, фотографии поблекли, пожелтели, на иных было трудно что-либо разглядеть.

Старик поминутно отрывался от мытья посуды, от приготвления кофе, становился сзади меня.

— Дочь священника из нашего родового имения в 1924 году прислала моему покойному батюшке большой пакет с фотографиями. До конца жизни буду благодарить попону. Вот наш дом, а вот ваш покорный слуга, — показывал он.

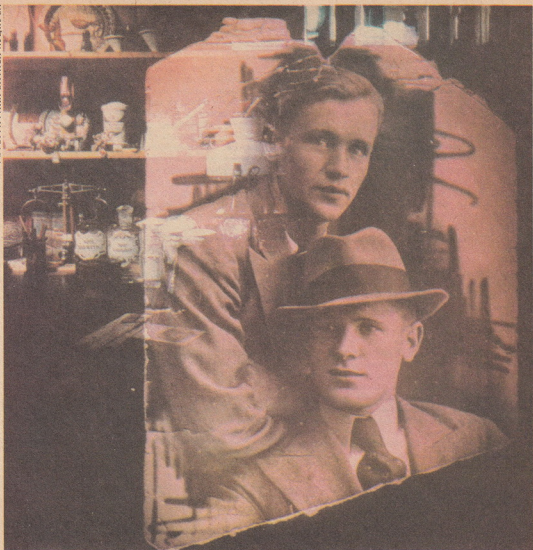
Тоненький мальчик в матросочке и с голыми коленками стоял с мячиком в руках рядом с большой собакой. Сзади, за кустами сирени, прятался одноэтажный небольшой, престелный белый дом с колоннами. На другой фотографии тот же тоненький мальчик выглядел постарше; затянutos в кадетскую форму, он чинно стоял рядом с дамой в длинном до пят пальте.

— Моя покойная маменька и опять-таки ч, — объяснял ротмистр.

На следующей фотографии был изображен тот же тоненький кадет верхом на станном коне.

— Верховая езда являлась моим увлечением с самого детства. Ежедневно по три часа я предавался этому благородному виду спорта, — говорил ротмистр. — А это наша церковь, в коей

* Старинные предметы.

похоронены мой дед и мой прадед со своими супругами. Прадед ее возвел в начале прошлого века, одновременно с домом.

На тусклой фотографии едва проступали контуры белой церкви, самой обычной, сельской, с колоннами, с высоким шпилем на колокольне.

Перелистывая страницы, на каждой фотографии я видел кусочек далекой-далекой жизни, давно ставшей историей. Уголки страниц были засалены, очевидно, альбом перелистывали несчетное число раз.

— Я его беру иногда с собой на ночное дежурство, рассматриваю в тишине, вспоминаю... Кажется, отдал бы все свои книги и все свои портреты... — Тут голос хозяйина каморки впервые дрогнул, слезы появились на его мешках под глазами... Но он тут же опоминился, смахнул их и сел, подтянутый, прямой. — Да, только бы изда-

ли поглядеть, что там теперь! Тянет человека туда, где он родился, где его пуповина закопана, места себе не находишь.

— А скажите, где было ваше имение? — спросил я.

Он назвал губернию, уезд и село.

Я подумал, что там, наверное, теперь центральная усадьба совхоза или колхоза. Интересно, уцелел ли дом. Ведь его можно считать за памятник старины.

Старик встал, вытащил из-под кровати початую бутылку.

— Господа, перед кофе не угодно ли коньяку? Старый Мартель. Я давно его берегу, все ждал особо торжественного случая. — Он разлил по бокалам, однако немного, только до орлиных лапок. — Прискорбно признаться, никаких подходящих закусок не припас.

— Не беспокойтесь! — воскликнул месье Ре-

не. — Глоточек кофе или кусочек сахара — очень хорошо под коньяк.

— И давайте, господа, по старому русскому обычаю чокнемся, — сказал старик.

— Очень хороший обычай! — подхватил месье Рене. — Я очень хочу выпить за Москву. Я очень скоро буду гулять по московским улицам.

— За Москву! — сказал старик.

— За Москву! — сказал я.

Наши бокалы тоненько зазвенели. Наверное, о самом различном думали мы в тот момент, закусывая кусочками сахара.

После чашечки ароматного кофе месье Рене и я поменялись альбомами. Второй альбом относился ко времени германской войны. Офицеры ехали верхом, стояли группами возле домов, возле палаток, сидели в землянке, обедали. Солдат на фотографиях попадалось что-то маловато, и то скорее как фон сзади господ офицеров. На одной я увидел долговязого генерала и перед ним тоненького стройного офицера, сзади выстроились солдаты.

— Сам главнокомандующий, его высочество великий князь Николай Николаевич награждает меня Георгиевским крестом, — пояснил старик загробным голосом гда в замке.

Под каждым снимком были аккуратно выведены фамилии и воинские звания офицеров. И тут я обратил внимание, что на иных фотографиях лицо одного офицера было перекрещено синими чернилами, а одна из фамилий в подписях тщательно вымарана. Я поинтересовался — почему?

— В 1926 году на общем собрании господ офицеров нашего полка он был исключен из его состава, — угромо сказал старик.

— Исключен? За что?

— Перешел на сторону красных.

Естественно, меня заинтересовала фамилия того офицера. Когда старик ее назвал, я даже вскричал.

— Да вы знаете о нем хоть что-нибудь?

И я рассказал, что бывший однополчанин ротмистра стал советским генералом. В самом начале вторжения гитлеровских полчищ его армия попала в окружение. Сталин прислал за ним самолет с приказом вылететь в Москву, а он написал в ответ: «Покинуть своих бойцов не могу, вместо себя отправляю знамя, полковые документы, двух раненых командиров». Его армия четыре месяца героически держалась, приковав к себе две отборные дивизии врагов. В конце четвертого месяца осталась в живых ничтожная горстка бойцов. И тогда, чтобы не попасть в плен, лежа на носилках с перебитым позвоночником, генерал приставил револьвер к виску и застрелился.

— И вы такого героя исключили из состава полка! — закончил я свой рассказ.

Старик был явно смущен, оправдывался незнанием, обещался заменить в альбоме фотографии, вновь восстановить доброе имя подлинного героя в списке офицеров полка.

— Вы обо всем этом сообщите своим однополчанам? — спросил я.

— Некому сообщать. Их нет. Я последний, оставшийся в живых офицер своего полка, — с глубокой горечью сказал ротмистр и низко опустил голову. После минутного молчания он живо,

по-военному, встал. — Господа, предлагаю выпить еще раз. — Он опять налил в бокалы до орлиных лапок. — Господа, предлагаю выпить в память... — Он назвал фамилию того однополчанина. — Не будем чокаться.

Мне давно хотелось задать старику один вопрос, но я все не решался, теперь спросил:

— Скажите, как вы, бывшие белые офицеры, относились к последней войне, когда Гитлер напал на нашу страну?

— Не люблю, когда меня называют белым офицером, да еще и с добавлением «бывший», — буркнул тот. Помолчав немного, он заговорил: — Ведь вы не забываете, мы пользовались информацией, идущей исключительно из Берлина. «Нет, не может произойти такое, чтобы русские солдаты, потомки военов Суворова и Кутузова...» Так рассуждал я, так рассуждали мне подобные. Вам, очевидно, известно, что многие русские участвовали во французском движении Сопротивления, иные головы свои сложили, погибли в лагерях... Когда начались ваши победы, почти все здешние русские, и молодые, и пожилые, радовались. А мы — офицеры войны 1914 года — мы, если хотите знать, ликовали. Сперва битва под Москвой, потом Сталинград... Мы научились ловить ваше радио. «Ты слышал? Ты слышал?» — радостно спрашивали мы друг друга при встречах. И наконец — взятие Берлина! — Старик посмотрел сквозь бутылку на свет, разлил коньяк по бокалам, на этот раз выше орлиных лапок, и сказал: — Господа, выпьем в память храбрых русских солдат!

Румянец хмеля зарделся на его дряблых, испещренных морщинами щеках, но военная выпрачка оставалась безупречной. Он продолжал сидеть, неподвижный, подтянутый.

— Жизнь моя, милостивые государи, можно сказать, кончилась еще в семнадцатом году, когда исполнилось мне всего двадцать три года, — начал он говорить. — А все последующие времена и для меня, и для мне подобных, оторвавшихся от земли родной, были только воспоминания, светлые и прекрасные воспоминания детства, отрочества, воспоминания о первой германской войне. А войну гражданскую, прозябание в Бельгии и Франции я рассматриваю как зияющую беспробудную пустоту. Иные наши утешение в религии, ходят в церковь, а для меня и этого нет, остается лишь пустота. Да, пустота! — Он замолчал, замолчали и мы.

Я давно заметил, что он охотно говорит о своей жизни до революции, о своем полку, но старается избегать разговоров о своем участии в гражданской войне и о последующей жизни, но спрашивать его обо всем этом не стал.

— Покажу вам реликвии моего полка, кои я являюсь последним хранителем, — наконец прервал он молчание, достал из-под кровати потертый кожаный чемодан и открыл его.

Я увидел несколько небольших бумажных свертков. Старик вынул один из них, развернул. В свертке оказались георгиевские кресты, медали, какие-то значки.

— В каждом пакете боевые награды одного из моих покойных однополчан. По решению общего собрания господ офицеров полка, происходившего в 1932 году в Париже, после смерти каждого из нас родные пересматривают его

боевые награды мне. А эта реликвия особенная.

Он взял со дна ящика шашку. На рукояти, под маленьким орлом, стояла дата — 1799 год.

Тут месье Рене не удержался:

— Наверное, русский солдат во время альпийского похода был взят в плен французскими войсками, — заметил он.

Старик вскопал, поднял руку и произнес трагическим голосом:

— Запомните, месье, раз и навсегда, солдаты Суворова в плен не сдавались! История шашки мне точно известна.

Он рассказал, как швейцарец-пастух когда-то набрал в горах на труп русского солдата, похоронил его, а шашку, лежавшую рядом, взял себе. Сто тридцать лет она висела на стене дома, в одной швейцарской деревушке, пока не попала к французскому антиквару, у которого старик и купил ее.

Закончив рассказ, он вынул из чемодана большой целлофановый пакет и развернул его. Нашим глазам предстал кивер — подлинный головной убор, какой до войны 1914 года носили воины лейб-гвардии его величества такого-то полка. Спереди к черной, лакированной, сплошь в трещинах, каске был прикреплен медный двуглавый орел; верх каски обгибала оторочка из подстриженной облезлой конской гривы, сзади свисали цветные ленты.

— На том же общем собрании господ офицеров было постановлено, что в случае смерти кого-либо из нас сей единственный сохранившийся кивер будет возлагаться у подножия гроба, а после похорон возвращаться вновь ко мне. Если офицер кончал жизнь в Париже, я кивер приносил в церковь, если в другой стране — мне тут же давали телеграмму и я посылал его par avion* в Англию, в Италию, четырежды переправляя через Атлантический океан, трижды в Африку. Покажу вам еще одну реликвию.

Старик вытащил из чемодана другой целлофановый пакет, в котором находился медный двуглавый орел, но поменьше, припаянный к медной же, полый внутри рукояти.

— Надевалась на древко знамени нашего полка, — сказал он.

— А где, где само знамя? — спросил я и почувствовал, как у меня задрожали колени.

Старик молча и медленно закрыл чемодан и обернулся к месье Рене.

— Если господин не хочет, я отойду и могу не смотреть, — обиженно сказал француз.

— Нет, ничего, смотрите.

Старик подошел к своей кровати и, не желая, чтобы мы глядели на снятые простыни, загордил ее своей худощавой фигурой. Он засунул руку под подушку в грязной до сального лоска наволочке и вынул плоский целлофановый пакет, положил пакет на стол, медленно развернул прозрачную обертку... Что-то было закутано голубой шелковой материей... Старик еще более медленно и бережно, как распеленывают новорожденного младенца, развернул шелк...

К своему удивлению, я увидел много квадратных платочков из серебряной с цветными вышивками парчи. Каждый платочек был размером с

ладонь. Я начал их перерывать, пытаясь приглядывать платочки один к другому...

— Дело происходило глухой осенью 1917 года, в белорусской деревеньке, затерянной среди болот Полесья, — медленно, торжественно и печально начал старик. — Командир полка, генерал... — он назвал достаточно известную фамилию одного из самых ярых врагов Советской власти, — генерал приказал нам явиться в избу, где помещался штаб, и произнес: «Господа офицеры, вы знаете, что солдаты, зараженные большевистским духом, толпами покидают фронт. Полк больше не существует, разъезжайтесь куда хотите». Знамя было растелено на простом дощатом столе, два корнета ножицами разрезали его на квадратики, по числу офицеров. Каждый согласно жребью взял священную частицу себе.

— Ну, и много у вас этих... частиц? — спросил я.

— Удалось собрать почти две трети, остальные погибли вместе с их владельцами на необозримых пространствах России еще во время гражданской войны. Позднее, когда судьба развела нас по всему свету, родственники скончавшихся на чужбине офицеров передавали или пересылали частицы мне.

Я вспомнил героя — советского генерала.

«А где его священная реликвия?» — спросил себя самого.

Мне хотелось верить, что всю свою жизнь доблестный красный командир тайно от всех берет ее у сердца, как ладанку, как благословение матери. И когда, распростертый на носилках, он умирал, она тоже покоилась у него на груди. Так с нею и похоронили...

Старик между тем рассказывал историю знамен:

— Первое знамя было вручено полку самим императором Петром, оно развевалось под Полтавой, при государыне Екатерине под его сенью войска Румянцева и Суворова побеждали турок. Но в 1802 году за ветхостью оно было предано сожжению, заменено вторым. Вот оно. В битве при Аустерлице, когда наши трусливые союзники-австрияки побежали, мой полк выстоял, и оно реяло над его рядами. В битве при Бородине оно было прострелено дважды французскими пулями. В 1813 году, в битве при Лейпциге, оно также было прострелено. Его пронесли через всю Германию в побежденную Францию. В 1814 году парижане увидели его на монмартрских высотах, а сто лет спустя мой полк под сим знаменем сражался в Восточной Пруссии.

Закончив рассказ, старик встал, дрожащей рукой поднял бутылку, посмотрел сквозь нее на свет...

— Господа, тут осталось не так уж много...

Предлагаю по последнему бокалу, в последний раз, — торжественно провозгласил он.

Месье Рене тронул его руку.

— Нет, нет, мне больше нельзя. Я веду машину.

Старик, явно обрадованный отказом француза, живо обернулся ко мне:

— О, так мы выпьем с вами вдвоем! Предлагаю выпить за нашу Родину! За ее победы в прошлом и за победы в будущем!

Он разлил поровну в два бокала. Уровень янтарной жидкости поднялся выше орлиных

* Воздушной почтой.

красив. Пожалуй, многовато. Ну, в последний раз...

Мы встали, чокнулись. Хрусталь тоненько зазвенел. Одинаковые по происхождению, но с такими разными судьбами, взглядами, мыслями, мы сейчас словно сблизились друг с другом.

Я сел, в голове у меня шумело. И дуломось мне: смерть придет за последним офицером лейб-гвардии его величества такого-то полка. В последний раз старый, с потрескавшейся лакировкой кивер будет покоится у подножия гроба... На похороны придетя преуспевающие сыновья. После поминального обеда в том ресторане они явятся в каморку ночного сторожа гостиницы, приведут с собой антикваров и букинистов... И отправятся русские ценности и реликвии вместе с французским бараклом, со всякими там керосиновыми лампами и уютгами за океан к американским плюшкинцам!..

Наверное, виноват был хмель. Я свалил ротмистра за плечо. Ошарашенный моей бесцеремонностью, он отшатнулся.

— Послушайте, вы все это завещайте нам, нашей стране, или лучше теперь же переправьте в Москву, обещаю вам быть посредником, — убежденно и страстно говорил я. — Портреты и гравюры — в Третьяковскую галерею, кивер, документы полка, другие реликвии — в музей Исторический. Во многих наших городах в музеях ничего подобного нет. Экскурсоводы поведут школьников и взрослых, будут рассказывать о былой славе русских воинов, о былой славе вашего полка, наконец, вашу фамилию помянут добрым словом...

Старик грустно покачала седой головой.

— Нет, нет, — тихо пробормотал он.

— Но почему же, почему же — нет?

— Лишь на родной стороне вряд ли кого заинтересует. Я же последний. Да не во мне дело. Главное иное: кого у вас заинтересует все это? — Он дотронулся рукой до медного двуглавого орла с древка знамени, до орла на кивере, погладила того, что на бокале...

— Да что вы, это давно история! — воскликнул я. — Ведь сколько лет прошло! У нас теперь

смотрят так: представлял вещь историческую или художественную ценность — значит, ей место в музее. Я убежден, что и зная по сохранившимся частям у нас сумеют восстановить полнотью.

— Понял, все понял, — с горечью перебил меня старик. Помолчал немного, добавил: — Пока я жив — безусловно, только — нет! Но я подумаю. И в своем завещании... — Он замолчал, вдруг вздрогнул, быстро взглянул на часы и вскричал. — Господа, к моему глубочайшему прискорбию, вынужден покорнейше просить вас извинить меня, но мне надо собраться на свой пост. Чрезвычайно рад, что мы встретились, познакомились...

Да, действительно, просидели три часа. Сердечно пожав друг другу руки, мы расстались, навсегда...

...Месье Рене правил мастерски. Лавируя между машинами то вправо, то влево, он обгонял одних, не пускал обгонять других. Ночной Париж мчался нам навстречу, сверкая и переливаясь мириадами разноцветных огней... Месье Рене, увлеченный обгоном машин, молчал...

Молчал и я, думая о последнем офицере лейб-гвардии его величества такого-то полка, у кого жизнь кончилась двадцати трех лет, что сам в двадцать три года стал обломком истории.

Что он сейчас делает, сидя в пустом вестибюле гостиницы? Просто дремлет под действием хмеля или начал обдумывать текст своего завещания?..

Я читал эти страницы многим друзьям, а отдавать в печать все не решался, хотя эта страница русской истории у нас совсем неизвестна.

А недавно один из моих слушателей дал мне такой совет:

— Знаете, ведь там, на чужбине, многие ныне живущие потомки эмигрантов внимательно следят за нашей литературой. Они прочтут ваш рассказ и, быть может, захотят вернуть на Родину различные исторические и художественные ценности, какие сейчас у них берегутся.

И я отнес этот рассказ в журнал.

«Результаты».

Акция, необходимая всем

Есть ли в нашей стране голодные? Вопрос, увы, не праздный.

На страницах «Московских новостей» (1990, № 14) мы увидели страшную фотографию истощенного туркменского мальчика. На снимке — один ребенок, а в жизни недоедающих — тысячи.

Не менее остро стоит сегодня проблема беженцев — русских, армян, азербайджанцев, турок-месхетинцев. А среди них и дети и взрослые.

Практически все студенты принадлежат к категории тех людей, кого статистика относит за черту бедности. В не лучшем

положении находятся и многие пенсионеры. Что же делать?

Этот вопрос преследует неотступно: неужели я ничего не могу изменить?! Нет, это неправда. Должна измениться. Обязана. И так думаю не я одна.

Организация «Результаты» — общественная. Международная. До сих пор она действовала только в США (10 групп), Великобритании (20 групп), Австралии (8), ФРГ (5), Японии (1).

Вот уже полгода есть такая группа и в СССР. Пока нас очень мало. Пока мы собираем лишь информацию. Собрать ее трудно. Ибо чиновники отвечают на этот большой вопрос однозначно: в СССР голодных нет!

Но мы-то с вами знаем, что это неправда.

Так что же все-таки предпринять?

Для начала — объединить усилия. И тогда наш актив не даст покоя сытым. Сытые обязаны поделиться с немущими, голодными, слабыми.

Все, кто имеет душевные силы, чтобы бороться с голодом, — откликнитесь! Кратко сообщите о себе и, пожалуйста, обобсните ваши возможности для участия в акции по борьбе с нищетой и голодом — «Результаты». *Ольга Чистенкова, студентка МГУ*

Наш адрес: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, «Ст. М.» — «Результаты».

Плюрализм есть плюрализм, и потому в благожелательном хоре поклонников советского рока на Западе нет-нет да и прорезаются критические голоса. Весьма характерно, что некоторые такие неконформисты выражают свои претензии на чистом русском языке. Так, писатель Эдуард Лимонов, живущий сейчас в Париже, объясняет для себя и для других успех советских рок-музыкантов на Западе высоким уровнем тамошнего маркетинга. А другая носительница российского имени — Наташа Медведева, рок-певица, обитающая в Лондоне, обвиняет своих русских братьев по искусству в отсутствии чувства юмора и спекуляции на песнях протеста. Ну а раз рок-музыка заглушает даже голоса предков, то что можно ждать от «коренных» иностранцев, среди которых самую оригинальную критическую мысль, пожалуй, высказал некий француз Лоран Шалюмё. По его мнению, здесь дело не обошлось без исторического

блата: «Кто же не знает, что вождь советского рока Стас Намин — потомок сталинского министра Микояна?» Неужели и на Западе власть в шоу-бизнесе принадлежит тайным сталинистам?

Ужесточение борьбы с применением допинга в спорте толкает сторонников истины «не пойман — чемпион» к поиску новых путей обхода запретов на применение различных стимуляторов. Причем в их головах рождаются идеи, от которых поблещели бы и Оруэлл с Хаксли. Так, профессор Клод-Луи Гальен предупреждает, что, если мир не излечится от навязчивого стремления любой ценой добиваться спортивных побед, следующим шагом может стать попытка создания настоящих биологических роботов, «генетически запрограммированных на достижение высочайших результатов». Ведь уже сейчас методы биоинженерии позволяют производить на свет лагушек с лишней парой лапок. По мнению ученого, вполне возможно воздействовать на генетический код зародыша, фабрикуя, как на конвейере, одаренных атлетов. А пока в целях накопления дополнительных энергетических ресурсов спортсменкам, наце-

ленным на высокие результаты, рекомендуют использовать даже беременность, которую надо вовремя прервать.

Если верить итальянскому кино, то на Апеннинском полуострове ни одно важное дело не обходится без скандала, происков мафии или финансовой растраты. Естественно, что не мог быть в этом смысле исключением и очередной чемпионат мира по футболу. Во всяком случае, в первоначальном списке объектов, необходимых для проведения футбольного праздника, итальянцы с удивлением обнаружили смету на строительство дорог в Катании, на реконструкцию казарм carabinieri и другие проекты, не имеющие даже приблизительного отношения к футбольным баталиям. Порадовал своих болельщиков и выступающий за «Наполи» Марадона, почтивший своим личным присутствием свадьбу некоего Луиджи Джулиано, которого полиция числит среди главнейшей местной каморры. Кстати, многие журналисты предполагают, что без помощи неаполитанской организованной преступности клуб «Наполи» вряд ли смог бы собрать фантастическую сумму, в которую оценивается общий контракт с аргентинской «звездой».

Болит? — Помоги себе сам

Ведет профессор Мак-Иов Риго

Продолжение. Начало в № 4, 6, 7, 9, 11 за 1989 год и в № 1, 4, 5 за 1990 год.

Лечим пояснично-крестцовый радикулит

1

Не представляю, чтобы истинный мастер взялся врачевать эту напасть. Разумеется, острую боль он снимет, скорую помощь окажет; но на большее вы его не сговорите. Скучно! — вот единственная причина этого. Единственная, но достаточная и вполне оправдывающая мастера. Потому что работа для него — суть средство самопознания; болезнь — материал, которым он себя испытывает; его может увлечь, и мобилизовать, и утешить только искусство.

Отчего же мастеру скучно возиться с пояснично-крестцовым радикулитом?

Потому что в этой работе нет неизвестного — основания творчества. Потому что это работа по шаблону.

Но раз так — его легко может освоить любой неопит. Не правда ли, парадоксальная ситуация? С одной стороны, от пояснично-крестцового радикулита страдают миллионы людей, и медицина, как водится, не в силах им помочь. С другой стороны, оказывается, врачевать радикулит может любой человек, в том числе и сам больной.

Но как бы ни была эта работа стандартизована, для успеха мало обрабатывать определенные точки. Необходимо понимать сущность того, что мы делаем. Тогда процесс лечения перестанет быть слепым. Он станет контролируемым и управляемым.

2

С какой трактовкой обычно сталкивается больной пояснично-крестцовый радикулитом?

Причину его — истинную болезнь — ищут и называют редко. Как правило, больному говорят: у вас «выпал» межпозвоночный диск*, зажат корешок спинного мозга — и нерв воспалился. Или такое откровение: вы застудили нерв... В обоих случаях вы беспомощны. Потому что поставить диск на место вы не в силах; как и снять воспаление с застуженного или зажатого нерва. Тут и специалист-невропатолог практически беспомощен, хотя виду не подает и пытается вам помочь блоками и физиотерапией.

Чтобы разобраться в сути проблемы, нужно отказаться от некоторых предубеждений.

Прежде всего откуда берется эта болезнь? Отчего одни ею мучаются постоянно, другие — время от времени, а третьи только слышали, что такая есть, но сами никогда ей не были подвержены? И не кажется ли странным, что позвоночник — такая надежная конструкция, способная держать огромные тяжести (что демонстрируют тяжелоатлеты), — выходит из строя у людей, которые с тяжестью дела не имеют (например, женщины-бухгалтеры)? Сидячий образ жизни? Но рядом целыми днями сидят другие — и ничего...

Второй существенный вопрос: если межпозвоночный диск «выпал» — значит, какая-то сила вытолкнула его с законного

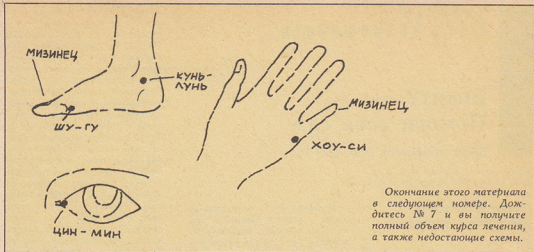
места? Но эту силу никто почему-то не ищет, значит — и не пытается ее нейтрализовать. Почему-то свою задачу врачи считают исполненной, если удаётся «поставить» диск на место. Вот почему они так охотно сплавляют своего пациента к костоправу. И тот действительно справляется с этим делом; когда с первой, а когда и с десятой попытки, однако вправляет диск на место. Но надолго ли? Ведь сила, вытолкнувшая диск, не исчезла. Поэтому достаточно больному неловко повернуться или потерять энергию (болезнь, переутомление) — как диск опять «выпадает». Отсюда, кстати, следует вывод, что известная тяга радикулитов к рецидивам имеет причиной не какую-то их специфическую особенность, а просто неправильное лечение.

И, наконец, интересный вопрос, привязанный не только к радикулитам, но и к остальным воспалительным процессам нервной системы (скажем, воспаление тройничного нерва): откуда такая уязвимость именно в этих звеньях нервной системы? Чуть что — и седалищный нерв уже «застудился». Ведь мы не для красного словца с самого начала договорились, что наш организм на диво ладно устроен. Это не допущение, это действительно так. Прочность организма и в целом, и в каждой отдельной детали удивительная. Отсюда следует, что если в каком-то месте произошла поломка («выпал» диск, «застудился» нерв, надорвалось сухожилие — типичная «производственная» травма спортсмена) — не сомневайтесь: это не случай; ваш организм держался до последнего, сигналил вам всеми доступными ему способами; наконец, «осознал», что нормального языка тела вы не понимаете, — и остановил вас на последнем рубеже доступными ему средствами. Остановил потому, что если не сделать этого — дальше начнется разрушение органов и систем.

3

Итак, сделаем первый вывод: радикулит (в том числе и пояснично-крестцовый), любые проблемы с дисками и нервами — это знак общего ослабления организма, угнетения его защитных сил.

* Риго пользуется исключительно термином «грыжа». «Выпадение» диска мы ввели в перевод по собственной инициативе — и с согласия Владимира Шина, — у наших отечественных радикулитчиков это самый ходовой термин. Вы говорите: выпал диск, — и дальше ничего пояснять не надо.

Окончание этого материала в следующем номере. Дождитесь № 7 и вы получите полный объем курса лечения, а также недостающие схемы.

Разумеется, не всякое поражение организма выражается интересующими нас симптомами. Например, отравление пищей дает желудочно-кишечный спазм; а если яды успели пройти дальше — соответствующей реакцией печени. Вспомните: так ли уж внезапно были вспышки радикулита или дискогенные проблемы? Нет, конечно. Вначале вы отмечали быструю утомляемость, затем дискомфорт в области будущей болезни, тревожное внимание к этому месту; потом появились первые — поначалу слабые — боли. И лишь затем рвануло.

Быстрая утомляемость, общая слабость — это вернейшие признаки, что в организме плохо работает канализация. Но если специализировать последующие симптомы, мы обнаружим, что интересующий нас пояснично-крестцовый радикулит накрепко привязан к застойным явлениям в мочевом пузыре. Я имею в виду энергетические процессы, но и физиологические могут выглядеть соответственно. (Кстати, радикулит — болезнь шоферов, но не потому, что у них сидячая работа, — просто у них не всегда есть возможность по первому же побуждению опорожнить мочевой пузырь).

Значит, вывод второй: пояснично-крестцовый радикулит — это вагон, который привязан к поезду цистита. (Но это вовсе не означает, что цистит должен непременно закончиться радикулитом. Одним моча бьет

по позвонкам, другим, например, в голову.)

4

Теперь вам ясна главная задача, которая стоит перед врачами: нормализовать энергетические процессы в районе мочевого пузыря и в соответствующем энергетическом канале. Как только это удастся, воспалительный процесс прекратится, функционирование органов и систем придет к норме.

Работа производится в три этапа.

1. Снятие острой боли.
2. Достижение комфортного состояния.
3. Восстановление «системы» (когда работой охвачено все тело).

Первый этап

Основная точка — кунь-лунь (60—VII). Она расположена в углу между наружной лодыжкой и пяточной костью. Работать не меньше 5 минут, но можно и 15, и больше. Помните: даже если вы поработаете только на кунь-лунь (но поработаете правильно!) — острая боль уйдет.

Дополнительные точки:

шу-гу (65—VII) — на наружной стороне стопы, позади голыши плюсневой кости;

чэн-шань (57—VII) — на задней поверхности голени, чуть ниже места соединения обоих брюшек икроножной мышцы; практически посреди расстояния от кунь-лунь до подколенной складки.

На дополнительных точках работать не меньше чем по 3 минуты на каждой.

Стандартный вариант сеанса: кунь-лунь — 10 минут, шу-гу и чэн-шань — по 3; затем кунь-лунь — 5—10 минут, шу-гу и чэн-шань — по 2—3; наконец — для полировки — только кунь-лунь — 5 минут. Через некоторое время (час-два-три), если боль начнет возвращаться, сеанс повторить. Можно — в сокращенном виде.

Наилучшее время работы — 15—17 часов.

Второй этап

Работа на пояснице в области боли.

Здесь нет смысла указывать основную точку. Где самая острая боль — там и основная.

Обычно начинают работать с позвоночника.

1-я точка — внемеридианная (BM-75) — между поясничным позвонком и крестцом.

2-я точка — яо-ян-гуань (3—XIII) — между V и IV поясничными позвонками.

На первых сеансах, пока точки очень болезненны, с них только снимают воспаление. Затем, когда боль начинает проходить, работа становится более направленной: под остистые отростки позвонков, как бы отжимая позвонки снизу вверх, как бы раздвигая их. При этом у межпозвоночных дисков восстанавливается фактура, и они сами постепенно возвращаются на покинутое место. Такому ди-

ску уже не опасны ни неосторожное движение, ни внезапная нагрузка.

3-я точка — да-чан-шу (25—VII) — сбоку от второй, между остистыми отростками V и IV поясничных позвонков.

4-я точка — гуань-юань-шу (26—VII) — сбоку от 1-й под 3-й.

5-я точка — сяо-чан-шу (27—VII) — под 4-й, на боковом гребешке крестца.

Работа на этих точках не лимитирована, но боли, но желательно не менее 3 минут там, где боль острая.

Обычно, если есть силы, работу на втором этапе проводят сразу после первого. Во всяком случае, стараются совмещать.

Третий этап

Позволяет охватить процессом лечения все тело.

Для этого подключаем одну точку на руках —

хоу-си (3—VI) — выше мизинца, на наружно-боковой поверхности кисти, в ямке;

и соединительную — цин-мин (1—VII) — вглубь во внутреннем углу глаза. Надеюсь, здесь вы будете деликатны и предвзятительно хорошо поможете руки.

Эта работа — для любителей все доводить до конца. Обычно ее подключают, когда самые страшные радикулитные муки — уже в прошлом. Начинают с хоу-си; желательно — остро; хотя и терпимо; но меньше минуты, можно — до 3; и (обратите внимание! — это впервые) по часовой стрелке. На цин-мин работать минуту, можно и в три захода. Завершают работу на точках первого этапа — шу-гу и кунь-лунь.

При правильной работе можно настраиваться на следующие ориентиры:

острые боли уходят в первом же сеансе;

комфортное состояние достигается не позже 5—7 дней работы;

для полного излечения требуются два курса по 15 сеансов.

Если результат незначителен — значит, вы работали не точно или вместо энергии полагались на силу. Если управлялись раньше — вы становитесь мастером.

Продолжение следует

ЗАЯВКА НА КНИГУ

«Не вижу иного пути...»

«Диалектика мифа» — один из философских шедевров XX века.

Книга появилась из печати весной 1930 года и тут же была изъята из обращения и уничтожена. К моменту выхода в свет ее автор — А. Ф. Лосев уже находился в следственной тюрьме...

На XVI съезде партии Л. Каганович так высказался о «философе-мракобесе»: «... последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием «Диалектика мифа»... является самой открытой пропагандой наглядшего нашего классового врага... Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесовского произведения... «Диалектический материализм есть вопиющая нелепость...»

«Говорили: идите к нам, у нас полный реализм, живая жизнь вместо ваших фантазий и мечтаний. Оказывается, полный обман и подлог. Нет, дяденька, не обманешь. Ты, дяденька, с меня шкуру хотел спустить, а не реализмом меня сделать...»

«Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит — гений. Раз гений, значит — неравенство. Раз неравенство, значит — эксплуатация...»

«Иной раз вы с пафосом долбите: «социализм возможен в одной стране»; не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пиццт у вас на душе: не-ет!»

И это выпускается в Советской стране. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности. (Голоса: «Кто выпускает? Где выпущено?») Разрешено Главлитом. (Голоса: «Чье издание?») Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в

том, что у нас в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: «Правильно!»)

О чем говорит эта цитата? Прежде всего она зримо характеризует время. Во вторых, показывает, что уже в конце 20-х годов не была тайной суть того социализма, который строили Сталин и его соратники. В-третьих... Собственно, этот вывод должен сделать сам современный читатель, познакомившись с книгой, которая выходит в этом году в серии «Живое знание» издательства МПИ. Еще не поздно, чтобы сделать заявку на том. Для этого надо написать по адресу: 107045, Москва, Садовая-Спасская, д. 6, отдел распространения издательства при МПИ (ориентировочная стоимость 1 р. 65 к.)

Но все же что заставило А. Ф. Лосева насыщать философский текст публицистическими злободневными пассажами? Неужели он не понимал, что кары не миновать?! Еще как понимал. Но вот что он писал из лагеря: «Желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения об опасности...» «...Будучи поставлен в жесточайшие цензурные условия, я и без того в течение многих лет не выражал на бумаге ничего не только интимного, но и жизненного. Для философа, строящего философию не абстрактных форм, а жизненных явлений бытия, это было все более и более нестерпимо».

Не пропустите эту книгу.

Ну а мы, в свою очередь, продолжим знакомить вас со страницами жизни и творчества великого гражданина, мыслителя, педагога. Следующая публикация об А. Ф. Лосеве в № 9.

Екатерина Бедяшина

Агата Кристи

SOS

Рассказ

Вот так! — одобительно произнес мистер Динсмед. Он отшел на шаг назад и еще раз окинул стол критическим взглядом. Отблески веселых языков пламени в камине перебежали с белоснежной скатерти на начищенные до блеска серебряные ножи и вилки, отражались в хрустальных солонках и сдержанно трепетали в фарфоровых тарелках разного калибра.

— Кажется, все готово? — неуверенно спросила миссис Динсмед, покорно глядя на мужа. Это была маленькая бесцветная женщина с бледным, рано увядшим лицом, жидкими соломенными волосами и нервной манерой поведения.

— Все готово, — подытожил ее муж деланным бодрым голосом, выдававшим скрытое возбуждение.

Мистер Динсмед был крупным мужчиной с мощными сутулыми плечами и широким кирпичным лицом. Его маленькие поросычьи глаза весело и в то же время настороженно поблескивали из-под кустистых рыжих бровей, а массивная, побабив безволостая челюсть угрожающе выдавалась вперед.

— Лимонад? — хриплым шепотом спросила миссис Динсмед и вновь испуганно посмотрела на мужа.

Тот отрицательно покачал в ответ головой.

— Лучше чай. Ты посмотри, что делается на улице. Как будто тысяча чертей сорвались с цепи. В такую ночь что может быть лучше чашечки горячего, крепкого чая...

Он заговорщически подмигнул жене и вновь повернулся к столу.

— Ты не забыла, что я тебе заказывал на ужин? Яйца вкрутую, холодная консервированная телятина, сыр, масло, хлеб. Иди, дорогая, и быстренько приготовь все это. Шарлотта поможет тебе на кухне.

Миссис Динсмед послушно поднялась и тщательно смотала свое вязанье.

— Она превратилась в очень хорошенькую девушку, — пробормотала она.

— Да! — откликнулся мистер Динсмед. — Точная копия своей матери. Ну, будет, иди и делай, что я тебе сказал. Не будем терять времени.

Когда жена вышла, он некоторое время беспечно ходил по комнате, а потом подошел к окну и выглянул наружу.

— Отвратная погода, — пробормотал он себе под нос. — Слава богу, сегодня никаких гостей не предвидится.

Потом он тоже вышел из комнаты.

Спустя десять минут в просторную гостиную, служившую одновременно и столовой, вошла миссис Динсмед с подносом разрезанных на две половинки вареных яиц, политых майонезом и посыпанных зеленью. За нею с полными тарелками в руках проследовали две очаровательные молоденькие девушки. Это несколько комичное шествие замыкали мистер Динсмед с сыном — пятнадцатилетним юношей рассеянного вида.

Добродушный толстяк уселся во главе стола, и его примеру последовали остальные.

— Поужинаем, чем бог послал и что еще пошлет в будущем, и так далее и тому подобное, — шутиливо затянул он. — И да благословит господь того человека, который первым изобрел консервы. Что бы только мы делали здесь, у черта на куличках, если бы у нас не было припасов, особенно в тех случаях, когда мясник забывает о своем еженедельном визите к нам.

И он с видимым удовольствием принялся нарезать высвобожденную из плена красочной банки телятину в желе.

— Интересно, кому в голову пришла мысль выстроить дом в такой глуши, за милю от человеческого жилья, — робко встала его дочь Магдалена. — У нас неделями не бывает ни души.

— Да, ни души, — задумчиво подтвердил мистер Динсмед.

— Не понимаю, отец, что надоумило тебя снять этот дом, — сказала Шарлотта.

— Не понимаешь, моя девочка? Ну, у меня были на это свои причины. Веские причины...

Он ощутил своими беспокойными глазами лицо жены, но та только нахмурилась, не выказав искомой поддержки.

— К тому же посещаемый привидениями, —

добавила Шарлотта. — Я бы ни за что на свете не согласилась спать в своей комнате одна.

— Чуть собачья, — с жаром ответил ей отец. — Ну скажи, ты хоть раз кого-нибудь видела?

— Видеть не видела, но...

— Но что?

Шарлотта лишь нервно поежилась. Сильный порыв ветра с дождем яростно ударил в ставень, и миссис Динсмед испуганно выронила ложку, которая со звоном упала на поднос.

— Ты что-то нервничаешь, мать, — заметил мистер Динсмед. — Да оно и понятно. Вы, женщины, очень болезненно реагируете на непогоду. Успокойся, дорогая. Здесь, у огня, мы в полной безопасности, и ни единая живая душа нас не потревожит. Было бы просто чудом, если бы кто-нибудь заявился в такую ночь. А чудес на свете не бывает. Нет, — повторил он, как бы убеждая себя, — чудес на свете не бывает.

Едва он успел произнести эти слова, как раздался неожиданный громкий стук в дверь. Мистер Динсмед замер с отвалившейся челюстью.

— Это еще что такое? — недоуменно пробормотал он.

Миссис Динсмед испуганно пискнула и запахнулась в шаль, вжавшись в кресло. Лицо Магдалены порозовело, и она торжествующе наклонилась к отцу.

— Как видишь, чудеса все же случаются. Пойди посмотри, кто там.

А за двадцать минут до этого Мортимер Клайленд стоял под проливным дождем на дороге, с досадой осматривая свою машину. Нет, ему полагательно не везло в этот несчастный вечер. Второй прокол за десять минут, и вот теперь он безнадежно застрял посреди пустынных Уиаширских болот. До ближайшего городка было не менее десяти миль, и он не знал, в какой стороне найдет хоть временное укрытие от непогоды. Так ему и надо. А то, видишь ли, вздумалось срезать путь.

Мортимер растерянно огляделся вокруг, и вдруг за сплошной пеленой дождя и тумана ему почудился огонек. Пройдя в его направлении несколько десятков метров, он наконец убедился, что это не обман зрения. Действительно, в темноте вырисовывался неясный силуэт освещенного окна одинокого коттеджа. Во всяком случае, здесь он найдет укрытие от дождя. Обрадованный Мортимер упрямо наклонил голову и, преодолевая порывы ветра и дождя, быстро пошел на огонек.

В некотором смысле Клайленд был знаменитостью, хотя в этих краях большинство людей не слышало ни о нем, ни о его достижениях. Он был одним из восходящих светил психиатрической науки и опубликовал два прекрасных учебника, посвященных проблемам подсознания. Он также являлся членом королевского медицинского психиатрического общества и занимался изучением актуальных наук в той мере, в какой они касались его главных исследований.

По своей натуре Мортимер Клайленд был очень восприимчивым человеком, в том смысле, что путем последующей напряженной тренировки мог удавливать флюиды биологического поля, распространяемого другими существами. Когда он наконец добрался до коттеджа и постучался в дверь, он почувствовал странное возбуждение, возрастающий интерес, знакомое обострение всех чувств,

которое он всегда ощущал во время своих парасихологических опытов и гипнотических сеансов.

Он отчетливо услышал обрывки разговора, доносившегося изнутри, который вдруг резко стих. Потом, несмотря на сильный шум дождя, он уловил скрежет ножи отодвигаемого стула и приближающиеся шаги. В это мгновение дверь открылась, и перед смущенным молодым человеком предстал подросток с безмятежным, открытым взглядом. Через его плечо Клайленд окинул взглядом напряженные позы сидевших за столом обитателей коттеджа. Интерьер напомнил ему жанровую сценку из фламандской живописи: накрытый к ужину стол, сияющее за ним семейство, колеблющееся пламя свечей и уютный камин, излучающий тепло. Глава семейства — крупный, дородный мужчина — сидел по одну сторону стола, а напротив него — маленькая, ничем не примечательная женщина с испуганно открытым ртом. Лицом к двери сидела симпатичная девушка. Она удивленно посмотрела прямо в глаза неожиданно появившегося путника, держа чашку на полпути ко рту.

Клайленд тотчас отметил ее необычную красоту, которую трудно было отнести к какому-нибудь определенному типу. Копна медно-золотистых волос окружала ее миленкое личико, подобно ореолу или озаренному солнцем облачку. Ясные серые глаза были расставлены очень широко и с любознательством смотрели на пришельца, как если бы он пожаловал с Луны. Нежный рот и подбородок натакаливали на мысль о рафаэлевских мадоннах.

Некоторое время в гостини стояла мертвая тишина. Клайленд сделал решительный шаг в комнату и четко объяснил причину своего появления. Когда он кончил, наступила еще более странная, томительная пауза. Потом с видимым усилием отец встал из-за стола.

— Входите, сэр... мистер Клайленд, вы сказали?

— Да, так меня зовут, — ответил Мортимер.

— Очень приятно. Пожалуйста, входите, мистер Клайленд. Собачья погода, не так ли? Идите сюда к огню. Джонни, ты закрой дверь наконец? Или так и будешь стоять истуканом всю ночь?

Клайленд прошел к камину и уселся на деревянный стул. Рассеянный юноша закрыл дверь и так же выжидающе уставился на Мортимера.

— Меня зовут Динсмед, — представился толстяк. Теперь он был само гостеприимство. — Это моя жена, а это дочери. Шарлотта и Магдалена.

Клайленд впервые взглянул в лицо второй девушки, сидевшей к нему спиной. Она тоже была очень красива, но совершенно другой красотой, чем ее сестра. Ее черные волосы удивительно контрастировали с молочно-белой, мраморной кожей. У нее был аккуратный, красиво очерченный, орлиный нос и немного суховатая складка ярко-красных губ. Это была красота Снежной королевы, строгая и какая-то неземная. Когда отец представил ее молодому человеку, она приветствовала его легким наклоном головы и окинула внимательным, изучающим взглядом выразительных черных глаз, которые, казалось, были способны проникать в самую суть характера. Она как бы взвешивала его и отмеряла строго определенную меру доверия, которого он заслуживал.

— Может быть, чего-нибудь выпьете, чтобы согреться... э... мистер Клайленд?

— Благодарю, — ответил Мортимер. — Пожалуй, сейчас я бы не отказался от чашечки чая.

Мистер Динсмед поклобасал какое-то мгновение, затем собрал все пять чашек с чаем и выплеснул в миску со словами:

— Этот чай совсем остыл, приготовь-ка нам свеженького, мать.

Миссис Динсмед поспешно поднялась и, взяв чайник, скрылась на кухне. Вскоре она вернулась с урчащим чайником, налила гостю первому и пододвинула к нему холодные закуски.

Господин Динсмед болтал без умолку. Это был радушный, гостеприимный хозяин. Вскоре он поведал незнакомцу все о себе и кое-что о своем семействе. В недавнем прошлом он был строительным подрядчиком и сколотил на этом приличное состояние. Сейчас, когда он отошел от дел, они с женой решили отдохнуть на свежем деревенском воздухе, что явилось для них настоящим открытием, так как до этого никогда не жили в сельской местности. Правда, октябрь и ноябрь — не самый удачный сезон, но они решили не ждать и сняли этот коттедж. Несколько уединенное место. До ближайшего жилья 8 миль, а до городишка — целых 19, но они не жалуется. Иногда полезно пожить как на необитаемом острове, отдохнуть от лондонской суеты, успокоить нервы. Вот только девочки немного скучают, но еще успеют нажиться в городе. Что касается Джонни, то этому,

кроме его книг и опытов, больше ничего не нужно...

Так он говорил и говорил, чуть не заболтав Мортимера до умопомрачения, но в этом словесном извержении молодому психиатру почудилась какая-то фальшь. Хозяин одинокого коттеджа как бы нарочно старался заговорить своего неожиданного гостя, который теперь явственно почувствовал какое-то скрытое напряжение, какую-то концентрированную мысль, исходившую от одного из этих четырех людей. Но от кого именно? А может быть, все это ерунда, воображение. Может, просто от усталости и избытка электричества в атмосфере рашалялись нервы? Скорее всего они просто ошарашены его неожиданным появлением.

Вежливо выслушав излияния словоохотливого хозяина, Мортимер как бы ненароком завел разговор о ночлеге, на что последовала самая благоприятная реакция.

— Конечно, конечно, мистер Кливленд, можете оставаться на ночь. На много миль вокруг нет никакого жилья. Мы предоставим вам отдельную спальню, и, хотя моя пижама будет вам великовата, но это лучше, чем ничего. Вам непременно необходимо высушить одежду.

— Вы очень любезны, мистер Динсмед, — поблагодарил Мортимер.

— Ну что вы! Какие пустяки! Хороший хозяин в такую погоду и собаку не выгонит на улицу. Магдалена, Шарлотта, приготовьте комнату для мистера Кливленда.

Девушки встали и молча вышли из комнаты. Через несколько минут молодой человек услышал, как они возьются наверх.

— Вполне понятно, что таким привлекательным молодым особам, как ваши дочери, должно быть скучно в такой глуши, — заметил Кливленд.

— Да, пожалуй, они — мои самые удачные творения, — не без отцовской гордости согласился мистер Динсмед. — Правда, совсем не похожи ни на меня, ни на жену. Нас не назывешь очень красивой парой, но мы так привязаны друг к другу. Наши дочери — дети любви, ты согласишься со мной, Мэгги?

Миссис Динсмед натянуто улыбнулась, не прерывая ввязания. Спицы порхали в ее руках. По всей видимости, она была прекрасной рукодельницей.

Вскоре девушки вновь появились в комнате и объявили, что спальня для мистера Кливленда готова. Мортимер любезно поблагодарил их и сказал, что, пожалуй, пойдет ляжет, так как немного устал с дороги.

— Надеюсь, вы не забыли положить в постель грелку? — спросила миссис Динсмед, вспомнив о своих обязанностях хозяйки.

— Да, мама, две.

— Прекрасно, мои умницы, — сказал мистер Динсмед. — Проводите молодого джентльмена в его комнату и покажите все, что нужно.

Магдалена взяла свечу и повела гостя наверх. Шарлотта молча следовала за ней.

Девушки проводили гостя в небольшую, уютную спальню с маящей кроватью и несколько старомодной запыленной мебелью красного дерева. Большой кувшин с горячей водой стоял в раковине. На спинке стула висела просторная розовая пижама. Чистая широкая кровать была расстелена и располагала к отдыху.

Магдалена подошла к окну и проверила, все ли шпингалеты закрыты. Шарлотта еще раз перепробала умывальные принадлежности. Потом обе девушки на минуту задержались в дверях.

— Спокойной ночи, мистер Кливленд. Вам больше ничего не нужно?

— О, нет, мисс Магдалена. Извините за причиненное вам беспокойство. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — в унисон ответили девушки и вышли, закрыв за собой дверь.

Оставшись один, Мортимер медленно снял промокшую насквозь одежду и облачился в пижаму мистера Динсмед. Свои мокрые вещи он выставил за дверь, как его инструктировали добрые хозяйки. Снизу доносился рокошущий голос мистера Динсмед, то и дело срывающийся на фальцет.

«Ну и говорун! И все-таки что-то настораживает в манере его поведения. Да и вся семейка какая-то странная или мне только показалось?»

Он задумчиво вернулся в свою комнату, остановился у кровати и вдруг вздрогнул, взглянув на прикроватную тумбочку. На покрывавшем ее слое пыли отчетливо проступали три буквы SOS.

Мортимер устался на них, не веря своим глазам. Вот оно — прямое подтверждение его смутным догадкам и ощущениям. Он был прав. Что-то неладное творилось в этом доме.

Призыв о помощи. Но чей палец вывел эти три буквы по пыли — Магдалена или Шарлотта? Он

вспомнил, как они обе стояли тут у тумбочки, прежде чем выйти из комнаты. Так кто же подал ему этот сигнал бедствия?

Лица обеих девушек всплыли в его воображении — строгое и отстраненное лицо Магдалены и по-детски открытое лицо Шарлотты с распахнутыми, широко расставленными глазами, во взгляде которых явно что-то скрывалось.

Ошеломленный Мортимер подошел к двери и приоткрыл ее. Голоса Динсмед больше не было слышно. В доме стояла мертвая тишина.

«Сегодня я уже вряд ли смогу что-либо предпринять. Ну а завтра посмотрим», — подумал он и с тяжелым сердцем лег спать.

Утром он проснулся рано. Наскоро умывшись, он быстро спустился вниз в гостиную и оттуда вышел в сад, сиявший чистотой и свежестью после ночного дождя.

К своему удивлению, Мортимер обнаружил, что он не единственный, кто поднялся рано в это солнечное утро. В глубине сада у ограды стояла Шарлотта. Она задумчиво смотрела вдаль на раскинувшуюся перед нею низину, подернутую легким туманом. Сердце молодого человека забилося быстрее, когда он подошел к ней и, приятно улыбувшись, пожелал ей «доброе утро». В глубине души он был убежден, что именно она ему написала послание на ночном столике.

Повернувшись к нему, девушка приветливо

улыбнулась. В ее ясном, открытом взгляде Мортимеру не удалось уловить и намека на какую-то тайну.

— Прекрасный денек, — начал Мортимер, пытаясь завязать разговор. — И не подумаешь, что ночью здесь бушевала буря.

— Да, от непогоды не осталось и следа, — согласилась девушка.

Мортимер сорвал с дерева веточку и как бы невзначай принялся вычерчивать знакомые буквы на чистом сыроватом песке. Сначала он вывел букву S, потом O и, наконец, второе S. Все это время он не переставал исподволь наблюдать за реакцией девушки. Но та безразлично следила за его занятием.

— Вы случайно не знаете, что означают эти три буквы? — неожиданно спросил Мортимер, взглянув девушке прямо в глаза.

Шарлотта симпатично наморщила лобик.

— По-моему, это сигнал, который посылают корабли, попавшие в беду, или я что-то путаю? — спросила она, невинно глядя на молодого человека.

— Совершенно верно, — подтвердил Мортимер. — Прошлой ночью кто-то написал этот знак на столике у моей кровати. Вы случайно не знаете, кто бы это мог быть?

Шарлотта удивленно распахнула глаза.

— Если вы думаете, что это — я, то вы ошибаетесь.

Мортимер и сам видел, что ошибся. Он был крайне разочарован. Его отточенная интуиция на этот раз подвела.

— Вы уверены? Может быть, вы написали это машинально и сами того не заметили?

— О, нет, ничего подобного я не писала.

Они медленно пошли по направлению к дому. Шарлотта была занята какими-то своими мыслями. Она невпопад ответила на несколько его замечаний. Неожиданно она поспешно выпалила полупешотом:

— Странно, что вы спрашиваете меня об этих буквах. Хотя я их и не писала, но вполне могла бы написать.

Услышав такое неожиданное признание, Мортимер остановился и ошарашенно посмотрел на девушку.

Она продолжала, не обращая внимания на его удивленный вид.

— Может быть, это с моей стороны выглядит глупо, но я постоянно так напугана, так ужасно напугана... И когда вы так внезапно появились вчера вечером, я восприняла это не как появление, а как явление...

— Но чего вы так боитесь, милая девушка?

— Я сама не пойму чего, — беспомощно пролепетала Шарлотта.

— Сами не знаете, чего боитесь?

— Думаю, этого мрачного дома. С тех пор как мы переехали сюда, он давит и давит на нас, и с каждым днем все сильнее. Все как-то странно изменилось. И отец, и мать, и Магдалена — все какие-то другие.

Мортимер не знал, что сказать.

— Вы знаете, что над этим домом висит проклятие и его посещают... привидения?

— Что? Привидения?

— Да, несколько лет тому назад один человек убил здесь свою жену. Мы сами узнали об этом после того, как переехали сюда. Отец говорит, что

все эти роскажины о духах и привидениях — чушь, вымысел, но... я не знаю.

Мозг Мортимера лихорадочно работал.

— Скажите мне, — произнес он деловым тоном, — это убийство было совершено в той комнате, в которой я ночевал?

— Этого я не знаю, — просто ответила Шарлотта.

— Да, скорее всего это произошло именно в этой комнате, — с уверенностью проговорил Мортимер.

Шарлотта непонимающе посмотрела на него.

— Мисс Динсмед, — мягко спросил Мортимер, — вы никогда не подозревали, что обладаете медиумистическими способностями?

Шарлотта изумленно уставилась на него.

— Мне кажется, что вы знаете, что именно вы сами написали SOS на столике, — спокойно констатировал Мортимер. — Конечно, подозрительно. Обычно дух преступления втекает в атмосферу того места, где оно было совершено, извините меня за не совсем научную терминологию. И на него среагировала ваша экстрасенсорная натура. Вы репродуцировали все чувства и ощущения жертвы. Возможно, много лет назад она написала JESUS на том же самом столике, а вы лишь подсознательно воспроизвели это же действие прошлой ночью.

Лицо Шарлотты просветлело.

— Понимаю, — обрадованно произнесла она. — Вы полагаете, именно в этом факте кроется объяснение?

В этот момент из дома раздалось скрипучее «Шарлотта...а...», и она поспешила внутрь, оставив Мортимера в раздумье прогуливаться по дорожкам сада. Ряд вопросов мучил его. Удовлетворен ли он сам таким объяснением и действительно ли оно объясняет полученные им факты? Это ли являлось причиной и источником почти осязаемого напряжения, которое он испытал, переступив прошлой ночью порог этого дома?

Вполне вероятно, и все же его не покидало странное ощущение того, что его вчерашнее внезапное появление вызвало что-то почернее на необъяснимое оцепенение, причем всех, кроме мальчика. «Нельзя увлекаться чисто психологическими объяснениями, — подумал он. — Для Шарлотты, возможно, оно и годится, но не для других. Мое неожиданное появление ошарашило всех, за исключением Джонни. Что бы здесь ни происходило, мальчик тут ни при чем».

Пожалуй, это было единственное, в чем Мортимер был твердо уверен. Как бы услышав его мысли, в этот момент из дома вышел Джонни и направился к гостю.

— Завтрак готов, мистер Клайленд, — застенчиво проговорил он. — Все нас уже ждут.

Мортимер заметил, что пальцы мальчика чем-то выпачканы. Перехватив его взгляд, Джонни виновато пояснил:

— Люблю повозиться с химикатами, а они не отмываются и вечно выдают меня перед отцом. Он страшно сердится, когда я занимаюсь опытами. Мечтает, чтобы я пошел по строительной части, как он, а я хочу серьезно заняться химией и исследовательской работой.

Из окна коттеджа высунулось широкое улыбающееся лицо бодряка Динсмеда, при виде которого в душе Мортимера вновь проснулось антагонизм и недоверие. Миссис Динсмед уже сидела

за столом. Она сухо пожелала Мортимеру доброго утра, и в душе молодого человека вновь шевельнулось подозрение, что она побаивается его.

Последней в гостиную вошла Магдалена. Она поприветствовала его кивком головы и села за стол напротив него.

— Как вам спалось на новом месте? — спросила она, и ему показалось, что она заглянула ему прямо в душу. — Надеюсь, постель была удобной?

Она смотрела прямо ему в лицо, и когда он вежливо поблагодарил ее, от него не ускользнула пробежавшая по ее лицу тень разочарования, как будто она ожидала какого-то иного ответа. За ее невинным вопросом явно что-то крылось, но что?

Мортимер повернулся к хозяйке.

— По-моему, ваш сын серьезно увлечен химией, когда вы заметили на нем.

Этот безобидный вопрос подействовал на нее как удар грома.

Она вздрогнула и уронила чашку, которую держала в руках.

— Ну будет, Мэгги, будет, — успокаивающе произнес ее муж. В его голосе Мортимеру почувались укор и предостережение. Потом мистер Динсмед легко повернулся к гостю и затараторил о достоинствах и преимуществах строительной профессии и о том, что молодежь нуждается в наставлении старших, более опытных людей, особенно в вопросах, касающихся их будущего.

После завтрака Мортимер вышел в сад и закурил. Оставаться дальше в этом гостеприимном доме становилось неловко. Ему очень не хотелось уезжать, но он никак не мог найти подходящего предлога, чтобы задержаться.

Вновь и вновь проирывая в уме всевозможные варианты, он незаметно для себя вышел на тропинку, ведущую за дом. Его туфли на каучуковой подошве ступали бесшумно. Проходя под окном кухни, он невольно уловил обрывки разговора между супругами и вник в подробности.

— Но это куча денег, дорогая, куча денег.

Миссис Динсмед не ответила. Мортимер замер на месте и напряг слух.

— Почти шестьдесят тысяч фунтов стерлингов, как сказал адвокат, — вновь послышался голос мистера Динсмед, смакующий эту огромную цифру.

У Мортимера не было ни малейшего желания подслушивать, и он продолжил свой путь, стараясь ничем не выдать себя. Упоминания о деньгах как бы выкристаллизовало ситуацию. Итак, стоит вопрос о внушительной сумме в шестьдесят тысяч. Все становилось яснее и еще более отвратительнее.

На пороге дома появилась Магдалена, но голос отца тут же позвал ее, и она вновь скрылась в доме. Вскоре к гостю присоединился сам мистер Динсмед.

В который раз за это утро разговор зашел о погоде.

— Прекрасный денек. Кажется, уже подошло. Вы оставили машину неподалеку?

«Хочет поскорее избавиться от меня», — пронеслось в мозгу Мортимера. Вслух же он поблагодарил мистера Динсмед за оказанное ему гостеприимство.

— О, не стоит благодарности, — ответил тот, увидевшись, что его намек понят.

Держась за руки, из дома вышла Магдалена и

Шарлотта и направились к старой деревянной скамейке в глубине сада. Их темная и золотистая головки представляли собой приятный для глаза контраст, и Мортимер не удержался от замечания:

— Ваши дочери очень непохожи, мистер Динсмед.

Его собеседник, разжигавший свою трубку, резким движением бросил спичку.

— Вы так находите? — спросил он. — Впрочем, да. Вы совершенно правы.

Мортимер осенила интуитивная догадка.

— Но ведь одна из них — не ваша родная дочь? — вкрадчиво спросил он.

Он заметил, как Динсмед тряхнул головой, как норовистый конь, и на его лице отразилось минутное замешательство. Потом, решившись, он ответил:

— Вы очень наблюдательны, молодой человек. Нет, одна из них — приемщи. Мы взяли ее к себе, когда она была совсем крохой, и воспитали как собственную дочь. Она и не догадывается о своем истинном происхождении, но скоро ей придется узнать правду.

Он тяжело вздохнул.

— Что-то связанное с наследством? — прозорливо заметил Мортимер.

Его спутник бросил на него подозрительный взгляд. Потом он решил, что с этим провидцем лучше всего быть откровенным. Манера его поведения неожиданно изменилась, и он спросил почти агрессивно:

— Как это вам пришло в голову? Вы случайно не телепат?

Потом он спохватился и одарил Мортимера искусственной улыбкой.

— Дело было так, сэр. Мы взяли ее на воспитание по настоятельной просьбе ее матери — женщины знатной и состоятельной. Грехи молодости, знаете ли. Она щедро за это заплатила, а я как раз только начинал свое дело и сильно нуждался в деньгах. И вот несколько месяцев назад я натолкнулся на объявление в газете, в котором разъяснялась наследница солидного состояния. Составив факты, мы с женой пришли к заключению, что речь идет о нашей Магдалене. Я посетил адвокатскую контору, поместившую объявление в газете. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы доказать им ее права на наследство. Вначале они, естественно, сомневались, но, теперь, кажется, дело улажено. На следующей неделе я собираюсь повезти Магдалену в Лондон, но пока она об этом ничего не знает. Ее отец, по всей видимости, был очень богатым человеком. Он узнал о существовании ребенка несколько месяцев назад, незадолго до своей смерти. Он нанял агентов и поручил им во что бы то ни стало разыскать его дочь и завещал ей все свои деньги...

Мортимер выслушал рассказ с огромным интересом. У него не было причин сомневаться в искренности мистера Динсмед. Кажется, тот говорил правду. В таком обостренном состоянии чувств он бы сразу почувствовал фальшь. И все же что-то настаивало его. Внутренний голос подсказывал бы начку. Теперь становился понятной необычная красота, цвет кожи и волос Магдалены, а также ее отрешенность. Но откуда в нем это беспокойство?

Мортимер попытался как можно лучше скрыть сумятицу в своей душе. Нельзя было допустить,

чтобы Динсмед что-нибудь заподозрил. Наоборот, следует усыпить его бдительность.

— Очень интересная история, мистер Динсмед. Мисс Магдалену можно только поздравить. Богатая наследница и к тому же красавица. Ее ждет прекрасное будущее.

В сопровождении хозяина Мортимер направился в дом, чтобы попрощаться с миссис Динсмед. Когда они вошли, она стояла спиной к ним, погруженная в свои мысли. Когда ее муж громко объявил, что мистер Кливленд желает попрощаться с ней, она нервно обернулась и выронила что-то из рук. Мортимер быстро наклонился и поднял с пола миниатюру Шарлотты, выполненную в стиле, который был в моде лет двадцать пять назад. Он вежливо поблагодарил ее за заботу об одиноком путнике, вновь зафиксировав про себя выражение испуга на ее лице и настороженный взгляд из-под полупопущенных век.

Девушек в зале не было, и Мортимер предпочел больше не спрашивать о них, что являлось частью его плана дальнейших действий.

Пройдя с помиили в направлении того места, где он оставил машину прошлой ночью, он заметил, как из кустов навстречу ему вышла Магдалена.

— Мне надо с вами поговорить, — сказала она с блуждающей улыбкой на губах.

— Я давно ждал этого, — произнес Мортимер, отвечая улыбкой на улыбку. — Ведь это вы напистали SOS на столике у моей кровати?

Магдалена молча кивнула головой.

— А почему? — мягко спросил Мортимер.

Девушка отвернулась и сорвала веточку с дерева. — Сама не знаю, — просто ответила она. — Честное слово, не знаю. Это был какой-то внутренний импульс.

— Доверьтесь мне, — участливо сказал Мортимер, в котором проснулся его дар психоаналитика. Магдалена вздохнула.

— Вообще-то я очень практичный человек и не отношусь к той породе чувствительных девиц, склонных к мечтательности и подверженных игре воображения. Вы, возможно, верите в духов и привидения. Я же — нет, и когда я говорю, что в доме творится что-то неладное, то это действительно факт реальности, а не отголоски прошлого. Какая-то неопределенность, что-то зловещее давит на всех членов семьи с тех пор, как мы поселились здесь. Совершенно другими стали и отец, и мать, и Шарлотта.

— А Джонни? — спросил Мортимер. — Джонни тоже переменялся?

Магдалена удивленно посмотрела на него, как будто только сейчас открыв для себя какую-то истину.

— Нет. До меня только сейчас дошло, что Джонни остался прежним. Он — единственный, которого... это не коснулось. Он был совершенно спокоен вчера за чаем.

— А вы?

— Я? Я испытывала жуткий страх, как ребенок, оставленный один ночью в темном лесу. Просто была напугана, не отдавая себе отчета в причине этого страха. И потом отец. Он вел себя как-то очень... странно. Другого определения я не нахожу. Он говорил о чудесах... и я мысленно помогалась о том, чтобы произошло чудо, которое положило бы конец этому наваждению. Именно в этот момент вы и постучались.

Она запнулась и посмотрела на него умоляющим, проникающим в самую душу взглядом.

— Наверное, я кажусь вам дурочкой, — с вызовом произнесла девушка, явно негодую сама на себя.

— Отнюдь нет, — ответил Мортимер, — наоборот, вы выглядите совершенно нормально. Признаюсь вам как специалист, что только у нормальных людей возникает острое предчувствие приближающейся опасности.

— Да? — доверчиво взглянула она ему в глаза. — Но вы меня не так поняли. Я боюсь не за себя.

— Тогда за кого же? — удивленно спросил Мортимер.

— Не знаю, — растерянно пожалла плечами девушка.

— И тогда вы подаи мне знак... — подсказал Мортимер.

— Я сделала это как-то автоматически. У меня вдруг появилось абсолютная уверенность в том, что они... не позволят мне поговорить с вами. Я и сама не знала, о чем просить вас. Просто мне было необходимо поделиться с кем-то своими опасениями... излить душу, что ли.

— Это вполне естественно. Я постараюсь помочь вам.

— Но что вы можете сделать?

Мортимер ободрающе улыбнулся.

— Что-нибудь придумаем. Только не теряйте присутствия духа.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Уверен, что мы сможем кое-что предпринять, даже больше, чем вы предполагаете. Скажите, не припомните ли вы какого-нибудь слова, фразы, произнесенной до вчерашнего ужина, которая показалась бы вам необычной?

Магдалена нахмурилась, перебирая в уме все эпизоды вчерашнего вечера.

— Боюсь, что нет. Вот только я слышала, как отец сказал матери, что Шарлотта — ее копия, а потом как-то странно рассмеялся. Но в этом нет ничего необычного?

— Нет, если только учесть, что она совсем не похожа на свою мать.

Он на мгновение задумался и тут же уловил на себе неуверенный взгляд Магдалены.

— Идите домой, милое дитя, и ни о чем не беспокойтесь. Положитесь во всем на меня.

Она послушно повернулась и побрела по тропинке в сторону дома. Мортимер прошел еще немного вперед, потом растянулся на шелковистой зеленой траве, заложив руки за голову. Он полностью отрешился от окружающего мира, закрыл глаза и усилием воли отключил сознание. Перед его мысленным взором вереницей проходили мозаичные картинки последних событий.

Джонни! Почему-то он мысленно вновь и вновь возвращался к нему. Все каким-то странным образом вращалось вокруг этого невинного мальчика — единственного, кто не был вовлечен в орбиту тайных интриг, подозрений, страхов. Мортимер вспомнил, как утром за завтраком из рук миссис Динсмед выпала чашка и разбила блюдце. Что же такое он сказал, что бы так могло шокировать ее? Может быть, случайное замечание по поводу увлечения ее сына химическими опытами? Тогда он не уследил за реакцией хозяина дома, но отчетливо запомнил, как замерла его рука с

сандвичем на полпути ко рту.

Потом его мысль вернулась к Шарлотте, к тому, как она смотрела на него, когда он неожиданно появился в доме. Опять-таки не опуская чашки с чаем. Чай! Вот к чему его медленно подводило подсознание. Вспоминалась послешестью, с которой опорожнилась чашка мистера Динсмед с восклицанием: «Чай совсем остыл», хотя над ними стоял пар. Значит, чай был горячим?

Смутная догадка начала кристаллизовываться в его мозгу. На память пришла заметка, которую он прочитал в газете с месяцем назад. В ней говорилось о том, как из-за неосторожности подростка в Йоркшире отравилась целая семья. Тогда беззаботно оставленный в кладовке с продуктами пакет мышьяка просыпался на хлеб... Вероятно, мистер Динсмед тоже читал эту заметку.

Версия вырисовывалась все отчетливее.

Спустя полчаса Мортимер Кливленд резко поднялся на ноги и энергично зашагал к своему автомобилю.

Вечером за ужином вновь собралась вся семья Динсмедов. Меню было то же, что и предыдущей ночью, когда их трапеза была нарушена неожиданным визитом мистера Кливленда. «Где-то он теперь», — с тоской подумала Магдалена. Из кухни с большим чайником в руках появилась миссис Динсмед. Наполнив чаем чашки, она раздала их своим домочадцам. Потом поставила чайник на стол и вдруг испуганно вскрикнула, в страхе прикрыв ладонью рот и немигающе глядя в направлении двери. Мистер Динсмед резко повернулся и тоже уставился на дверь, в проеме которой стоял Мортимер Кливленд.

Он сделал шаг вперед и галантно поклонился.

— Извините, что напугал вас, миледи, но я вынужден был вернуться, так как забыл об одной очень важной вещи.

— Ну что там у вас еще, сэр, — недовольно воскликнул Динсмед.

Лицо его побархотало, а на шее вздулись жилы. Он едва владел собой.

— Я забыл о чае, сэр, — сказал Мортимер, в упор глядя на хозяйку.

Не давая ему опомниться, он быстро вытащил из кармана какой-то блестящий продолговатый предмет и, подойдя к столу, отлил содержимое одной из чашек в маленькую стеклянную пробирку.

— Что... что вы делаете?! — задыхнулся Динсмед, моментально побледнев и потеряв всю свою агрессивность.

Теперь он напоминал большую надувную куклу, из которой шалуни выдернула пробку. Миссис Динсмед только испуганно пискнула.

— Вы читаете газеты? — полувопросительно, полутвердительно произнес Кливленд. — Я — тоже. В них иногда можно встретить кое-что поучительное. Например, прочесть об отравлении целого семейства мышьяком, по рассеянности оставленным в продуктовой кладовой мальчиком, мечтающим стать химиком. Ведь у вас в кладовке есть мышьяк, мистер Динсмед?

Не дожидаясь ответа, который и так был ясен, Мортимер безжалостно продолжал:

— Некоторые из членов семьи выживут, а некоторые и нет. Первая версия — отравление недоброкачественными консервами. Ну а если врач

попадется дотошный и не поверит ей, он несомненно обнаружит, что мыши прогрызли дырку в пакетике с мышьяком, и он на беду просыпался на пачку чая.

— Я, я не понимаю, о чем вы говорите! — взизгнул мистер Динсмед.

— Да ну? — усмехнулся Мортимер. — А вот мне кажется как раз обратное. Вы всё прекрасно понимаете, сэр.

Мортимер взял со стола вторую чашку чая и отлил из нее немного в другую пробирку. Потом на глаза у изумленного семейства не спеша наклеил на одну пробирку красную этикетку, а на другую — синюю.

— В этой пробирке, с красной наклейкой, чай из чашки вашей дочери Шарлотты, а во второй — чай из чашки Магдалены. Готов побиться об заклад, что в первой чашке концентрация мышьяка в несколько раз превышает его концентрацию во второй.

— Вы с ума сошли! — прохрипел Динсмед.

— Боже упаси! Ни в коем случае. Сегодня днем вы рассказали мне удивительную историю о том, что Магдалена — ваша приемная дочь. Вы солгали, сэр, Магдалена — ваша родная дочь, а на воспитание вы взяли Шарлотту. Она настолько похожа на свою мать, что, когда я поднял с пола миниатюрный портрет этой молодой женщины, то чуть было не принял его за один из портретов Шарлотты. Вы решили присвоить предназначенное ей наследство, выдав за законную наследницу вашу собственную дочь. А поскольку кто-нибудь из людей, знавших ее мать, мог заметить ее поразительное сходство с Шарлоттой, вы решили избавиться от бедной девушки, разыграв сцену семейного отравления.

При этих словах миссис Динсмед нервно расхоталась, закрыв лицо руками.

— Чай, чай, — пробублькала она, имитируя голос мужа. — Этот болван настоял на чае. Говорила ему лимонад...

— Попридержи язык, — угрожающе прервал ее муж.

Мортимер взглянул на Шарлотту, которая смотрела на него широко раскрытыми глазами, еще до конца не осознав, какая смертельная опасность угрожала ей. Вдруг он почувствовал, как кто-то взял его за локоть и увлек в сторону, чтобы их никто не мог услышать. Это была Магдалена.

— Эти пробирки... Надеюсь, вы не донесете на отца в полицию?

Она умоляюще посмотрела ему в глаза.

Мортимер успокаивающим жестом положил ей руку на плечо.

— Вы не верите в ассоциации с прошлым, милое создание. А я верю. В данном случае сработала зловещая атмосфера этого дома. Если бы вы не переехали именно в этот дом, где было совершено убийство, возможно, повторяю, возможно, ваши родители и не разрабатывали бы этот злодейский план. Я сохранию эти две пробирки как гарантию безопасности вашей сестры до тех пор, пока она не получит наследство и не расстанется со своими приемными родителями. А больше я не собираюсь предпринимать каких-либо других действий... в благодарность той очаровательной девочки, которая написала SOS и тем самым предотвратила большое несчастье.

Перевод с английского Е. Синельщикова

Виктория Андреевна

Все оттенки пламени

Цвета этого лета теплые, даже горячие — все оттенки пламени — от желтого до красного и гранатового. Наряду с ними остается черно-белая классика. Мода чистых форм и чистых цветов, отказ от декоративности и фольклорности. Приоритет тонких тканей, легко струящихся мягкими складками.

Популярны накладные дополнения — шарфы, платки, шали, накидки и пелерины, а также кашпоны даже в легкой летней одежде.

Силуэт прямой или трапециевидный (летящие спинки), рукава, расширенные книзу, чуть укороченные, как бы обращают внимание на кисти рук, заставляя нас вспомнить о маникюре, браслетах и кольцах.

Длина юбок и брюк до щиколотки, талия перехвачена мягким кушаком или плетеным поясом с кистями на концах. В качестве отделки бахрома и кисточки, вышивка гладью и ризшелье.

Наиболее эффектным ассортиментом сезона будет юбка-брюки, хотя это название сейчас потеряло свою определенность.

Нашу модель можно назвать просто брюками, если их делать в привычной для брюк длине до щиколотки, или юбкой-брюками, если длина колеблется около колена, или шортами, если длина до середины бедер, бермудами, если длина выше колен. Одна выкройка, а столько разнообразия в решении.

Из тонкой шерсти, например, получится юбка-брюки на все сезоны. Зимой с объемным джемпером, весной с пиджаком, а летом с майкой из трикотажа или рубашкой из шелка с шалью, завязанной вокруг бедер или наброшенной на плечи.

Эта же модель, но выполненная из крепдешина или любого другого шелка, превратится в вечерний наряд, если к ней подобрать соответствующий перх и бижутерию, или станет хорошим компонентом вашего делового гардероба.

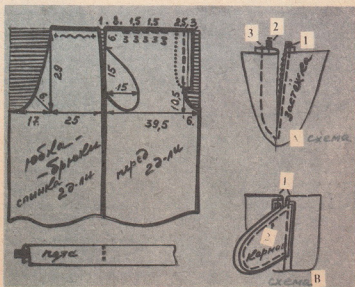
Расход ткани зависит от выбранной вами длины изделия. В любом случае при ширине ткани 90 см понадобится 2 длины плюс 20 см на обработку и пояс.

Итак, для краткости назовем нашу модель просто брюками. Крой брюк состоит из двух передних половинок, двух задних, четырех деталей мешковин карманов и пояса. На передних половинках брюк заложены мягкие складки (по 5 складок; глубина 3 см, расстояние между ними по 1,5 см). Пояс спинки посажен на резинку, так что размер брюк можно отрегулировать степенью посадки спинки (от 44 до 48-го размера).

На передних половинках брюк заложим складки и заметаем их. Обрабатываем застежку на «молнию» (это, пожалуй, самый сложный узел в брюках). Стачаем средний передний шов на 5 см ниже места разреза. Отвернем срезы обтачек к изнанке. К левой половинке пристрочить одну тесьму «молнии» таким образом, чтобы зубчики располагались вплотную к сгибу (схема А, строчка 1). Затем сколем разрез и приметам другую тесьму «молнии» к обтачке пра-

вой половинки. Пристрочим «молнию», не захватывая переднюю половинку брюк (схема А, строчка 2). Затем по намеченной по лицевой стороне линии проложим отделочную строчку, прихватывая обтачку (схема А,

строчка 3). Стачаем боковые швы, оставляя щели для входа в карманы.

Обработка карманов в боковых швах. Для этого вывернем брюки наизнанку и приложим мешковины карманов к припуску на участке входов в карманы. Притачаем срезы к срезам точно по размеркам входа в карманы (схема В, строчка 1). Стачаем мешковины между собой (схема В, строчка 2). Заутюжим мешковины в сторону передних половинок брюк. Стачаем шаговые швы, а затем одной строчкой от застежки на «молнию» и средний задний шов.

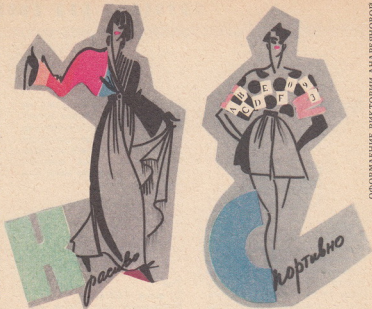
Обрабатываем верхние срезы поясом. На участок спинки вставим широкую резинку, закрепим ее строчками на уровне боковых швов. Подвернем низ брюк, отделочную строчку понизу для шерсти проложим на расстоянии 1,5 см и 0,7 см для шелка.

Если вы чувствуете, что обработать карман, застежку на «молнию» и пояс для вас из области фантастики, предлагаю льготный вариант. Давайте выкроим брюки с припуском 10 см поверху (вместо притачного пояса сделаем резинку на талии). В этом случае боковой шов не нужен. Выкраиваются две детали во всю ширину ткани каждая.

Подвернем верхний припуск в 2 раза, отстрочив кулиску для резинки, предварительно стачав средние и шаговые швы. Вдвернем резинку и обработаем низ. Такие брюки хорошо будут смотреться, если вы выбрали тонкий шелк или крепдешин, а также если у вас размер не более 46-го.

Может быть, у вас подобралось несколько маек или футболок, которые чем-то не устраивают вас. Совет: сшейте на лето нечто свободное трикотажное! Ведь лучше одна вещь, но которую носишь с удовольствием, чем десять ненужных. Главное условие: соединяемые в одном изделии ткани не должны линять при стирке.

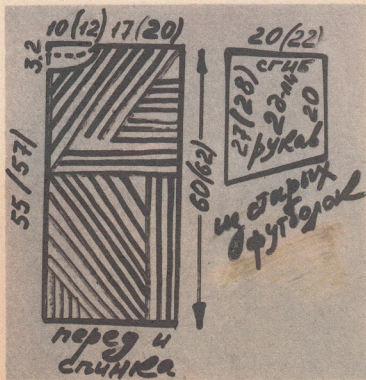
Наша модель настолько проста, что справиться с ней сможет даже тот, кто вообще никогда не шил. Кстати, такой вариант, может быть, не оставит равнодушными и наших модников. Для них размеры указаны в скобках (размер для женщины — 44—48, мужчин — 46—52).

Итак, предварительно выстирав футболки и проверив их стойкость на краску, распорем старые изделия, отутюжим детали. На построенной по чертежу выкройке разложим детали, применив фантазию и вкус. Ес-

ли трикотаж не хватает, можно соединить его с хлопком (бизь, поплин, сатин). Например, кокетка переда и рукава — из хлопка, остальное — трикотаж и т. д.

Успехов вам, до встречи!

Для женщин

Телец

21 апреля — 20 мая

Не имеет смысла ее обожать, преследовать, соблазнять. Она сама избирает себе партнера и только с ним проявляет глубину своих чувств. С другими — холодна, неприступна, строптива и пренебрежительна. Общение с ней требует большого терпения. Она полигамистка, то есть может одновременно иметь несколько мужчин, нуждается в многочисленных партнерах и при этом дьявольски цепко держится за каждого из них. Мужчин, которые не интересуют ее с сексуальной точки зрения, любит дразнить. Она трактует свое тело как ценный инструмент, предназначенный для виртуозов. Сексом любит заниматься долго. Всегда руководствуется принципом, что секс — это наслаждение. Секс примитивный ее не интересует.

Близнецы

21 мая — 20 июня

Женщина этого знака редко находит счастье. Она обречена на тоску по идеальному партнеру, которого ищет всю жизнь. Живет с чувством неполноты жизни. В поисках идеала множество раз сталкивается с полным непониманием. Она чувствительна, талантлива, но производит впечатление покинутой. Физическое наслаждение не дает ей полного удовлетворения. Желая убедиться в сво-

ей привлекательности, она меняет партнеров. Время летит... Отчаянные попытки найти счастье доводят ее до «самоуничтожения». Это поиск «астрального брака», без которого жизнь для нее всего лишь жалкая шутка богов.

Рак

21 июня — 22 июля

Настоящий секс требует такого состояния сознания, при котором мышление и самоконтроль уступают место самозабвению, самоотдаче, власти стихии. Рак же, прежде всего в молодости, хочет доминировать над окружающими и контролировать их. Женщина этого знака не испытывает публично обнажать свои чувства и эмоции, поскольку воспринимает такое поведение как своеобразную форму унижения. Она может быть счастлива в среднем возрасте, когда поймет, что в сексуальной жизни надо прежде всего отдавать, а не только брать. Поскольку этому знаку свойственна самоотдача, в случае, если рассудком она осознает эту истину, может быть идеальной партнершей в браке. В постели легко возбуждается, проявляет инициативу и любит играть ведущую роль.

Лев

23 июля — 23 августа

Сутью ее индивидуальности является противоречие между сексуальным влечением, которое она ощущает, и секспиллом, который она излучает. Первое — слабозвонкое и подавляемое,

второй — агрессивный и притягивающий внимание. Она замечает свою привлекательность, и старание мужчин завладеть ею удовлетворяет ее тщеславие. Она забавляется, не понимая смысла этой игры, так как сама редко испытывает желание. Несмотря на то, что она никогда не испытывает страстного желания, любит секс и легко достигает удовлетворения. В течение всей жизни мужчины принимают ее за другую, и многие из них досадно разочаровываются.

Дева

24 августа — 23 сентября

Счастлив тот, кто любит ее и добивается взаимности. Она обожает секс, является сторонницей моногамии — принадлежности одному партнеру. Она без комплексов, готова на любые эксперименты в сексе. Ее можно легко обидеть, если отвергнуть ее ласку, несмотря на то, что она понимает, что со стороны мужчины это лишь следствие пресыщенности сексом и переутомления. Но ей трудно это понять, поскольку сама никогда не испытывает переутомления от избытка эротических импульсов. Она принадлежит только одному партнеру и может быть нетерпимой к желаниям ее мужчины иметь одновременно контакт с другими женщинами.

Весы

24 сентября — 23 октября

Физическое удовлетворение испытывает с большой интенсивностью, но одновременно пси-

хически не способна ни наслаждаться, ни одобрить его. В сексе не умеет проявлять какую-либо инициативу. Она не выносит чрезмерную нежность, секс дает ей чисто физическое удовлетворение. После бурной ночи может вести себя так, как будто ничего не произошло. Найдите худшие партнеры для нее — Козерог, наилучшие — Дева и Скорпион. Самым большим ее врагом является она сама.

Скорпион
24 октября — 23 ноября

Обладает сильным сексуальным темпераментом. В сексе ненавязчив, он становится в ее жизни предметом культа. Ее темперамент не ослабевает до самой старости. Ее внебрачные связи обусловлены не недостаточной кондицией или температурой ее мужа, а неограниченной жаждой новых впечатлений. Она будет по-своему верна ему, так как он будет у нее всегда на первом месте. Она в состоянии отделить секс от любви, что отличает ее от большинства женщин.

Стрелец
24 ноября — 22 декабря

Превыше всего она любит свое тело, которое является для нее превосходным инструментом для любви. Ее сексуальные возможности огромны с точки зрения количества, так и качества. Она одарена широтой эротического возбуждения. Если выйдет замуж за мужчину со средним или слабым темпераментом, то ее ждет развод, невроз или бесконечная полоса внебрачных приключений. Она легко возбуждается, реагирует с откровенностью и энтузиазмом. Секс в ее исполнении всегда является спектаклем.

Козерог
23 декабря — 20 января
Она не в состоянии отделить секс от любви. Она влюбляется в своих партнеров, считая их своей собственностью. Часто импульсивно выходит замуж в ранней молодости, еще до того, как сумеет понять и познать себя. Она создана для бурных страстей. Она бывает агрессивна и ревнива, однако не выносит этих черт у своего партнера. В среднем возрасте отношение к партнеру ближе к материнскому, с такой же ревностью и нежеланием отдавать его другой женщине, но внешне всегда сохраняет корректность и подчеркнутую безразличие.

Водолей
21 января — 19 февраля
Обладает четко выраженной сексуальной индивидуальностью. Отличается тщеславием, целеустремленностью, ее творческая натура стремится к совершенству, и поэтому часто нетерпимо относится к ошибкам других. Она может быть идеальной партнершей сдержанного, умеренного мужчины. Бурные страсти ей недоступны. Секс в семейной жизни становится для нее ритуалом, сама она не испытывает особой потребности. Измена супругу с ее стороны практически исключена.

Рыбы
20 февраля — 20 марта
Женщин этого знака можно разделять на две группы. Первые — устанавливают прочные связи с мужчиной, не обладающим слишком бурным темпераментом, и живут с ним долго и счастливо. Вторые — гораздо

более беспокойные, мечтающие о мужчине-пирате, но чувствующие себя в безопасности с психологически слабыми, требующими ее опеки и снисхождения. Они боятся настоящих мужчин, боятся проверить себя как женщину.

Овен
21 марта — 20 апреля
Она артистка в жизни. В постели она не такая хорошая актриса, скорее пассивна, настроена на получение эмоций. Однако в глубоком подсознании она жаждет примитивного и грубого секса. К сожалению, ее образ жизни и поведение привлекают утонченных мужчин, чутких, чувствительных, и ни один из них не может дать ей полноты счастья.
Перевод с английского

К сведению читателей

Мы обращаемся ко всем поклонникам творчества Владимира Высоцкого, к тем, кто с нетерпением ждет очередные публикации сериала «Владимир Высоцкий: эпизоды творческой судьбы». Как вы знаете, в этом году мы предполагали давать материалы в каждом третьем номере журнала, но жизнь вносит свои коррективы. Это вовсе не значит, что мы не держим слова, в № 7 мы непременно опять встретитесь с полюбившимися вам публикациями о Высоцком.

Просто необходимо, видимо, еще раз напомнить, что авторы Борис Акимов и Олег Терентьев собирают материал о Владимире Семеновиче непосредственно в номер, постоянно находясь в поиске новых фактов.

Так произошло и в данном случае, при работе над № 6, который должен охватить период 1967 года жизни поэта, появились очень интересные факты. Но, естественно, нуждающиеся в дополнительной проверке и исследовании.

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

Юношеская любовь

Михалина Вислоцкая

Продолжение. Начало в № 7, 9, 10 за 1989 год
и в № 1—5 за 1990 год

Чувство осязания

В известном произведении арабской литературы «Сад благовоный» его автор Нафзави писал:

«Женщина — это плод, сладость которого не смущает, пока не прикоснешься к нему

руками. С женщиной так же, как и с амброй: если не потрешь в ладонях и не разогрешь — аромата не извлечешь».

Чувство осязания играет важнейшую роль в области секса, а чувствительные к прикосновениям нервные окончания явля-

ются главными рецепторами, воспринимающими внешние раздражения (воздействия). Эти раздражения трансформируются в нервные импульсы, которые движутся в центростремительном направлении к мозговому центру, высвобождая в конечном итоге рефлекс оргазма. Причем существует правило: чем тоньше и нежнее раздражение, тем более действенным является его конечный результат, а техника прикосновений, поглаживания подушечками пальцев или легкие царапание ногтями, воздействия ладонями на волоски эпидермиса и т.п. предоставляет широкие возможности выбора. Интенсивность реакции рецепторов зависит в значительной степени от выбора и техники полового возбуждения.

Осязательные сексуальные воздействия оказывают двусторонний эффект. Они возбуждают как партнера, который ласкает, так и того, кто является объектом ласк: чувственное наслаждение первого возрастает по мере все большего пробуждения сексуальных ощущений у второго. Всякая смена ласк и их разнообразие заслуживают самого пристального внимания, если они доставляют чувственную радость обоим любовникам. Уподобляться «королеве», которая фигурально выражаясь, лежит «в постели как бревно» и милостиво наблюдает при этом за «сольным выступлением» партнера, — это неблагодарное и весьма опасное занятие в любви. Истинное любовное наслаждение рождается, как правило, в результате взаимных усилий любящих друг друга людей.

Именно поэтому очень важна психически-эмоциональная сторона физических ласк. Если партнер испытывает к ним безразличие или, что еще хуже, они вызывают у него внутреннее противодействие, то даже длительное раздражение наиболее чувствительных эрогенных участков тела не приносит никаких результатов, кроме растущего чувства досады и злости.

Когда моменту полового сближения предшествует высокое сексуальное напряжение, то иногда достаточно легкого прикосновения руки, чтобы оказаться на пороге оргазма. В обычных условиях и при сред-

нем уровне сексуального напряжения этот процесс протекает постепенно, стимулируемый разнообразными ласками и прикосновениями. Осязательные ощущения возникают при прикосновении к нервным окончаниям, расположенным в кожном покрове и волосах. Прикосновение к телу партнера во время танца, к одежде, сохранившей его тепло, к пульсирующей вене на руке или к груди, под которой бьется сердце дорогого человека, способно вызвать различные переживания, но в основе их лежит опытная осязательный эффект. То же самое можно было бы сказать и о поцелуях, потому что осязательные ощущения играют в них весьма существенную роль, но все, что касается этого вида ласк, вы найдете в главе, посвященной органу вкуса.

Чтобы как-то систематизировать различные осязательные ласки, я буду поочередно рассказывать о них, охватывая все участки тела, что называется «с головы до пят».

Мужчина, начинающий «осваивать» партнершу, поначалу «осваивает» область шеи, затылка и такой общепринятый атрибут женской красоты, как волосы. Нежно поглаживая руку шею, он постепенно запускает пальцы в локоны ее волос, слегка наматывает их на ладонь, перебирает и даже «расчесывает», пробуждая в женщине чувственность, так как кожа у корней волос и возле ушей отделяется исключительно высоким уровнем сексуальной иннервации. Прикасаясь подушечками пальцев к этим чувствительным участкам кожи на голове, слегка их «царапая» и обволакивая теплом своего дыхания, мужчина вызывает в женщине целую гамму самых утонченных и нежных ощущений сексуального характера. Еще на заре цивилизации обычаи перебирать пальцами волосы считались эротическим.

Не менее чувствительна к прикосновениям область ноздрей и губ. Кожа между носом и верхней губой, а также между нижней губой и подбородком покрыта обычно — больше чем в любом другом месте — нежным пушком, который при поглаживании или легком прикосновении вызывает чувство сексуального возбуждения. Необ-

ходимо иметь в виду, что наибольшая чувствительность характерна прежде всего для тех участков кожи человека, которые постепенно переходят в слизистую оболочку, — то есть в области всех естественных отверстий: я имею в виду границу покраснения губ и края ноздрей на лице, заднее отверстие и преддверие влагалища. Сильно возбуждает также любовная игра, известная в Индии под названием «поцелуй мотылька». Смысл ее заключается в шекотании губ, ноздрей и чувствительных участков шеи короткими прикосновениями быстро моргающих ресниц.

Прикосновение, вызывающее раздражение сексуально чувствительных участков тела, основано на принципе, вытекающем из специфической реакции центра оргазма в мозге. Короче говоря, все сексуальные раздражения, которые с помощью рецепторного воспринимающего аппарата и проводников нервных импульсов поступают в мозговые центры, должны быть обязательно прерывистыми. Специфика работы центра оргазма состоит в следующем: он очень слабо реагирует на непрерывные внешние воздействия одинаковой интенсивности и в то же время отвечает сильным сексуальным возбуждением на прерывистые раздражения типа: сигнал — разрыв — сигнал — разрыв и т. д. При такой форме восприятия раздражения следует обратить внимание на специальное акцентирование прерывистости в ласках, воздействующих на сексуальную чувствительность кожи. Прикосновения к поверхности кожи, когда вы ласкаете эрогенные зоны, должны осуществляться в фиксированном ритме, мелкими и прерывистыми движениями. Если вы поглаживаете кожу длительными и непрерывными движениями ладони, то достигаете противоположного эффекта: женщина успокаивается и не реагирует на усилия пробудить в ней чувственность.

Участки тела, наиболее поддающиеся на сексуальные раздражения — эрогенные (чувственные) зоны, расположены в тех местах, где кожа меньше трется об одежду или нижнее белье и в силу этой причины становится тоньше и чувстви-

тельнее. Такие зоны можно обнаружить в полости рта, на corners ушей, сосках, на поверхности конечностей (прежде всего под мышками, на внутренней части плеча и предплечья), на наружных половых органах, затем мы находим их в бороздчатых углублениях в области позвоночника, на шее, в поясничных ямках, внутри пупка, в местах, где начинается оволосение лонного бугорка, в паховых складках и на внутренних поверхностях бедер (зона повышенной чувственности), а также в области локтевых суставов, под коленями, на стопах ног, между пальцами рук и ног. К эрогенным зонам прежде всего относятся участки тела, где имеется слизистая оболочка, переходящая в кожу. Прикосновение рук к этим участкам вызывает приятную реакцию, но значительно большее возбуждение возникает при воздействии на эрогенные зоны губами, языком или зубами. Таким образом, все эти участки образуют своеобразную карту на теле женщины, которую влюбленный мужчина обязан тщательно и терпеливо изучить, не пропуская ни одной детали.

Любовь — это творчество, а не декламация раз и навсегда заученных стихов. Как не бывает в мире двух одинаковых женщин, так и невозможно овладеть искусством любви исключительно по книжным «подсказкам».

Мужчина обязан постараться создать сексуальный портрет своей избранницы. Выявление чувствительности рецепторов (нервных окончаний) начинается уже в первые дни любви. Затем наступает длительный период использования в этих целях разнообразных ласк и развития чувствительности обнаруженных эрогенных зон на различных участках тела: на животе, спине, руках и т. д. Каждая из них требует к себе внимания, если вы рассчитываете добиться максимального эффекта. Чтобы каждый из рецепторов реагировал на ласки, его необходимо «пробудить». Все это достигается терпеливостью и настойчивостью, так как четко выраженная возбудимость встречается, особенно у молодых девушек, очень редко. Умелые ласки способст-

ДРУЗЬЯ ПО ПЕРЕПИСКЕ

Приятные
неожиданности

Ежедневные звонки по телефону, сотни писем, авторы которых требуют все новые и новые адреса... Сомнений не возникает — рубрика пользуется популярностью среди читателей.

В августе прошлого года мы порадовали вас большой подборкой писем, присланных в Москву буквально со всех света. Среди них адрес женского колледжа в Нью-Йорке. Не одна, а сразу сотня американских девушек пожаловала (по инициативе профессора Лилиан Шварц) переписываться с советскими студентами. Публикуя адрес колледжа, мы были уверены — наши не подведут, прибавится американским почталовым работ!

Мы-то были уверены, а вот за океаном сотни, тысячи студенческих писем явились полной неожиданностью. Мы узнали об этом, когда получили пухлый конверт с уже знакомой эмблемой колледжа. Профессор Лилиан Шварц выразила редакции огромную признательность за публикацию адреса, а вам, нашим читателям, за те несколько тысяч писем, о которых вот уже столько месяцев говорят в маленьком колледже. Да и не только в нем. В конверте, кроме писем, были вложены вырезки из местных газет. Это событие вездесущие американские журналисты не смогли обойти вниманием. Слова «Студенческий меридиан» стали теперь интернациональными, и будет замечательно, если к миллионным советских читателей прибавятся и американцы!

А если серьезно, такая дружба — настоящее доказательство теплых отношений между нашими странами, которым даже океан не помеха. Сегодня студенты, а завтра политики, ваше участие в международной акции «People-to-People-Friendship corps», по словам одного из ее инициаторов — Лилиан Шварц, «...конечно же, делает мир лучше для всех нас!»

В настоящий момент мы предлагаем американским коллегам провести совместный конкурс для читателей по обе стороны океана, победители которого из США приехали бы в гости к нам, а наши ребята станут на неделю студентами колледжа.

У вас этот проект 1991 года устраивает?

вуют развитию скрытой чувственности. Нередко бывает, что искусная рука внимательного партнера способна, как по мановению волшебной палочки, «извлекать» чудесную любовницу из женщины, прожившей до этого не один год с ограниченным и эгоцентричным в любви человеком.

Дорога ласк, на которой вы имели дело с плечами, затылком, шеей, спиной и подмышечными впадинами женщины, приводит вас наконец к женской груди. Хорошо развитые округлые груди — это не только признак красоты женщины, но и гарантия ее здоровья, а также нормального развития ее будущих детей. Женская грудь является богатейшим и наиболее чувствительным инструментом эротических ощущений, который реагирует не только на прикосновения и другие любовные сигналы, но даже, подобно фотоземленту, на тепловое воздействие. Пока женщина не возбуждена, ее грудь слегка свисает, но стоит ей только подумать о любимом, бросить на него красноречивый взгляд или словно бы незачем дотронуться до его руки, как происходит удивительная метаморфоза: кровь начинает быстрее «бежать» внутри сосудов, и ее усиленный приток заставляет приподняться женскую грудь, успевшую принять красивую округлую форму. Этот механизм, как и аналогичные механизмы в мужских и женских половых органах, начинает функционировать под воздействием сексуальных раздражителей. При этом заметно увеличивается чувствительность груди к такой форме ласк, как прикосновение и поглаживание. Мужчина, взявший в ладонь женскую грудь, испытывает при этом сильное половое возбуждение. Оно передается и женщине, если ладонь задевает сосок.

Легкое прерывистое поглаживание сосков всей поверхностью ладони или подушечками пальцев, прикосания к ним обнаженного мужского тела вызывают так называемое «вставание» (эрекцию) сосков. Это происходит в результате сокращения эластичных волокон соединительной ткани, опоясывающей околососковый кружок и сосок. Поверхность кружка при

этом уменьшается, а сам сосок затвердевает и делается выпуклым. В этом положении сосок начинает проявлять чувствительность на сексуальные раздражения, потому что затвердение позволяет «выставить напоказ» находящиеся на его вершине многочисленные нервные окончания.

Поглаживание и щекотание сосков, так же как и все вышеописанные осязательные ласки, приводят в движение весь комплекс нервно-сосудистых рефлексов, подготавливающих половые органы женщины к половому акту. Под воздействием этих ласк происходит процесс кровенаполнения внешних узлов в области промежности и половых губ, а также усиленное выделение увлажняющей слизи. Поглаживание женской груди является одним из наиболее эффективных сексуальных раздражителей — в особенности в купе с поцелуями, о чем я более подробно расскажу в следующей главе.

Существует еще один вид ласк женской груди, от которого получают большое удовлетворение оба партнера. Я имею в виду прикосания и щекотание сосков головой мужского полового члена, находящегося в состоянии эрекции. Осязательные раздражения в этой ласке отличаются необычайной утонченностью и способностью вызывать чувство сильного полового возбуждения. Хочу предупредить, что эта ласка приемлема только для достаточно опытных и зрелых партнеров.

Перевод с польского

Льва Волгина

Продолжение следует

Дорогие читатели!

Судя по почте, рубрика «Азбука для двоих» пользуется неизменным вашим вниманием, что, впрочем, совершенно естественно. Публикацию серии материалов Михайлины Вислоцкой мы в основном завершили в этом году. На следующий год перейдет лишь та часть, которая расскажет вам о первой брачной ночи.

А что же ждет вас дальше? Мы предполагаем открыть новый сериал под условным названием «История эротического искусства». Но, может быть, у вас есть встречные предложения? Напишите нам об этом.

Ответ на вопросы,
отрежь полосу
и пришли в редакцию

У западно-европейских стран есть персональные святые покровители: у Франции — Жанна д'Арк, у Италии — Франциск. А кто покровительствует Англии?

1. Святой Георгий
2. Святой Бенедикт
3. Святой Яков

Наполеон обожал раздавать королевские короны своим ближайшим родственникам. Один из братьев императора успел даже посидеть на двух тронах. Как звали этого счастливчика?

1. Жером
2. Жозеф
3. Люсьен

Schönbrunn

Windsor

Sans-Souci

Перед вами фотографии трех исторических европейских замков. Какой из них до сих пор сохраняет и своих «исторических» владельцев?

1. Виндзор
2. Сан Сузи
3. Шенбрунн

Один известный французский актер является сыном не менее известного скульптора. Кто же он?

1. Бельмондо
2. Делон
3. Ришар

Имя _____

Фамилия _____

Возраст _____

Адрес _____

Последний срок ответов — 15 июля

Под редакцией
Анатолия
Карпова

Не расставляя фигур

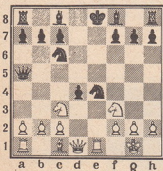
Миниатюра, которую мы приводим ниже, была сыграна выдающимися шахматистами. Заметим лишь, что будущему пятому чемпиону мира было всего 19, чем во многом и объясняется разгром, учиненный ему уже масгитым гроссмейстером...

М. ЭЙВЕ —
Р. РЕТИ

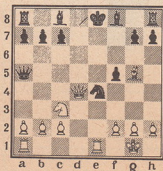
Амстердам, 1920 г.

Защита двух коней

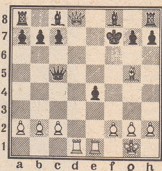
1.e4 e5 2.Kf3 Kc6 3.Cc4 Kf6
4.d4 ed 5.0—0 K:e4 6.Le1 d5
7.C:d5 Ф:d5 8.Kc3 Фа5.

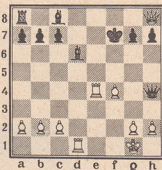
9.K:d4?! K:d4 10.Ф:d4 f5 11.Cg5

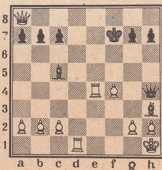
11...Фe5! 12.Фd8+ Kpf7 13.
K:e4? (следовало играть 13.
Lad1!) 13...fe 14.Lad1.

14...Cd6! 15.Ф:h8 Ф:g5 16.f4
Фh4 17.L:e4.

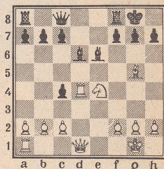
17...Ch3!! (жертва второй
ладьи, которую нельзя откло-
нить, взятие же ведет к мато-
вому финалу) 18.Ф:a8 Cc5+
19.Kph1.

19...C:g2+! (эта последняя
жертва довершает дело) 20.Kр:
g2 Фg4+, и белые сдались.

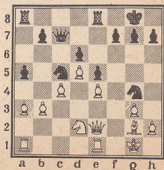
Серию позиций, в которых
будут пожертвованы все шах-
матные фигуры, начнем с двух,
где на алтарь атаки приносятся
кони — как-никак Год лошади!

КАНАЛЬ — ИОНЕР

1.Kf6+! gf 2.C:f6, и мат неот-
вратим.

ОПОЧЕНСКИЙ — ТРИФУНОВИЧ

1...Kd3! (взятие любого из ко-
ней грозит спертым матом)
2.f3 Фe5+ 3.Kpg2 K:e1, и чер-
ные легко выиграли.

Продолжаем публиковать от-
веты на конкурсные задания.

№ 9. (Г. Веник): 1.Ch7 2.
Kpf5 (очевидные ответы черных
мы, разумеется, опускаем). 3.
Kpf4+ 4.Kpe4 5.Kpe3+ 6.Kpd3
7.Kpd2+ 8.Cg8 9.Lc1+ 10.Lc6
11.Ch7+ 12.Lg6 13.Lg5+ 14.
Lf5 15.Lf4+ 16.Le4 17.Le3+
18.Ad3 и 19.L:b3X.

Бабушка надвое сказала

Земной шар круглый, как футбольный мяч. В течение года наша планета совершает полный оборот вокруг Солнца. Праздник футбола — чемпионат мира — приходит к нам раз в четыре года. Мы ждем его, как ждут прихода весны, хотя он приходит к нам в начале лета.

Несколько страсти, огня на поле и вокруг него! Помните, как во время предыдущего чемпионата рассерженный итальянский тиффози, недовольный неудачной игрой своих любимцев, выбросил с третьего этажа цветной телевизор! А те жертвы футбола, которые «доблелись» до такой степени, что их пришлось укладывать в больницу?

Но довольно о грустном. Давайте жить настоящим и будущим. На некоторое время окунемся в волшебный, сумасшедший и неистовый мир футбола. Какой болельщик сегодня может удержаться от прогнозов! Мы спросили у бабушки, как она расценивает шансы сборной СССР. И знаете, что она сказала... Впрочем, о бабушке потом. А сейчас заинтересуемся мнением тех людей, в компетентности которых у нас нет сомнений.

Начнем с трехкратного чемпиона мира, легендарного футболиста всех времен — Пеле:

— Несомненно, что и на этот раз в Италии соберутся сильнейшие команды мира. Я внимательно слежу за развитием футбола в разных странах. Знаю, что многие «нефутбольные» страны заставили о себе говорить в последнее время.

Чего я жду от нынешнего чемпионата? Хотелось бы увидеть яркий, красочный футбол. Не думаю, что после бразильской системы 4-2-4, ее различных модификаций и «то-

тального футбола», наиболее яркими представителями которого были неистовые голландцы во главе с Йоханом Круиффом, что-то новое может появиться в футбольной тактике и стратегии. Очевидно, успех будет сопутствовать тем командам, в рядах которых наиболее яркие исполнители. Многие также будут зависеть от слаженности командных действий. Вас, разумеется, интересует вопрос: кого я считаю наиболее вероятным победителем чемпионата? Полагаю, что им станет сборная Голландии. Впрочем, я также не исключаю, что успех может сопутствовать и непредсказуемым югославам.

Анатолий Карпов, экс-чемпион мира по шахматам, народный депутат СССР:

— Конечно, для меня более близкий вид спорта — это шахматы. Но и к футболу отношусь с большим уважением. Как вы, наверное, помните, я уже сыграл в полуфинале с Тимманом. Подготовка к матчу была напряженной. Один из этапов подготовки, кстати, проходил в Италию. Я видел, с какой ответственностью там готовились к соревнованиям. Повсеместно обновлялись стадионы, везде царил невообразимый ажиотаж. По настроению итальянцев я понял, что чемпионом они видят только «скуадру-адзурру». Думал ли я над тем, кто станет победителем? К сожалению, у меня не было времени заниматься прогнозами. Время под-

готовки к матчу с Тимманом было крайне насыщенное. Поэтому вряд ли смогу дать вам сейчас свой прогноз. Но ничего бы не имел против, если бы чемпионом мира стала сборная СССР.

Катя Гордеева, Олимпийская чемпионка, победительница мировых первенств по фигурному катанию:

— Я настолько далека от футбола, что думаю, мой прогноз ничего не значит. Конечно, я прекрасно представляю себе, что прогнозы — занятие неблагоприятное. Но если уж рисковать, то давайте придумаем что-нибудь интересное. Ну, допустим, как в спорлото. Мы закладываем в пластмассовый барабан... Сколько всего команд участвует в чемпионате? Двадцать четыре? Так вот, закладываем двадцать четыре шара с названиями сборных, и кого выберет его величество счастливый случай, тот и чемпион.

Можно, конечно, ограничить количество участников. Допустим, полуфиналистами. Итак, в полуфинале Италия, ФРГ, Бразилия, Голландия. Вытаскиваем шар... Чемпион мира — сборная... Бразилия.

Станислав Черчесов, вратарь московского «Спартака», признанный лучшим по итогам минувшего сезона:

— Честно говоря, нелегкую задачу вы поставили передо мной. Как и большинство моих коллег по спорту, я человек не-

много суеверный. В чем это проявляется? Конечно, не могу сказать, что если я, допустим, встал с утра не с той ноги, то все идет прахом. Кстати, а кто может сказать, с какой ноги лучше вставать? Я, к примеру, всегда выхожу на игру в желтом свитере, а в автобусе сажусь справа на четвертое сиденье ближе к окну.

Что касается прогноза насчет лучшей команды мира, то затрудняюсь дать определенный ответ. Но, на мой взгляд, есть несколько команд, которые в равной степени могут претендовать на успех. К ним отношу в первую очередь сборные Аргентины, ФРГ, Бразилии, Италии, Югославии, Голландии и СССР. А там посмотрим. Как говорят: мяч круглый, поле ровное.

В начале года у нас в стране впервые побывал президент Бразилии Фернандос Алфонсо Коллор де Мелло. Он, как никто, произвел впечатление на столичных жителей.

Во-первых, президент в наше смутное время отказывался ходить один по улицам Москвы. И на то были весьма веские основания. Фернандос является обладателем черного пояса по карате. Каждое утро он полтора часа посвящал оздоровительному бегу, активным занятиям спортом. В свое время президент, как всякий бразилец, увлекался и футболом. На вопрос, кого он видит чемпионом мира, Коллор де Мелло, ничуть не сомневаясь, назвал сборную Бразилии.

Профессор Мак-Иов Риго, находясь проездом в Москве, тем не менее, как всегда, не преминул заглянуть в редакцию. Его прогнозы к чемпионату мира:

— Во-первых, я профессионал. А для того чтобы высказаться на сей счет свое мнение, нужно знать подробно, в каком состоянии находится каждый из участников финала. К сожалению, в последнее время я за футболом не следил, поэтому сказать что-нибудь определенное вряд ли смогу. Но что касается сборной СССР, то с такой рационалистической игрой, какую она исповедует, вряд ли можно рассчитывать на успех.

Тренер сборной Румынии Эмерих Еней:

— У нас есть реальные шансы выйти в одну восьмую финала. Я думаю, что сборная Аргентины не так сильна, как в Мексике. Советская команда — достойный соперник, однако мы помним победы нашего ведущего клуба «Стяуа» над киевским «Динамо» в Суперкубке 1986 года и над московским «Спартаком». Для нас в подгруппе наибольшей загадкой является сборная Камеруна. Поэтому в оставшееся время мы тщательно изучим ее сильные и слабые стороны. Да, жребий к нам не благоволил — мы попали в сильную группу. Но именно в этих условиях наша команда должна показать свои лучшие качества. Будет трудно, но я верю в успех.

А теперь внимание, уважаемые читатели! Гвоздь программы, сенсация нашего спортпрогноза. Мы связались по телефону с Лондоном. Англичане, как известно, являются родоначальниками футбола, выигрывали кубок Нике в 1966 году. Но свой взор к туманному Альбиону мы обратили не только из-за этого. Там живет человек, который может предсказывать будущее, — Джон Бейтсли. По нашей просьбе он заглянул «туда» и разложил все по полочкам. Любители участвовать в различных конкурсах и тотализаторах! Вот расстановка сил по группам.

ОЧКИ

I. Италия	— 5
СССР	— 4
Австрия	— 3
США	— 0
III. Бразилия	— 6
Шотландия	— 4
Швеция	— 2
Коста-Рика	— 0
V. Испания	— 6
Юж.Корея	— 3
Бельгия	— 3
Уругвай	— 0

ОЧКИ

II. Аргентина	— 5
СССР	— 5
Румыния	— 1
Камерун	— 1

IV. ФРГ	— 5
Югославия	— 5
Колумбия	— 2
ОАЭ	— 0

VI. Голландия	— 6
Англия	— 4
Ирландия	— 1
Египет	— 1

Итак, в одной восьмой финала встретятся:

Аргентина—Швеция	2 : 0
4 СССР—Шотландия	2 : 1
Бразилия—Австрия	3 : 0
ФРГ—Бельгия	1 : 0
Англия—СССР	0 : 1
Италия—Колумбия	2 : 0
Испания—Югославия	1 : 2
Голландия—Юж.Корея	4 : 0

В четвертьфинальных играх Бразилия возьмет верх над Югославией — 3 : 1, СССР уступит хозяевам чемпионата — сборной Италии 1 : 2, западногерманская команда одолеет шотландцев 2 : 0, а голландцы обыграют сборную Аргентины со счетом 3 : 1. Далее события будут развиваться следующим образом. В полуфинале встретятся Бразилия—Италия — 2 : 0 и ФРГ—Голландия — 1 : 2. Голландцы как бы возьмут реванш за поражение в финале чемпионата мира 1974 года.

Наиболее красочным и драматическим будет матч чемпионата мира, где встретятся сборные Бразилии и Голландии. Победят голландцы 2 : 1. Итак, чемпион известен. Давайте тем не менее наблюдать за ходом чемпионата мира. Интересно, насколько точными окажутся прогнозы тех, кого мы опрашивали. А вот как закончатся матчи с участием сборной СССР во второй подгруппе:

Камерун—СССР	0 : 3
СССР—Румыния	2 : 1
СССР—Аргентина	0 : 0

Ну а что все-таки думает обо всем этом бабушка? — напоминает любознательный читатель. А бабушка надвое сказала.

Всем привет от любящих футбол внуков из «Ст. М.» Володи Толстого и Петра Плевава.

КАЛЬЧИО-90

Валерий Лобановский: третья попытка

На вопросы «Ст. М.» в канун финала ответил главный тренер сборной Советского Союза Валерий Лобановский. Но, прежде чем предоставить ему слово, — несколько любопытных мнений из «досье» Чао — симпатичного талисмана главного турнира года.

«Время от времени в этой

стране появляются просто фантастические игроки, но им не удается собраться вместе на чемпионатах мира. В отдельных матчах сборная играла с редким мастерством и вдохновением, но потом каким-то образом теряла энтузиазм и уверенность в себе... Будет интересно посмотреть в Италии, преодо-

леют ли футболисты эти недостатки и смогут ли продемонстрировать постоянно высокого класса».

«Эта команда подобна марморному блоку. Сильная и твердая. Однако ей несколько не хватает фантазии».

«Хочется пожелать, чтобы тонкое понимание игры, с которым команда обычно начинает крупные турниры, сохранялось до конца. Кто умеет играть в разнообразный футбол, тот не должен сбиваться с крупного шага на мелкий, даже если его будут вынуждать это делать соперники».

Автор первой цитаты — один из лучших английских футболистов, 106 раз выступавший за сборную, Бобби Чарльтон. Второе мнение принадлежит Себастьяну Лазарони, тренеру трехкратных чемпионов мира — бразильцев. Третье — одному из ведущих футбольных обозревателей ФРГ — Карлу Хайнцу Хайманну. А говорят они об одной и той же команде — сборной Советского Союза.

Это взгляд со стороны. Тем интереснее заглянуть в тренерскую лабораторию нашей команды.

В конце прошлого сезона статистики подсчитали: чаще всех руководил сборной СССР Гавриил Качалин — в 76 официальных матчах. Валерий Лобановский — в 71. В нынешнем году он имеет шансы стать рекордсменом среди своих коллег по тренерскому цеху. Чемпионат мира в Италии будет третьим турниром столь высокого ранга в его биографии, но в то же время — первым, который Лобановский прошел вместе с футболистами от стартового оборочного матча до финала.

— Валерий Васильевич, вы присутствовали в римском «Палаццо дела спорт», когда в декабре прошлого года там состоялась жеребьевка финальной части XIV чемпионата мира. У специалистов, оценивающих ее итоги, мнения разделились. Одни считают, что на чемпионате слабых соперников не бывает. Другие же убеждены, что fortuna могла быть к нам более благосклонной, а группу «В» именуют не иначе, как «кияцияцци котлом».

— Полагаете, пожалуй, только итальянцам. А в целом

составе групп, на мой взгляд, получились достаточно равными. Класс большинства национальных команд очень высок, и шансы на чемпионский титул — примерно у трети претендентов.

— Многие считают фаворитом в нашей группе аргентинцев. Однако они не совсем удачно начали свою подготовку. Не ставят ли серия неудач под сомнение шансы чемпионов?

— Я бы не стал делать столь категоричные выводы. В конце прошлого года я видел команду Карлоса Билардо в игре со сборной Италии (0 : 0). Она произвела на меня впечатление. К тому же чемпионат мира открывается в июне, а не в феврале.

У нас есть видеозаписи выступлений будущих соперников. Но нашей сборной предопределена трудная дорога. Играть придется в очень жестком режиме — 9, 13 и 18 июня. Кроме того, следует учитывать, что кандидаты в призеры должны пройти дистанцию в семь встреч. Если мы зайдем согласно формальным прогнозам второе место в группе «В», то в 1/8 финала встретимся со второй командой группы «F». Ею может оказаться Голландия, Англия или Ирландия. А ведь начиная с 1/8 финала вступает в силу принцип: проигравший выбывает. Разумеется, наша цель — выйти во второй круг. И здесь неважно, какое место мы зайдем в группе — первое или второе.

— Накануне мирового первенства специалисты пытаются предсказать, какой футбол мы увидим на стадионах итальянских городов.

— После нашей победы в полуфинале чемпионата Европы-88 бывший тренер сборной Италии — Энцо Беарзот сказал, что мы играем в современный футбол на скорости 100 километров в час. Но это не предел. Мы стремимся приехать в Италию с командой, которая будет заметно превосходить предыдущую и в функциональном, и в тактическом отношении. Быстрота мышления, скорость коллективных действий, умение применять прессинг на разных участках поля — вот что будет определять успех.

— Эти требования, очевидно, и стали ключевыми при выборе футболистов?

— Безусловно. На начальном этапе играть придется на юге Италии — в Неаполе и Бари. В условиях июньской жары, а также жесточайших единоборств с соперниками на первый план выходит функциональные возможности. Без этого игрок, будь он даже самым искусным техником, не сможет продемонстрировать свои сильные стороны. Нужна высокая спортивная форма, психологическая устойчивость и, отмечу особо, опыт выступлений в матчах такого ранга.

С большинством из тех, кто приедет в Италию, я работаю в сборной с мая 1986 года. Мне пришлось испытать с ними и радость побед, и горечь поражений. Я доверяю этим игрокам — опытным футболистам, составляющим костяк сборной. Да и состав на столь важном этапе нельзя резко менять. Ведь чемпионат мира — не экспериментальное соревнование.

— Похоже, что у нас формула «сильные клубы — сильная сборная» имеет несколько трансформированный вид. Ведь основная нагрузка в нашей главной команде выпадает на футболистов киевского «Динамо».

— На чемпионате Европы в ФРГ сборная Англии потерпела фиаско: она проиграла все три матча группового турнира. Но, несмотря на это, называется в числе фаворитов мирового первенства. Потому что там в национальном чемпионате на высоком уровне выступают 12—15 клубов. Это позволяет не испытывать затруднений с выбором классных игроков.

На стадионах Западной Германии мы противопоставили соперникам ограниченную группу основательно подготовленных футболистов, обладающих достаточным опытом международных встреч. Этого хватило, чтобы завоевать серебряные медали первенства континента. Но по-прежнему наш футбол испытывает «кадровый голод» — трудно найти игроков, соответствующих требованиям, которые мы предъявляем.

Как вы знаете, на первом сборе накануне финала не было Дасаева, Черендика, Хидиятуллина, Алейникова, Заварова, Бородюка, Горукувича, Беланова, Лютого, выступающих за рубежом. Контракты не пре-

дусатривают их отлучек на тренировочные сборы.

В испытаниях, подобных чемпионату мира, важны психологическое спокойствие и уверенность. Чтобы сохранить их, мы не объявляли окончательный список ранее чем за месяц до старта.

— Привлекательность финального турнира и в том, что он станет продолжением спора между лучшими европейскими и южноамериканскими сборными. Любопытно, что из 13 проведенных чемпионатов ни одна из команд Старого Света не побеждала на Американском континенте. Только такая исключительная сборная, как бразильцы в 1958 году, способна была выиграть чемпионат мира за пределами своего континента. Считаете ли вы, что четырнадцатый чемпионат мира станет европейской командой?

— Существовала точка зрения, что тотальный футбол не подходит игрокам из жарких стран, поскольку при этом необходимо расходовать много энергии. Четыре года назад Карлос Билардо победой сборной Аргентины доказал: тотальный футбол — веление времени, не зависящее от географических понятий.

На мой взгляд, разделение футбола на разные школы ушло в прошлое. Идет взаимное обогащение. В Италии присущую им в последние годы игру продемонстрируют как сборные Бразилии и Аргентины, так и команды Италии и ФРГ. В конечном итоге все решат подготовка и качество игры.

— Опыт чемпионатов мира, — отмечал в свое время известный футбольный обозреватель Лев Филатов, — доказывает: эти турниры не просто соревнования, они конкурсы футбольной игры, в которых побеждают те, чей пример надолго становится объектом изучения и оставляет след в эволюции футбола. Увы, наша команда в таком конкурсе раньше не принимала участия.

— После чемпионата мира 1986 года многие специалисты футбола отметили: мексиканский турнир — едва ли не первое крупнейшее соревнование, на котором советская команда не копировала чужую тактику былых времен, не догоняла, не подстраивалась под футболь-

Здоровье прежде всего

Как и было обещано в № 3 с.г., мы знакомим вас, дорогие читатели, с китайской национальной гимнастикой «ушу». Но прежде совершим небольшой экскурс в историю, а также дадим вам некоторые рекомендации. Итак...

Своими корнями «ушу» уходит в далекое прошлое. Навышество расцвета «ушу» достигла при императорской династии Мин (1368—1644). Уже тогда существовало 16 школ этой борьбы, которые создавались, как правило, в монастырях — конфуцианских, даосских, расположенных в живописных местах — горах, долинах рек, у прозрачных озер, в непроходимых джунглях. Несколько монастырей со школой борьбы основали буддийские монахи, принесшие в Китай новую религию — буддизм.

Очевидно, многочасовые молитвы требовали физической и, как мы сейчас говорим, психологической разрядки. И во многих монастырях настоятели разрабатывали систему упражнений, чтобы снять физическую усталость, взбодрить дух. Они легли в основу «ушу».

В то же время монастыри в Китае часто являлись «государством в государстве». А государство, как известно, должно было уметь себя защитить от грабителей, разбойников и прочего лихого люда. И монахи, используя упражнения «ушу», научились защищаться всем, что попадало под руку, — палкой, шестом, коромыслом, молотом, а то и просто кулаком.

Как правило, монахи свято берегли тайны владения «ушу». В древности был выработан даже специальный кодекс, состоящий из 10 заповедей, которые призывали использовать «ушу» исключительно в целях самообороны. Категорически запрещалось применять приемы «ушу» в корыстных целях, оби-

жать слабых и т.п. Была выработана система условных знаков и жестов, по которым мастера, владеющие «ушу», узнавали друг друга. Это помогло избежать боевых поединков между учениками одной школы. Запрещалось также обучать приемам «ушу» «всех без разбора». На приверженцев школы «ушу» распространились заповеди китайских религий: не пить вина, не есть мяса, уважать учителей, почитать старших и т.д.

Для «ушу» характерно многообразие форм и видов. «Ушу» подразделяется и по методам ведения боя, и по способу нанесения ударов, и по используемому виду оружия. Виды оружия в «ушу» практически неисчерпаемы. Применяются мечи, пики, шести, секиры, копы, топоры, лопаты и даже коромысла.

Но «ушу» — это не только и не столько тренировка мышц и умение ловко обращаться с оружием защиты и нападения. Это еще и концентрация всех внутренних резервов организма, нервной системы, органов дыхания, кровообращения и т.п., помноженная на тренировку, координацию движения, глазомер, гибкость.

«Ушу» считается в Китае не только национальным видом спорта, но и видом искусства.

Одной из разновидностей «ушу», наиболее распространенной в народе, является «тайцзицзюань». Это скорее дыхательная гимнастика, чем вид борьбы. Хотя упражнения «тайцзицзюань» предполагают наличие противника, но он носит условный характер, и эту

ную моду, а вышла на поле, имея собственное лицо, шла в ногу со временем, показав сбалансированную, гармоничную игру.

Но при этом о нас на Западе нередко говорят как о роботах на футбольном поле. Да, физическая подготовка по-прежнему является нашей отличительной особенностью, но и в плане индивидуальной техники и мастерства мы добились немало. Надеемся, в Италии мы продемонстрируем, что советский футбол изменился, стал не только олимпийским.

— *Еще задолго до чемпионата вы заявили, что независимо от результата сборной СССР в Италии уходите с поста главного тренера сборной. Чем вызвано такое решение?*

— Как известно, чемпионы мира проходят раз в четыре года. Обычно на такой срок и заключают контракт с тренером национальной сборной. За это время он может воплотить в жизнь свои игровые идеи.

— *В различных интервью вы не раз повторяли, что сейчас футболом правит результат. В Испании в 1982 году сборная СССР осталась седьмой. Четыре года спустя в Мексике, при всей привлекательности и красоте игры, заняла лишь десятое место. Какая задача стоит перед вашими подопечными в Италии?*

— Несерьезно утверждать, что мы берем обязательство выиграть чемпионат мира. Но... На высшее звание претендуют, на мой взгляд, восемь команд. Среди них и сборная СССР.

Пусть же фортуна не отвернется на сей раз от наших ребят, как это, увы, не раз бывало! Пусть итальянские баталии станут звездным часом для «Платини из Ворошиловграда», как назвали Александра Заварова восхищенные французские журналисты, для нестоющего кудесника футбола Федора Черенкова, для «русского Гуляита по имени Алексей» — Михайличенко, для всех их товарищей по команде. Пусть улыбнется удача — с третьей попытки — главному тренеру сборной!

Беседа вел Валерий Калинин

Куиков В. С. Китайцы о себе. М., Политиздат, 1989, 256 с.

Перемены... они происходят не только в нашей жизни. Но, к сожалению, порой мы имеем слишком мало информации, не говоря уже о более глубоких размышлениях и исследованиях, касающихся всевозможных перемен, реформ в других странах.

На наш взгляд, журналист-международник Владимир Куиков восполняет эти пробелы. Прочитав его книгу, вы лучше узнаете Китай. День сегодняшней и вчерашней. Ярче представите различные стороны жизни страны — ее политику, экономику, культуру. А самое главное — узнаете о проблемах реформы, проходящей в Китае. Наверняка не оставят вас равнодушными и страницы, посвященные физической культуре, национальному виду не только спорта, но и искусства — «ушу».

борьбой в Китае часто называют «борьбой с тенью».

Одним из родоначальников «тайцзицюань» в Китае принято считать Ци Цзигуана (1528—1589).

Он написал книгу, которая поставила его в один ряд с известными деятелями китайской истории. Он назвал ее «Новая книга о службе и дисциплине». В ней речь шла о системе атлетической и психологической подготовки воинов. Это и были знаменитые упражнения «тайцзицюань».

Главным принципом этих упражнений является сочетание противоположных начал: твердости и мягкости, силы и слабости, скорости и заторможенности.

Занятия «тайцзицюань» требуют, чтобы до и после максимально быстрых движений выполнялись движения до предела замедленные. Еще одним принципом «тайцзицюань» является, как отмечают китайские специалисты, «спокойное сердце и сосредоточенный ум», что позволяет успокоить нервную систему, координирует работу различных органов человека.

Расслабленность всего тела, глубокое и естественное дыхание, плавные дугообразные движения — все это можно видеть, наблюдая за тренировками спортсменов.

В Китае миллионы людей занимаются этим видом гимнастики. Как считает китайская медицина, она оказывает не только положительное влияние на организм, повышает его тонус, способствует бодрости и хорошему настроению, но и оказывает целительное действие на такие болезни, как невралгия, гипертония, гастрит, болезни сердца, артрит, диабет.

«Тайцзицюань» — это не забава, а вид спорта и требует к себе соответственного отношения. Необходим и медицинский контроль, и оценка самочувствия после занятий. Войти в «тайцзицюань» следует постепенно, начиная с несложных упражнений и ограничивая на первых порах время занятий 15—20 минутами. Форма одежды должна быть свободной, не сковывающей движений, на ногах легкие тапочки, лучше матерчатые. Во время исполнения упражнений нужно полностью

сосредоточиться на движениях рук, ног, контролировать дыхание и на какое-то время, как советуют специалисты, «выбросить из головы все, кроме «тайцзицюань».

Мы знакомим читателей с упрощенным комплексом гимнастики «тайцзицюань», в 50-х годах распространявшимся Комитетом физкультуры и спорта КНР по всей стране. Движения этого комплекса несложны и сохраняют основные особенности и эффективность «тайцзицюань». Заниматься упражнениями нужно постоянно, но предварительно посоветовавшись с врачом.

Упрощенный комплекс гимнастики «Тайцзицюань»

Первая группа

Исходное положение (Рис. 1)

Стоять прямо в естественной позе. Ноги поставлены врозь на ширину плеч. Руки свободно опущены вдоль туловища. Смотреть вперед (рис. 1).

Указания. Голову держать прямо. Подбородок взят несколько «на себя». Не выпячивать намеренно грудь и не вбирать в себя живот. Быть сосредоточенным.

Предварительные движения (Рис. 2—4)

1. Руки медленно поднять вперед до уровня плеч ладонями вниз (рис. 2, 3).

2. Верхняя часть туловища сохраняет прямое положение. Ноги медленно сгибаются в коленях, а ладони в это время слегка давят вниз, пока обе руки не оказываются над коленями. Смотреть вперед (рис. 4).

Указания. Плечи опущены. Руки свободно висят в воздухе. Пальцы слегка согнуты. Тяжесть тела поровну распределена на обе ноги, согнутые в коленях, поясницу расслабить, таз не выпячивать. Опускание рук и сгибание ног выполнять согласованно.

Поглаживание гривы дикой лошади (Рис. 5—19)

1. Туловище слегка поворачивается направо, тяжесть те-

ла перемещается на правую ногу. Одновременно с этим правая рука переносится к груди ладонью вниз, а левая впереди описывает дугу справа-вниз, оказывается под правой рукой ладонью вверх, как будто обеими руками обхватывая большой шар. Левая нога приставляется к правой с ее внутренней стороны, носком прикасаясь к полу. Смотрите на правую руку (рис. 5, 6).

2. Верхняя часть туловища

поворачивается влево. Левая нога делает шаг вперед по диагонали, а правая вытягивается назад, принимая стойку выпада. В это время обе руки медленно расходятся, одна — налево-вверх, а другая — направо-вниз. Левая рука останавливается на уровне глаз ладонью к лицу и чуть согнутая в локте, правая же рука опускается у тазовой кости ладонью вниз. Смотрите на левую руку (рис. 7—9).

3. Тяжесть тела переносится на правую ногу. Носок левой ноги приподнимается и чуть-чуть отклоняется влево, затем левая нога медленно сгибается в колене и принимает стойку выпада вперед. Туловище поворачивается влево, тяжесть тела снова ложится на левую ногу. В это время левая рука с поворачиваемой вниз ладонью переносится к груди, а правая описывает дугу слева-вверх и оказывается под левой рукой, как будто обеими руками обхватывая большой шар. Затем правая нога сразу приставляется к левой ноге с ее внутренней стороны, носком касаясь пола. Смотрите на левую руку (рис. 10—12).

4. Правая нога делает выпад по диагонали вперед. Обе руки медленно расходятся, правая — направо-вверх, а левая — нале-

Рок чистой воды

Мода на рок вроде бы проходит, а слава остается. Поэтому просто расскажу о группе «Чайф», что знаю. Эта группа тоже из Свердловска, где наберется еще с десяток известных команд, кроме «Наутилуса».

«Рок чистой воды» — тоже свердловская инициатива и соединяет в себе два экологических движения: за чистоту окружающей среды и за чистоту рок-движения от эстрадной халтуры.

Одну из самых длинных статей про «Чайф» написал некто Евгений Додолев, сравнивая «Чайф» с «Наутилусом», а лидера группы Владимира Шахрина — то с Бутусовым, то с Кормильцевым, то с Брюсом Спрингстином, а их музыку — с «ностальгическими работами» «Роллинг Стоунз», которые «куда ближе к ленинградской школе, чем к неумно ищущей свердловской». Ну как, интересно? И чего только не напишут журналисты... Поэтому лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Думаю, что Владимир Шахрин больше всего похож на самого себя — монтажника Шахрина, который, опять-таки если верить журналистам, лет десять из своих тридцати занимается роком, а лет пять назад организовал группу, ориентированную на ритм-энд-блюз вместе с Владимиром Бегуновым (гитара, вокал), а потом уж им помогал Антон Нифантьев (бас-гитара), Игорь Злобин (ударные) и лидер-гитарист Павел Устюгов.

В течение 1986 года квартал выпустил два магнитофонных альбома «Однажды вечером в городе Свердловске» и «Жизнь в розовом дыме». Последняя программа в Москве, которую я слышала, была построена в основном на песнях из альбома «Дерьмотин» и «Дуля с маком»: «Снимите с нас строгий ошейник», — поет Владимир Шахрин.
Ольга Миткина

Вторая группа

Обводить рукой колени
(Рис. 23—37)

1. Правая рука спереди опускается вниз, затем, чуть согнутая снизу, описывает дугу назад-вверх, доходя до внешней стороны ладони на уровне уха, ладонью вверх. Левая рука ладонью вверх, описывает дугу направо-вниз и ставится перед грудью ладонью вниз. Одновременно верхняя часть туловища слегка поворачивается сначала влево, потом вправо. Смотреть на правую руку (рис. 23—25).

2. Верхняя часть туловища поворачивается налево, левая нога медленно делает выпад вперед с уклоном влево. В это время правая рука сгибается в локте и со стороны уха выталкивается вперед на уровне кончика носа, а левая рука опускается вниз, обводит полукруглым движением левое колено и останавливается у тазовой кости. Смотреть на пальцы правой руки (рис. 26, 27).

3. Тяжесть тела переносится на правую ногу. Носок левой ноги чуть приподнимается и отводится чуть наружу, затем левая нога медленно делает выпад вперед, туловище поворачивается налево, тяжесть тела переносится на левую ногу. Правая нога приставляется к левой с ее внутренней стороны, лишь носком касаясь пола. В это время левая рука с повернутой вперед ладонью с левой стороны с уклоном назад поднимается ровно вверх. Правая рука вслед за поворотом туловища описывает дугу вверх-налево-вниз и останавливается перед левым плечом ладонью вниз. Смотреть на левую руку (рис. 28—30).

4. То же, что п. 2, но с другой руки и ноги (рис. 31, 32).

5. То же, что п. 3, но с другой руки и ноги (рис. 33—35).

6. То же, что п. 2 (рис. 36, 37).

Указания. После того как рука выталкивается вперед, туловище не наклонять вперед и не откидывать назад. Поясницу и таз расслабить. При толкании ладони вперед плечо не поднимать. Все эти движения необходимо координировать со сгибанием ног. При выпадах расстояние между пятками ног не превышает 30 см.

Окончание следует

во-вниз. Правая рука останавливается на уровне глаз ладонью к лицу и чуть согнутая в локте, левая же рука опускается у тазовой кости ладонью вниз. Смотреть на правую руку (рис. 13, 14).

5. То же, что п. 3, но с другой руки и ноги (рис. 15—17).

6. То же, что п. 4, но с другой руки и ноги (рис. 18, 19).

Указания. Верхнюю часть туловища не наклонять вперед и не откидывать назад. Грудь должна быть свободно расправлена. Руки при разведении округлены. Движения рук и ног согласованы и выполняются в одном темпе. При выпадах нога, делающая шаг, опускается на пол на пятку, а затем медленно на всю ступню. В стойке выпада колено и носок согнутой ноги должны находиться на одной линии, а другая нога, слегка упирающаяся в пол, образует с ним угол 45°. Пятки обеих ног не должны находиться на одной линии, расстояние между ними 10—30 см.

Белый журавль расправляет крылья

(Рис. 20—22)

1. Верхняя часть туловища слегка поворачивается влево. Ладонь левой руки повертывается вниз и опускается перед грудью, а правая рука описывает дугу слева-вверх и ладонью вверх ставится под левой рукой, как будто обеими руками обхватывая большой шар (рис. 20).

2. Правая нога приставляется на подшаг к левой, тяжесть тела переносится на правую ногу, а левая нога чуть-чуть выставляется вперед, носком прикасаясь к полу. Одновременно обе руки медленно расходятся, одна — направо-вверх, а другая — налево-вниз. Правая рука останавливается с правой стороны (с небольшим уклоном вперед) головы ладонью влево-назад, левая же опускается у левой тазовой кости ладонью вниз. Смотреть прямо вперед (рис. 21, 22).

Указания. Грудь не выпячивать, руки сохраняют округлую форму. Левое колено слегка согнуто. Перемещение тяжести тела назад нужно координировать с поднятием правой руки вверх.

ФОТО ОЛЕГА МИТКИНА

П
О
С
Т
Е
Р

СТМ

Группа «Чайф», г. Свердловск

Кальчио-90

Цена 30 коп. Индекс 70932

Кому отдаст симпатию коварная
футбольная фортуна?

ОФОРМЛЕНИЕ ВСЕВОЛОДА ВАРШАВЧИКА

N	ДАТА		8	9	10	11	13	14	15	16	18	19	20
	СТРАНА												
1	США				4			2					3
2	ИТАЛИЯ		3					1					4
3	АВСТРИЯ		2						4				1
4	ЧССР			1						3			2

РИМ ФЛОРЕНЦИЯ

1	АРГЕНТИНА	2				3							4
2	КАМЕРУН	1						4				3	
3	СССР		4			1						2	
4	РУМЫНИЯ		3					2				1	

НЕАПОЛЬ БАРИ

1	БРАЗИЛИЯ			2						4			3
2	ШВЕЦИЯ			1						3			4
3	ШОТЛАНДИЯ				4					2			1
4	КОСТА-РИКА					3				1			2

ТУРИН ГЕНУЯ

N	ДАТА		9	10	11	12	13	14	15	16	17	19	21
	СТРАНА												
1	ФРГ			2						3			4
2	ЮГОСЛАВИЯ			1				4					3
3	ФАР		4						1				2
4	КОЛУМБИЯ			3				2					1

МИЛАН БОЛОНЬЯ

1	БЕЛЬГИЯ				2							3	4
2	ЮЖНАЯ КОРЕЯ					1						4	3
3	УРУГУВАЙ						4					1	2
4	ИСПАНИЯ							3				2	1

ВЕРОНА УДИНЕ

1	АНГИЯ				2						3		4
2	ИРЛАНДИЯ					1						4	2
3	НИДЕРЛАНДЫ						4				1		3
4	ЕГИПЕТ							3				2	1

КАЛЬЯРИ ПАЛЕРМО

Кто станет чемпионом «Кальчио-90»? Конечно, в прогнозах недостатка нет, и самые, на наш взгляд, любопытные, представлены в этом номере «Ст. М.». Но гадать на «футбольной» гуще — удел не только признанных авторитетов. Стать оракулом накануне финального турнира может каждый... Что для этого нужно? Как минимум знать: кто, когда и кем играет? Попробуйте. А «Ст. М.» напоминает состав финальных групп и расписание игр. Как

«расшифровать» таблицу? В верхней строчке, как вы догадались, календарь футбольного июня. На пересечении горизонтали (название команды) и вертикали (дата) — порядковый номер очередного соперника той или иной сборной.

Наверное, для точного прогноза важно знать не только когда, но и где состоится игра. Поэтому в таблице указаны города, на стадионах которых разыгрывается футбольный карнавал «Кальчио-90».